

СОСЛОВИЕ ПРОТИВ РОДИНЫ

Как служилый слой превратил
государство в частный актив

1917–1991

*Галина Венглинская
Москва, начало 1930-х*

Эту книгу я посвящаю памяти Галины Венглинской. В её судьбе соединились Российская империя и Советский Союз — две эпохи истории страны и нашей семьи.

Для меня фамилия Венглинских — живая связь поколений. Вместе с ней мы наследуем память о людях, их выборе и испытаниях. Эта семейная память стоит и за вопросом книги: как правящий слой утрачивал ответственность за государство и за тех, чьи судьбы ему были вверены.

Сохранить эту связь и передать её дальше — мой личный смысл работы над «Исторической Россией».

Александра Венглинская

Александра Венглинская

Сословие против Родины

Как служилый слой превратил
государство в частный актив

1917–1991

Историческая Россия
2026

Оглавление

Нажмите на название или номер страницы. Подробная структура книги доступна в панели закладок PDF.

Пролог. Шесть подписей против ста тринадцати миллионов	6
ЧАСТЬ I. ЗАКОН СОСЛОВИЯ	13
Глава 1. Права за службу	14
Глава 2. 1762: обязанность снята, права остались	22
Глава 3. Два испытания одного сословия: 1861 и 1903	32
ЧАСТЬ II. ДРУГОЙ ВЫБОР	43
Глава 4. Те, кто выбрал Родину после гибели государства	44
Глава 5. Слой, который умел строить	53
ЧАСТЬ III. КАК СТРОИТСЯ СОСЛОВИЕ	61
Глава 6. Учётная карточка сильнее дивизии	62
Глава 7. Россия без собственного институционального голоса	71
Глава 8. Преемник, которого система не могла воспроизвести	79
ЧАСТЬ IV. ТОЧКА ИНВЕРСИИ	87
Глава 9. 1953: контролёр обезглавлен	88

Глава 10. Право судить прошлое как право снять ответственность с себя	96
Глава 11. 1957: тормоз не сработал	105
ЧАСТЬ V. ОТ САМОСОХРАНЕНИЯ К ПРИСВОЕНИЮ	112
Глава 12. Стабильность кадров как селекция типа	113
Глава 13. Противник давил туда, где уже была трещина	121
Глава 14. Когда распоряжение захотело стать владением	129
ЧАСТЬ VI. РАЗМЕН	141
Глава 15. Государство демонтируют решениями	142
Глава 16. Кто получил страну	156
Эпилог. Плотины разбирают руками	169
Примечания и источники	175

ПРОЛОГ

Шесть подписей против ста тринадцати миллионов

Восьмого декабря 1991 года в охотничьей резиденции Вискули в Беловежской пуще шесть человек подписали документ, первая статья которого констатировала, что Союз Советских Социалистических Республик как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование. Двое представляли Российскую Федерацию, двое — Украину, двое — Белоруссию. Подписи стояли под текстом, который ни один из подписантов не имел полномочий подписывать: ни конституция Союза, ни конституции трёх республик, ни закон о порядке выхода из Союза, принятый полутора годами раньше, не знали процедуры, по которой три главы республик могли бы решить судьбу государства, объединявшего пятнадцать.

За девять месяцев до этого, семнадцатого марта, у населения того же государства впервые за семьдесят лет спросили прямо, должно ли оно существовать. В списки для голосования было внесено сто восемьдесят пять миллионов шестьсот тысяч человек. К урнам пришли сто сорок восемь миллионов пятьсот семьдесят тысяч — восемьдесят процентов. За сохранение Союза высказались семьдесят шесть и четыре десятых процента пришедших — сто тринадцать миллионов пятьсот тысяч.

Шесть подписей против ста тринадцати миллионов.

Из этого противопоставления обычно делают одно из двух. Либо это сцена предательства: узкая группа украла у народа его волю. Либо это сцена исторической неизбежности: народ голосовал за то, чего уже не существовало, а подписи лишь оформили свершившееся. Обе версии удобны и обе избавляют от работы. Первая предлагает искать виновных вместо механизма. Вторая предлагает не искать ничего.

Эта книга написана потому, что я не принимаю ни одной из них. Не потому, что в декабре 1991 года не было ни вины, ни неизбежности, — и то и другое там было. А потому, что обе версии отвечают на вопрос «кто» или «почему нельзя было иначе», тогда как единственный продуктивный вопрос звучит по-другому: *каким образом* государство, обладавшее армией, границами, промышленностью, ядерным арсеналом и только что подтверждённым мандатом населения, было распущено людьми, которые занимали в нём высшие должности и получали от него всё, что оно могло дать?

Не «кто виноват». Не «почему это было неизбежно». А как устроен слой, которому в определённый момент стало дешевле распустить государство, чем его сохранить.

Две даты, между которыми нет войны

Стоит выписать то, чего между мартом и декабрём 1991 года не было.

Не было войны. Не было оккупации. Не было голода в том смысле, в каком голод известен русской истории. Не было второго референдума, отменяющего первый. Границу никто не перешёл. Ракетные дивизии несли дежурство. Промышленность выпускала продукцию — меньше, чем годом раньше, но выпускала. Контрразведка за несколько лет до того разгромила американскую агентурную сеть в стране так, что в самих Соединённых Штатах это назвали худшим провалом в истории их разведки.

Был экономический кризис, и он был настоящим. Была политическая борьба между союзным и российским центрами, и она была настоящей. Были республиканские движения, и они были настоящими. Всё это будет разобрано в своём месте и по документам. Но ни одно из этих обстоятельств не отвечает на вопрос о механизме. Кризис ставит перед системой задачу; решение за неё он не выбирает. В русской истории кризисы такого класса случались и раньше, и не каждый из них кончался роспуском государства.

Что-то произошло не с обстоятельствами. Что-то произошло со слоем, который принимал решения.

Два измерения одной весны

В те же месяцы, когда население отвечало на вопрос референдума, американский социолог Джудит Куллберг опрашивала высшую московскую партийно-государственную номенклатуру. Сто шестнадцать человек — руководители аппарата, министерств, крупнейших хозяйственных структур. Около трёх четвертей из них высказались за форсированный переход к капитализму. Приверженность прежнему устройству сохраняла ничтожная доля.

Массовые опросы того же года дают противоположную картину: по данным центра Times Mirror, свободный рынок американского или германского типа как желательное будущее назвали семнадцать процентов населения.

Три четверти населения — за сохранение государства. Три четверти верхушки — за смену строя, при котором это государство существовало.

Два замера, сделанные в одни и те же месяцы разными людьми, разными методами, друг о друге не знавшими. Их можно оспаривать по деталям: выборка Куллберг невелика, формулировки массовых опросов неточны. Но направление расхождения они фиксируют одинаково, и это расхождение — не между «народом» и «властью» в абстрактном смысле. Это расхождение между людьми, которые в государстве жили, и людьми, которые им распоряжались.

Слой, распоряжавшийся государством, хотел другого порядка. Не потому, что был хуже населения. Потому, что был устроен иначе.

Что именно я собираюсь доказать

Предмет этой книги — не события. События 1991 года, 1917 года, 1953 года описаны много раз, и большинство из них не нуждается в ещё одном пересказе. Предмет книги — механизм, который становится виден только тогда, когда события соединены в определённом порядке.

Вот он в самом сжатом виде.

Государство создаёт управляющий слой. Оно даёт ему полномочия и привилегии — за выполнение функции. Пока положение человека в этом слое связано с обязанностью, результатом и проверкой извне, привилегия обслуживает службу: она нужна, чтобы служба была возможна. Если обязанность ослабевает, проверка становится внутренней, а состав слоя воспроизводится самим слоем, — сохранение положения группы становится самостоятельной целью, отделённой от функции. Слой, который в таком положении распоряжается огромными ресурсами, но не владеет ими и не может передать их по наследству, получает интерес — не обязательно осознанный, не обязательно проговариваемый — к такому изменению порядка, при котором распоряжение станет владением. В обычное время этот интерес подавлен силой государства. В системном кризисе он вступает в конфликт с обязанностью государство сохранять — и побеждает, потому что к тому моменту ничего, кроме самого слоя, решения уже не принимает.

Это гипотеза. Я не считаю её доказанной заранее и не собираюсь спасать её ценой фактов. В книге она проверяется по звеньям: обязанность и право, право и контроль, контроль и воспроизводство, воспроизводство и способность к решению, решение и выгода. Там, где звено доказано, я говорю об этом. Там, где доказан фрагмент, вывод сужается до фрагмента. Там, где документа нет, я говорю, что его нет, и не заполняю пустоту уверенностью тона.

Два эксперимента

Русская история дала для такой проверки редкую возможность: она поставила один и тот же опыт дважды, с разными исходными условиями.

Первый раз — с дворянством. В 1762 году с него сняли обязанность служить, оставив права, полученные за службу. Через сто пятьдесят пять лет государство, которое это сословие должно было защищать, рухнуло, и защищать его вышло некому.

Второй раз — с советской номенклатурой. В 1953–1957 годах с неё сняли механизмы внешнего контроля, оставив полномочия и привилегии, полученные под этот контроль. Через трид-

цать четыре года государство было распущено — и распустил его этот слой сам.

Сходство между двумя случаями бросается в глаза и потому опасно: из него легко сделать «вечный русский закон», который ничего не объясняет, потому что объясняет всё. Интереснее различия. Дворянская привилегия была вещной — землёй, которую можно унести с собой и передать детям; в кризисе дворянство вело себя как консерватор и сопротивлялось переменам. Номенклатурная привилегия была доступом — креслом, дачей, распределителем, которые принадлежали должности и терялись вместе с ней; в кризисе номенклатура вела себя как революционер и переменам не сопротивлялась, а их устраивала. Одно сословие разобрало плотину и осталось за ней сидеть. Другое разобрало плотину и ушло вместе с водой.

И ещё одно различие, самое важное для понимания 1991 года. Над дворянством стояла инстанция, которая в него не входила, не зависела от его согласия и переживала собственно-го носителя, — самодержавие. В 1861 году она провела реформу против воли сословия. Над номенклатурой после 1957 года не стояло ничего. Некому было сыграть 1861 год.

Первый опыт я использую как контроль для второго. Не как доказательство — как способ увидеть, какие переменные действительно работают.

О чём эта книга не будет

Она не будет обвинением. Слова «предательство», «измена», «капитуляция» имеют высокую доказательную цену, и я буду употреблять их только там, где установлен объект обязанности, реальная возможность выбора, конкретное действие и предсказуемость его последствий. Групповое поведение слоя не переносится автоматически на каждого человека в нём. В одних и тех же институциональных условиях люди делали противоположный выбор, и эти случаи — часть доказательства, а не исключение из него. Модель, которая не способна их объяснить, слишком груба, чтобы ей верить.

Она не будет историей внешнего управления. Документы противника о его целях доказывают цели противника. Они не

доказывают, что чужое решение было принято по его команде. Внешнее давление в этой истории было, и оно будет разобрано. Но главная причинная линия книги должна держаться и без предположения о том, что советская верхушка кем-то управлялась извне, — иначе это не объяснение, а перенос ответственности.

Она не будет утверждать, что русская или советская конструкция была порочна изначально. Предмет книги — не порок, а изменение: как работающая конструкция перестаёт работать, какие именно детали из неё вынимают, в каком порядке и почему никто в этот момент не замечает, что вынута основа.

И она не будет отождествлять государство с Россией. Историческая Россия — длящийся субъект, который пережил Смуту, 1917 год и 1991 год и не тождествен ни одному режиму, ни одной династии, ни одной партии. Слой, распутивший государство в 1991 году, не распустил Россию — у него не было такой возможности. Но он лишил её на десятилетие институциональной формы, и цена этого измеряется не в терминах политической науки, а в годах жизни, потерянных людьми, которые ни за что не голосовали.

Порядок движения

Книга идёт не по календарю, а по механизму.

Первая часть устанавливает, что такое служилый слой и что такое сословие, — на материале, где это видно с наибольшей резкостью: дворянство между 1714 и 1905 годами. Там же — единственный в русской истории случай, когда реформу против сословия провели до конца, и случай, когда частный интерес нескольких лиц стал государственной политикой и привёл к войне.

Вторая часть — о людях, которые в 1918–1945 годах служили стране после гибели государства и строили новое; она нужна, чтобы отделить объект обязанности от режима и показать, при каких условиях привилегия остаётся функциональной.

Третья часть разбирает, как в советской конструкции был устроен контроль над управляющим слоем и почему он дер-

жался на одном условии, которого сама конструкция не умела воспроизводить.

Четвёртая — точка инверсии. Пять лет, 1953–1957, в которые ограничители были сняты один за другим, в порядке персональной опасности для слоя, и ни один не был заменён другим.

Пятая — как слой, оставшись без внешнего контроля, за тридцать лет отобрал сам себя, встретил внешнее давление и в 1986–1991 годах написал под себя хозяйственное законодательство, превратившее распоряжение в доступ к активу.

Шестая — размен: демонтаж государства как последовательность конкретных решений и компетенций, и кто в итоге получил страну.

Эпилог выводит из обвинения прошлого в вопрос будущего, потому что иначе всё это не имело бы смысла: как создать сильный профессиональный управляющий слой и одновременно не позволить ему стать сословием, контролирующим собственную ответственность.

Ответа на этот вопрос у русской истории пока нет. Но у неё есть два поставленных опыта, и результаты обоих записаны. Их можно прочесть.

ЧАСТЬ I

Закон сословия

ГЛАВА 1

Права за службу

Двадцать третьего марта 1714 года Пётр I подписал указ, который в учебниках называют указом о единонаследии и обычно описывают как меру по укреплению дворянского землевладения. Описание верное и совершенно недостаточное. В преамбуле указа царь объяснил, зачем он нужен, и объяснение это стоит прочесть не как декларацию, а как техническое задание. Если недвижимое имение делится между всеми сыновьями, писал Пётр, каждый из них получает малую часть и «прочие... не хотят служить», а живут праздно; если же имение переходит к одному, то «прочие братья не будут праздны, но принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим».

Государство регулировало не наследство. Оно регулировало предложение служилых людей.

Это первый и, возможно, самый важный факт о конструкции, которой посвящена эта часть книги: в ней имущественное право дворянина было не самостоятельной ценностью, а инструментом, при помощи которого государство обеспечивало себя людьми. Всё остальное — чины, земля, крестьяне, юридические преимущества — существовало ради этого и было устроено так, чтобы это обеспечивать. Понять, что произошло в 1762 году, нельзя, не увидев, что именно там было разобрано.

Держание, а не владение

Начинать приходится с различия, которое русский язык почти утратил, а русское право знало точно: между владением и держанием.

Поместье — основная форма землевладения служилого человека Московского государства с конца XV века — было держанием. Его давали за службу, на время службы, в размере, соответствующем службе. Помещик не был собственником зем-

ли: он был человеком, которому государь дал землю, чтобы тот мог с неё служить — выйти в поход «конно, людно и оружно», привести с собой столько вооружённых людей, сколько предписывалось размером надела. Поместье не продавалось, не закладывалось, формально не передавалось по наследству: сын получал его не потому, что отец им владел, а потому, что сам поступал на службу и «верстался» — получал оклад земли по своему разряду. Не явившийся на службу терял держание. Не приведший положенных людей — терял часть. Уложение 1649 года, кодифицировавшее этот порядок, в тринадцатой статье шестнадцатой главы прямо предписывало отбирать поместья у тех, кто на службе «не бывал» и «в нетях» числится.

Вотчина — наследственное владение — была ближе к собственности в европейском смысле. Но и она к середине XVII века служебно обусловлена: вотчинник служил наравне с помещиком, вотчина могла быть отписана «на государя» за измену или за «нетство», а с 1550-х годов размер обязательной службы исчислялся с земли независимо от того, была она помещьем или вотчиной. Разница между двумя формами постепенно стиралась не потому, что поместье становилось вотчиной, а потому, что вотчина всё больше становилась помещьем: обе превращались в держание за службу.

Пётр эту тенденцию довёл до конца. Указ 1714 года объединил поместье и вотчину в одно понятие — «недвижимое имение» — и одновременно запретил его дробить. Сторонники версии об «укреплении дворянского землевладения» правы в том, что имение теперь нельзя было ни продать, ни заложить, ни разделить. Они не правы в том, кому это было выгодно. Владелец потерял право распоряжаться собственным имуществом. Взамен государство получило гарантию, что каждое имение будет содержать одного служилого человека и выталкивать в службу остальных сыновей.

Дворянин петровского времени — не владелец, которому позволено служить. Это служилый человек, которому позволено владеть, пока он служит.

Три вещи, которые государство сделало обязательными

Конструкция держалась на обязанности, и Пётр оформил обязанность с редкой для русского права полнотой. Обязательными были сделаны три вещи: служба, учение и явка на проверку.

Служба стала бессрочной и всеобщей. Дворянин служил с пятнадцати лет и до смерти или увечья, начиная с рядового: указ 1714 года запрещал производить в офицеры тех, кто «с фундаменту солдатского дела не знает». Отставка давалась только по неспособности, удостоверенной осмотром. Уклонение называлось «нетством», и нетчик подлежал конфискации имения — половина его отдавалась доносителю, кто бы им ни был, «хотя б и холоп его». Указ 1711 года предписывал имена нетчиков «прибивать» на публичных местах и объявлять их шельмованными, то есть лишёнными чести и покровительства закона: шельмованного можно было ограбить и убить без последствий. Это не риторика — это санкция, соразмерная тому, что государство считало поставленным на карту.

Учение стало условием службы. Указ 1714 года обязал дворянских детей учиться «цифири и геометрии» и запретил не выучившимся жениться: «Не выучившись, жениться не допускать и венечных памятей не давать». Государство, которому нужны были офицеры, инженеры и чиновники, а не помещики, поставило между дворянином и продолжением рода экзамен.

Явка на проверку стала периодической. Указ 1722 года об учреждении Герольдмейстерской конторы предписывал вести списки всех дворян, их детей и службы, а недорослей представлять на смотры. Смотр решал судьбу: годного определяли в полк или в школу, негодного — на гражданскую службу или в отставку с записью. Не явившийся на смотр приравнивался к нетчику. Проверка велась не полком, где человек служил, и не губернией, где он жил, — она велась отдельной конторой при Сенате, которой самому проверяемому ничего не подчинялось.

Три обязанности — служить, учиться, являться — и три инструмента, обеспечивающие каждую: конфискация, запрет на брак, смотр. Заметьте, кому принадлежали инструменты. Ни

один из них не находился в руках самого сословия. Конфискацию проводила казна. Венечные памяти выдавала церковь по государеву указу. Смотры вела Герольдмейстерская контора. Проверяемый не проверял себя.

Табель как машина отбора

Двадцать четвёртого января 1722 года была утверждена Табель о рангах — четырнадцать классов чинов в трёх параллельных лестницах: воинской, статской и придворной. О ней написано много, и почти всё написанное сосредоточено на том, что она открыла дорогу наверх выходцам из низов. Это правда, но это следствие. Причина в другом: Табель заменила основание, на котором держалось положение человека в управляющем слое.

До Табели положение определялось родом — местничество было отменено в 1682 году, но память о нём и логика «отеческой чести» жили. После Табели положение определялось чином, а чин — службой. Пункт пятнадцатый Табели устанавливал, что все служащие «первых 8 рангов... с их законными детьми и потомками в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть имеют, хотя б они и низкой породы были». Дослужившийся до восьмого класса — коллежского асессора в статской службе, майора в военной — становился потомственным дворянином. Пункт восьмой прямо оговаривал обратное: сыновья самых знатных родов, не имеющие чина, никакого ранга не получают, «пока они отечеству никаких услуг не покажут». Знатность без службы не давала ничего. Служба без знатности давала всё.

Это была машина отбора, и она была устроена так, чтобы вход в слой определялся исполнением, а не происхождением. Государство наняло себе управляющий слой на условиях, которые мы сегодня назвали бы контрактом с результатом: чин за выслугу, земля за чин, дворянство за восьмой класс. Условия были жёсткими, но они были условиями. Их можно было выполнить. Их можно было не выполнить и потерять всё.

Стоит сразу назвать, что Табель не делала. Она не создавала сословия — по крайней мере в том смысле, в каком слово будет

употребляться в этой книге. Сословие — группа, положение которой воспроизводится само, независимо от результата, и защищено собственной юрисдикцией. Слой, созданный Табелью, не имел ни того ни другого. Его положение воспроизводилось службой сыновей, а не наследством отцов. Его судил государь, а не он сам.

Что стоило государству

Правда о петровской конструкции требует назвать её цену, потому что иначе последующее выглядит как чистая потеря, а это не так.

Конструкция была тяжёлой для тех, кто в ней жил. Бессрочная служба означала, что дворянин видел своё имение раз в несколько лет, а управляли им приказчик и старуха-мать. Пожизненное отсутствие владельца — одна из причин, по которым русское поместное хозяйство XVIII века было столь примитивным: некому было им заниматься. Обязательное учение и смотры порождали уклонение, доносы, подделку документов; армия получала недоучившихся подростков, а Герольдмейстерская контора — списки, в которых половина сведений была ложью. Государство расходовало на принуждение к службе значительную часть той энергии, которую служба должна была давать.

И конструкция была персонально зависимой. Она работала, пока наверху стоял человек, готовый её обеспечивать. Смотры, конфискации, шельмование, запрет на брак без свидетельства — всё это требовало воли, которая раз за разом отказывала в исключении, отклоняла челобитную, отбирала имение у знатной фамилии. Пётр такой волей обладал. Вопрос о том, обладали ли ею его преемники, был вопросом о судьбе конструкции, и ответ на него пришёл быстро.

Разборка началась не в 1762 году

Первое, что обычно упускают, говоря о Манифесте о вольности дворянства, — что он был не началом, а концом процесса. Обязанность снимали по частям в течение полувека, и каждый шаг по отдельности выглядел разумной корректировкой.

Семнадцатого марта 1731 года Анна Иоанновна отменила единонаследие. Формальным основанием было то, что указ 1714 года «многие в фамилиях междоусобия и ссоры производил». Основание было правдивым: закон, запрещающий делить имения, действительно ссорил братьев. Но вместе с правом делить имение дворянство получило то, чего Пётр лишил его сознательно, — возможность держать младших сыновей дома. Механизм выталкивания в службу был сломан первым.

Двадцать девятого июля того же 1731 года учреждён Шляхетский кадетский корпус: дворянский недоросль, окончивший его, выпускался сразу офицером, минуя солдатскую службу «с фундаменту», которую Пётр сделал обязательной для всех. Это выглядело как забота об образовании — и было ею. Но одновременно это создало для сословия отдельный вход в службу, недоступный никому другому: вход по происхождению, а не по выслуге. Табель о рангах формально не менялась. Менялся способ прохождения её первых ступеней — для одних.

Тридцать первого декабря 1736 года последовал манифест, ограничивший срок обязательной службы двадцатью пятью годами и разрешивший одному из сыновей в каждой семье вовсе не служить, а «в деревнях... пребывать» для управления хозяйством. Бессрочность кончилась. Двадцать пять лет службы с двадцати лет означали выход в отставку в сорок пять — возраст, в котором помещик ещё способен вести хозяйство и, что важнее, заинтересован в том, чтобы оно было его. Появилась перспектива, которой у петровского дворянина не было: дожить до собственного имения.

К середине столетия конструкция стояла, но держалась уже не на трёх опорах, а на одной — на самом принципе обязательности. Служить всё ещё было нужно. Но нужно было уже не всем, не всю жизнь и не с полной потерей имения за уклонение: практика конфискаций за «нетство» при Елизавете сошла на нет, смотры проводились формально, недоросли записывались в полки с младенчества, чтобы к совершеннолетию выйти в отставку офицером, не отслужив дня.

Историки права давно заметили, что к 1762 году обязательная служба в значительной мере превратилась в фикцию: Манифест лишь узаконил то, что уже сложилось. Замечание верное, и оно важно для этой книги по причине, которая станет ясна позже: институциональное изменение почти никогда не выглядит как изменение в момент, когда оно происходит. Оно выглядит как признание очевидного.

Что здесь на самом деле было устроено

Прежде чем перейти к 1762 году, стоит сформулировать то, что конструкция Петра показывает в чистом виде, — потому что дальше это придётся искать в конструкциях гораздо более сложных.

Управляющий слой был служилым. Не в смысле оценки — в смысле устройства. Его права были производной от обязанности: земля за службу, чин за выслугу, дворянство за чин. Основание права находилось вне самого права — в исполнении функции. Уберите функцию, и право повисает в воздухе, потому что ему больше не на чем держаться.

Обязанность была обеспечена внешне. Инструменты принуждения принадлежали не слою, а инстанции, которая в слой не входила. Дворянин не проверял дворянина; конфискацию не решало дворянское собрание, потому что дворянских собраний не существовало. Слой был объектом контроля, а не его субъектом.

Вход в слой определялся результатом. Табель открывала дорогу низкому по породе и закрывала знатному без чина. Отбор шёл по тому, что человек сделал, а не по тому, кем он родился.

И конструкция не имела в себе механизма самосохранения. Она держалась на воле, находящейся вне её, и в этом одновременно была её сила — никто внутри слоя не мог её присвоить — и её обречённость: она не переживала носителя воли. Пётр умер в 1725 году. К 1736 году от бессрочной службы не осталось ничего, к 1762-му — от обязательной.

Вот четыре свойства служилого состояния: право производно от обязанности; обязанность обеспечена извне; вход определяется результатом; контроль не принадлежит контролируе-

мым. Их стоит запомнить в этом порядке, потому что дальше они будут сниматься — дважды, в разное время и в разной последовательности. И каждый раз в момент съятия никто не будет замечать, что снято основание.

Первый раз это случилось в феврале 1762 года.

ГЛАВА 2

1762: обязанность снята, права остались

По литературе полтора столетия ходит рассказ о том, как появился Манифест о вольности дворянства. Пётр III, собираясь провести вечер с Елизаветой Воронцовой, объявил, что запирается для дела чрезвычайной государственной важности, и велел секретарю Дмитрию Волкову к утру написать какой-нибудь важный закон — какой именно, не сказал. Наутро был готов манифест.

Рассказ неверен, и неверен он не в деталях, а в устройстве. Семнадцатого января 1762 года, во время первого официального посещения Правительствующего Сената, император объявил сенаторам, что позволяет дворянам «службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают», — с оговоркой, что в военное время явиться обязаны все, — и предписал подготовить проект манифеста. Проект был готов к восьмому февраля. Три недели коллегиальной работы высшего государственного органа. По свидетельству Якоба Штелина, о желании даровать дворянству свободу служить или не служить Пётр говорил, ещё будучи наследником, — задолго до всякого вечера и всякого свидания.

Анекдот стоит разобрать не для того, чтобы восстановить справедливость по отношению к императору. Он вреден тем, чем приятен: он предлагает считать, что важнейший акт в истории русского сословного строя вышел случайно, от скуки, и тем самым снимает вопрос о том, кто в нём был заинтересован и что именно он менял. Случайное не имеет устройства. У Манифеста устройство было.

Чего я не могу утверждать

Напрашивающийся ответ на вопрос о заинтересованных — «проект писали те, кто от него выигрывал» — современная историография не подтверждает. Михаил Киселёв, разбиравший историю текста Манифеста по источникам, включая ранее не публиковавшиеся, поставил под сомнение саму версию о борьбе дворянства за свои права как движущей силе акта. Уложенная комиссия 1761 года под руководством Романа Воронцова, обсуждавшая дворянские права, была связана не столько с вольностью служить или не служить, сколько с элементами её ограничения — вроде запрета на отставку тем, кто не дослужился до обер-офицерского чина. Свидетельства современников о мотивах императора расходятся, и достоверно устанавливается только одно: личное участие Петра III в замысле.

Мотив, следовательно, я предъявить не могу и не буду. Тезис этой главы — не о мотиве. Он о следствии, а следствие документируется полностью, потому что записано в самом акте.

Что подписали 18 февраля

Восемнадцатого февраля 1762 года Пётр III подписал Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. Полное собрание законов Российской империи, том пятнадцатый, номер 11444.

Преамбула объясняла, зачем это делается, и объясняла не хуже, чем петровский указ 1714 года объяснял обратное. При Петре Великом, говорилось в ней, принуждать дворян к службе и учению было необходимо, потому что «грубость в нравах» и «незнание» ещё не были преодолены; ныне же, когда полезность службы «вкоренилась в сердца» дворянства, принуждение более не нужно — «мы не находим той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была».

Затем шло существо.

Дворянин мог служить или не служить — по своему усмотрению. Служащий мог выйти в отставку в любое время, кроме военного и трёх месяцев перед кампанией. Мог выехать за границу и поступить на службу к союзным государям с сохранением

всех прав. Мог вернуться. Дети дворян по-прежнему должны были получать образование — дома, в кадетском корпусе или за границей, — и о них родители обязаны были сообщать в Герольдию, но никакой обязанности служить после обучения не возникало.

И — последний абзац, который обычно пропускают. Тем дворянам, «кои никакой и нигде службы не имели, но лишь сами в лени и праздности всё время препровождать будут», а детей своих не станут обучать, Манифест повелевал «всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества презирать и уничтожать»: не допускать ко двору, не терпеть в публичных собраниях.

Здесь и происходит то, ради чего вся глава.

Обязанность служить исчезла как норма права и осталась как норма нравов. Санкция за уклонение — конфискация, шельмование, отдача в солдаты — заменена презрением. Государство перестало отбирать имение у нетчика и поручило обществу его не любить.

Право же не изменилось ни в одной букве. Земля. Крестьяне на ней. Монопольное право владеть населёнными землями. Свобода от подушной подати. Чины и достоинства, полученные за службу, — за теми, кто их получил, и за их потомками. Ничего не отобрано. Почти ничего не прибавлено. Крестьянин, проснувшийся девятнадцатого февраля 1762 года, не обнаружил в своей жизни ни одной перемены: тот же барин владел той же деревней в тех же границах.

Изменилось основание.

До восемнадцатого февраля владение держалось на исполнении: помещик владел, потому что служил, и мог перестать владеть, если переставал служить. После восемнадцатого февраля владение держалось на самом факте владения. Связь между службой и правом, из которой право когда-то выросло, была разорвана. Право осталось — и осталось безосновным.

Ещё раз, медленно, потому что этот механизм повторится: акт отменяет то, ради чего сословие получило права, и сохраняет права. Внешне ничего не меняется. Меняется то, на чём

держится положение. В день подписания этого не замечает никто.

Сто тридцать дней

Двадцать восьмого июня 1762 года Пётр III был свергнут гвардией. От подписи под Манифестом до переворота прошло сто тридцать дней.

Я не стану выводить одно из другого: причины переворота лежали в других плоскостях, и дворянская вольность среди них не числилась. Но обстоятельство стоит зафиксировать, потому что оно встретится снова: акт, снимающий с сословия обязанность, проводит рукой та власть, которая от него не выигрывает. Император освободил гвардию от службы; гвардия, продолжая служить, его свергла.

Екатерина II, пришедшая к власти переворотом, к Манифесту отнеслась осторожно. В 1763 году она образовала комиссию для его пересмотра, и комиссия предлагала вольность подтвердить, но с оговорками. Императрица не подтвердила и не отменила. Двадцать три года Манифест действовал, оставаясь актом свергнутого государя, — то есть держался на том, что новая власть его не оспаривает.

Это положение, которое стоит назвать точно. Право, лишённое основания, уязвимо не потому, что его кто-то собирается отобрать, а потому, что у него нет ничего, кроме молчаливого согласия власти. А власть меняется. Сословие, получившее в 1762 году свободу, получило её без гарантии, и следующие двадцать три года были потрачены на то, чтобы гарантию получить.

Что успело измениться за это время

Между Манифестом и Грамотой случились две вещи, без которых Грамота не понятна.

Первая — пугачёвщина. Восстание 1773–1775 годов показало, что в уездах государства нет: крепости брались без боя, помещики бежали или вешались, воеводские канцелярии разбежались. Государственный аппарат на местах существовал в сто-

лице в виде списков и в провинции в виде нескольких чиновников, не способных ни собрать ополчение, ни удержать город.

Вторая — ответ на это: Учреждение для управления губерний 7 ноября 1775 года. Страна была разделена на губернии по числу населения, губернии — на уезды, и в уездах создана администрация, которой до того не было. Существенно, кто её составил. Уездный исправник — глава полиции и фактический хозяин уезда — по Учреждению избирался дворянством из своей среды. Заседатели нижнего земского суда — дворянством. Уездный судья и заседатели уездного суда — дворянством. Совестный суд — сословными представителями. Государство, у которого не было собственного аппарата в провинции, поручило провинцию тому единственному организованному слою, который там жил.

Это решение принято считать рациональным, и оно было рациональным: другого слоя не существовало. Но следствие его выходило далеко за пределы административного удобства. Функция контроля над сословием на уездном уровне — полиция, суд, следствие — перешла к самому сословию. Дворянина в уезде отныне ловил исправник-дворянин, судил судья-дворянин, а жалобу на него разбирали заседатели-дворяне, избранные тем же собранием, в которое он входил. Вертикаль осталась — губернатор назначался, Сенат надзирал, — но нижний этаж, где жила и хозяйствовала основная масса сословия, был отдан ему в управление.

Из четырёх свойств служилого состояния, названных в предыдущей главе, второе — «контроль не принадлежит контролируемым» — перестало действовать в уезде ещё до 1785 года.

Что подписали 21 апреля

Двадцать первого апреля 1785 года Екатерина II подписала Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства: вводный манифест и девяносто две статьи в четырёх частях.

Грамоту принято описывать как расширение привилегий. Это верно и недостаточно, потому что расширение привилегий

— перемена количественная, а здесь произошла качественная. Стоит пройти по статьям.

Дворянское достоинство объявлено неотъемлемым, наследственным и потомственным. Лишиться его можно только по суду и только за преступления из закрытого перечня: измена, разбой, воровство, нарушение клятвы, «лживые поступки». Не за уклонение от службы — оно из перечня исчезло. Дворянин освобождён от телесных наказаний. От личных податей. От постоя войск. Право собственности на имение объявлено «полным»: дворянин мог покупать, продавать, дарить, завещать, «разделять» имения — все действия, которые указ 1714 года запрещал. Право собственности распространено на недра и леса на землях имения. Имения, даже за тяжчайшие преступления, не подлежат конфискации: они переходят к наследникам. Дворянину разрешено заводить фабрики, торговать оптом, участвовать в откупках. Подтверждена свобода от обязательной службы — теперь уже актом правящего государя.

И дворянство каждой губернии объявлено дворянским обществом — корпорацией с правом собираться, избирать губернского и уездных предводителей, заседателей, исправников, вести родословные книги, то есть определять, кто принадлежит к сословию, иметь собственную казну и подавать представления губернатору и Сенату. Грамота предписывала, что дворянина судят равные ему — дворянский суд, составленный из избранных сословием.

Четыре признака, и каждый стоит в тексте закона.

Права, не обусловленные исполнением. Наследственное воспроизводство. Корпоративная организация. Собственная юрисдикция.

До 1785 года дворянство было слоем людей в определённом положении. После 1785 года оно стало сословием в строгом смысле слова.

Реестр в руках сословия

Среди девяноста двух статей есть группа, которую при разборе Грамоты обычно пропускают как техническую, а она делает, возможно, самую важную работу. Это статьи о родословных книгах.

Грамота предписывала в каждой губернии вести дворянскую родословную книгу в шести частях — по способам приобретения дворянства — и поручала её ведение депутатам, избранным дворянским собранием, под председательством губернского предводителя. Внесение в книгу означало признание дворянином со всеми правами; отказ во внесении — исключение из сословия, обжалуемое в Герольдию, но решаемое в первой инстанции самим собранием. Собрание рассматривало доказательства — жалованные грамоты, патенты на чины, свидетельства о службе предков, — и по большинству голосов решало, кто дворянин.

До 1785 года этот вопрос решала Герольдия — государственная контора при Сенате. Сословие было объектом учёта, который вели чиновники, не принадлежавшие к нему. После 1785 года учёт вело само сословие. Оно определяло, кто в него входит, и на это право не было внешней проверки, кроме апелляции, которой пользовались единицы.

Это надо назвать точно, потому что оно повторится в другой конструкции с другим названием: реестр перешёл в руки тех, кого он учитывал. Слой, состав которого определяет внешняя инстанция, — служилый по устройству, какими бы привилегиями он ни располагал. Слой, сам определяющий свой состав, — сословие, даже если ни одна из его привилегий не изменилась. Табель о рангах продолжала действовать, и чиновник восьмого класса по-прежнему получал потомственное дворянство, — но признавало его дворянское собрание губернии, и оно же могло не признать. Вход в слой, прежде определявшийся результатом, стал определяться согласием слоя.

Что из этого вышло, видно на практике XIX века. Губернские собрания отказывали во внесении в книгу выслужившимся чиновникам и купцам, купившим имения, под предлогом недостаточности доказательств; принимали своих без проверки;

вели книги так, что Герольдия десятилетиями не могла установить действительный состав сословия. В 1845 году правительству пришлось поднять планку потомственного дворянства до пятого класса на гражданской службе и до майора на военной, в 1856-м — до четвёртого и полковника: не для того, чтобы сократить сословие, а потому, что сословие, самостоятельно ведущее свой реестр, размывало границу между собой и государственной службой, оставляя государству чины, а себе — принадлежность.

Механизм этот — учёт, переходящий от внешней инстанции к учитываемым, — будет главным предметом третьей и четвёртой частей книги, где он называется иначе и складывается за четыре года вместо двадцати трёх. Здесь достаточно, что Грамота его записала.

Почему решающий признак — последний

Из четырёх признаков решающим я считаю собственный суд, и объяснить, почему, нужно сейчас, потому что это понадобится при разборе конструкции, в которой ни одного из этих признаков не будет записано в законе, а все четыре сложатся явочным порядком.

Богатство не делает группу сословием: богатые купцы Московского государства сословием не были. Знатность не делает: боярские роды судил государь. Образ жизни не делает. Сословие отличается от остального населения тем, что судится своими и по своему. Именно так средневековые сословия отличались от податного люда, и именно это отличие называл словом «сословие» русский юрист XIX века.

Дело не в мягкости суда равных — дворянский суд мог быть и жестоким. Дело в том, что проверка перестаёт быть внешней. Пока дворянина судит государев чиновник, конфискация имущества — реальная угроза, и право на имение держится на исполнении. Когда дворянина судят заседатели, избранные дворянским собранием, из которых каждый завтра может оказаться на его месте, угроза становится теоретической. Освобождение от телесных наказаний устроено так же: телесное наказание — форма, в которой власть обращается с человеком как с объек-

том; изъятие сословия из-под неё означает, что перед лицом власти оно перестало быть однородно с остальными. Неконфискуемость имений закрывает круг: конфискация — инструмент, которым государство отбирает данное под условие; её отмена стирает последний след того, что имение когда-то было держанием.

Три статьи Грамоты — о суде, о телесных наказаниях, о конфискации — вместе означают одно: инстанция, способная отобрать у сословия то, что оно получило за службу, лишена этой возможности законом.

«Не служит» и «служит себе»

Остаётся вопрос, который не даёт покоя всякому, кто дочитал до этого места: если основание вынули в 1762 году, почему конструкция простояла ещё сто пятьдесят пять лет?

Ответ распадается на две части, и вторая важнее первой.

Первая: дворянство продолжало служить. Не обязанности ради — ради выгоды. Чин по-прежнему давал жалованье, положение, доступ; служба оставалась единственной дорогой наверх для сотен тысяч мелкопоместных, чьё имение не кормило. Табель о рангах никто не отменял, и она работала — как рынок, а не как долг. Правительство, потеряв возможность заставить, сохранило возможность привлечь. К середине XIX века на службе состояла лишь часть сословия, но эта часть заполняла армию и администрацию, и государство существовало.

Вторая часть ответа — то, что произошло с дворянством, которое не служило. Оно не исчезло и не осталось в стороне. Дворянин, вышедший в отставку в 1763 году, просто не служил: сидел в имении, охотился, ссорился с соседями. Дворянин, участвовавший в предприятиях у трона сто сорок лет спустя, служил себе — располагая государственным ресурсом. Между «не служит» и «служит себе за казённый счёт» лежит вся эволюция сословия, и она составляет предмет следующей главы.

Механизм этой эволюции виден уже в Грамоте. Сословие, получившее права без обязанностей, обнаруживает, что права сами по себе ничего не приносят: земля даёт доход, только если ею заниматься, а заниматься ею умели немногие. Зато у

сословия есть то, чего нет ни у кого другого, — доступ. К уезду, который оно контролирует. К губернатору, которому оно подаёт представления. К двору, где служат его родственники. К государю, который всё ещё считает его опорой. Доступ — ресурс, и он тем ценнее, чем меньше ограничена возможность его использовать.

Государство 1785 года отдало сословию суд над собой. Оно ещё не отдало политику. Но инстанция, которая могла бы помешать сословию превратить доступ в политику, к концу XVIII века существовала уже только в одном месте — в лице самодержца, стоящего над сословием и способного, если захочет, действовать против него.

Захочет ли — вопрос не устройства, а воли. В русской истории на него дан ответ дважды, и оба раза — в течение одного полустолетия. В 1861 году самодержавие пошло против сословия и выиграло. В 1903 году оно сословию уступило и заплатило войной.

О том, чем различались два случая, — следующая глава.

ГЛАВА 3

Два испытания одного сословия: 1861 и 1903

Одно и то же сословие, освобождённое от обязанности в 1762 году и защищённое Грамотой в 1785-м, за одно полу столетие дважды столкнулось с ситуацией, когда его интерес разошёлся с интересом государства. Оба раза расхождение было открытым и осознанным всеми участниками. Оба раза государство располагало формальной возможностью действовать против сословия. Исходы были противоположными: в первом случае реформа против сословия была проведена до конца, во втором частный интерес нескольких лиц у трона стал государственной политикой и привёл к войне.

Это редкая для истории вещь — поставленный опыт с контролем. Переменная, которая различала два случая, поддаётся выделению, и выделить её нужно здесь, потому что в советском материале та же переменная будет решать судьбу государства.

Первый случай. Стресс-тест

К середине 1850-х годов положение дворянского землевладения было тупиковым, и это понимали внутри сословия не хуже, чем вне его.

Крепостной труд, лишённый после 1762 года того оправдания, которое давала ему служба помещика, оставался малопродуктивным; доходность имений падала, задолженность росла: к 1859 году в государственных кредитных учреждениях было заложено около двух третей крепостных душ. Попытки хозяйственной модернизации в помещичьей среде были единичны. Крымская война обнаружила военно-техническое отставание, а его причины тянулись к хозяйству, стоявшему на подневольном труде.

Всякое обсуждение упиралось в одно. Отмена сложившегося порядка лишала сословие основы его существования. Сохранение — лишало всякого оправдания. Выйти из этого изнутри сословия было нельзя, потому что решение любого из вариантов требовало субъекта, который в сословие не входит.

Такой субъект был. Тридцатого марта 1856 года, выступая перед предводителями московского дворянства, Александр II объявил, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным, и назвал альтернативу: лучше начать уничтожение крепостного права сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнёт само собою уничтожаться снизу.

Комитеты из самих помещиков

Первый шаг правительства был сделан в логике, которую мы уже видели в 1775 году: разработку поручили самому сословию. Рескрипт генерал-губернатору Назимову от двадцатого ноября 1857 года разрешил образовать в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях дворянские комитеты для составления проектов; в течение 1858 года комитеты были созданы во всех губерниях Европейской России. Составлены они были из помещиков, избранных дворянскими собраниями, — то есть той самой корпорацией, которую сословие получило по Грамоте.

Результат был предсказуем и наступил. Большинство губернских комитетов предлагали освобождение либо без земли, либо с наделами, заведомо недостаточными для существования, при сохранении за помещиком максимума прежних выгод и вотчинной власти. Сословие, которому поручили проектировать собственное ограничение, спроектировало его в форме, ограничивающей всех, кроме него.

Тогда правительство сделало второй шаг, и он-то решает всё. Четвёртого марта 1859 года при Главном комитете были образованы Редакционные комиссии — орган, которого в русской административной практике не существовало и который не входил ни в одну существующую структуру. Председателем стал генерал Яков Ростовцев, начальник военно-учебных заве-

дений и личный друг императора. Фактическую работу вёл товарищ министра внутренних дел Николай Милютин; среди членов-экспертов были Юрий Самарин и князь Владимир Черкасский. Тридцать один человек первоначально — чиновники ведомств и приглашённые эксперты из поместного дворянства, назначенные, а не избранные.

Комиссии свели материал губернских комитетов. Логику его не приняли. Итоговые Положения дали освобождённым крестьянам земельный надел за выкуп — решение, прямо ущемлявшее сословный интерес и воспринятое на местах соответственно. Депутаты губернских комитетов, вызванные в Петербург в двух очередях в 1859–1860 годах для представления замечаний, были выслушаны и в существенном не услышаны.

Три удара по исполнителям

Дальше начинается то, ради чего сюжет вообще стоит разбирать. Сословие проиграло по существу, и ему осталось то, что остаётся проигравшему по существу, — реванш на исполнителях.

Удар первый. Шестого февраля 1860 года, после трёхмесячной болезни, умер Ростовцев — за год до подписания. На его место семнадцатого февраля был назначен министр юстиции граф Виктор Панин, человек с репутацией убеждённого крепостника; назначение читалось современниками как уступка дворянству и как поворот. Поправки в проект в интересах помещиков вносились и после этого.

Реформа не остановилась.

Удар второй, не по исполнителю, а на исполнителях: девятнадцатого февраля 1861 года Александр II подписал Манифест и Положения — семнадцать законодательных актов. Первый вариант Манифеста написал Самарин, окончательный текст отредактировал московский митрополит Филарет. Пятого марта Манифест был прочитан в церквях.

Удар третий. Двадцать первого апреля 1861 года, через шестьдесят один день после подписания, Николай Милютин был отставлен от Министерства внутренних дел и назначен сенатором — почётная форма удаления. Вместе с ним ушёл ми-

нистр Сергей Ланской. Причину справочники формулируют без иносказаний: увольнение потребовалось, чтобы снять напряжение с поместным дворянством, недовольным отменой крепостного права.

Сословие взяло реванш на человеке. Закон оно отменить не могло. Закон продолжал действовать.

Меньшинство, которое отказалось от привилегии

Сословие не было монолитом, и здесь нужен контрпример — не потому, что он меняет вывод, а потому, что он задаёт границу модели.

В феврале 1862 года собрание тверского дворянства приняло адрес императору, в котором заявляло, что Положения 19 февраля не удовлетворяют ни крестьян, ни помещиков, что выкуп должен быть произведён за счёт всего государства, и — главное — что дворянство отказывается от своих сословных привилегий, поскольку «привилегии, которыми оно пользуется, суть источник его слабости», и просит созвать выборных от всей земли. Тринадцать мировых посредников Тверской губернии, подписавших заявление в поддержку адреса, были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость, судимы Сенатом и лишены права занимать выборные должности.

Это была позиция меньшинства — одна губерния из сорока с лишним, несколько десятков человек. Но она показывает, что внутри сословия, сопротивлявшегося реформе, существовали люди, которые понимали своё положение как бесосновное и готовы были от него отказаться, — и что государство, только что проведшее реформу против сословия, ответило на этот отказ так же, как на сопротивление: арестом. Инстанция, стоявшая над сословием, действовала против сословного интереса, а не за какой-либо иной; ей одинаково мешали и те, кто хотел сохранить привилегию, и те, кто предлагал её снять. Реформа 1861 года была не союзом власти с лучшей частью сословия, а действием власти поверх сословия целиком.

Для модели это существенно. Внешний ограничитель не различает мотивов; он ограничивает. Меньшинство, выбирающее иначе, существует при любом устройстве — и при служилом, и

при сословном, — но при внешнем ограничителе его выбор не решает, а при отсутствии ограничителя не решает тем более. Оно оставляет след, не результат. Результат в 1861 году дала инстанция.

Почему это оказалось возможно

В русской сословной конструкции существовала инстанция, способная действовать против интереса привилегированного сословия, — и она этой способностью воспользовалась. Инстанцией было самодержавие. Оно опиралось на дворянство, комплектовало им армию и администрацию, во многом от него зависело — и тем не менее в решающий момент поступило вопреки.

Возможным это делали четыре свойства, и каждое из них будет проверяться на советском материале.

Самодержавие не входило в дворянское сословие. Оно стояло над ним — не как первый среди равных, а как иной порядок легитимности.

Оно обладало собственным основанием, не зависящим от сословного согласия: власть государя выводилась из порядка престолонаследия и церковного помазания, и отменить это решением дворянских собраний было нельзя. Сословие могло убить императора — это случалось, — но не могло лишить императорскую функцию основания.

Оно располагало аппаратом принуждения, присягавшим лично государю, а не сословию. Армия и полиция исполняли Положения 1861 года, подавляя крестьянские волнения там, где крестьяне сочли реформу обманом, и не менее исправно исполнили бы их против помещиков, если бы дошло до этого.

И — свойство, о котором почти никогда не думают, — оно имело процедуру замещения. Государь умирал, и на его место по установленному Основными законами порядку вставал следующий, обладающий тем же основанием и той же способностью действовать против сословного интереса. Ограничитель переживал своего носителя.

Последнее свойство проверено на фактах. Реформа пережила смерть Ростовцева. Пережила назначение на его место крепостника. Пережила отставку Милютина. Пережила самого Александра II, убитого первого марта 1881 года, и контрреформы его сына: крестьяне остались свободными, а выкупные операции продолжались. Закон действовал при всех, потому что держался не на человеке, который его провёл, а на инстанции, которая не менялась вместе с людьми.

Цена, которую надо назвать

Реформа была половинчатой, и умалчивать об этом нельзя, иначе первый случай выглядит образцом, а он им не был.

Освобождение оплатили сами освобождённые. Надельная земля передавалась за выкуп, исчисленный не из рыночной цены земли, а из капитализированного оброка, — то есть крестьянин выкупал не столько землю, сколько собственную повинность. Выкупные платежи взимались сорок шесть лет: отменил их Манифест третьего ноября 1905 года — наполовину с первого января 1906-го, полностью с первого января 1907-го. Прекратила их не логика реформы, а революция. Отрезки сократили крестьянское землепользование в чернозёмных губерниях на пятую часть и больше. Временнообязанное состояние в ряде имений тянулось до 1881 года.

Сословие, проигравшее по принципу, выиграло по условиям. Это тоже часть механизма: инстанция, стоящая над сословием, зависела от него в исполнении и платила за реформу уступками в деталях. Но принцип она удержала, и государство пережило реформу, не распавшись.

Второй случай. Купец, у которого не было денег

В августе 1896 года владивостокский купец первой гильдии Юлий Бринер — швейцарец по происхождению, дед голливудского актёра Юла Бриннера — получил от корейского правительства концессию на разработку леса в бассейне реки Ялу сроком на двадцать лет. Денег на освоение у него не было, и он поехал в Петербург искать инвесторов.

Через восемь лет из этих поисков выйдет война с Японией.

К началу 1898 года вокруг отставного кавалергарда Александра Михайловича Безобразова сложилась группа, ставившая целью учредить акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи и Маньчжурии. Состав группы стоит прочесть целиком, потому что он делает всю работу без единого слова комментария.

Великий князь Александр Михайлович. Контр-адмирал Алексей Михайлович Абаза. Предприниматель Владимир Михайлович Вонлярлярский. Крупные землевладельцы Николай Петрович Балашов и Михаил Владимирович Родзянко — тот самый, который через пятнадцать лет станет председателем Государственной думы. Князь Илларион Иванович Воронцов-Дашков — министр императорского двора. Граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон. Вячеслав Константинович Плеве — с 1902 года министр внутренних дел.

Канал доступа известен и тайной не был: Безобразов прятельствовал с Вонлярлярским и давно был связан с Воронцовым-Дашковым, а через него — с двором. Разорившийся лесной подряд, великий князь, контр-адмирал, будущий председатель Думы и министр внутренних дел — в одном списке.

В 1901 году на средства, отпущенные из Кабинета его величества — то есть из личной казны императора, — было учреждено Русское лесопромышленное товарищество на реке Ялу. К 1903 году предприятие потерпело финансовый крах.

Пять решений за пять месяцев

А теперь самое главное во всём сюжете. Именно в момент краха влияние группы при дворе достигло максимума.

Май 1903 года. Безобразов получает звание статс-секретаря — придворное отличие высшего ранга, дающее право личного доклада государю.

Тридцатое июля 1903 года. Учреждено наместничество на Дальнем Востоке. Наместник — адмирал Евгений Алексеев, близкий к группе, — получает полномочия, изъятые у министерств, включая дипломатические сношения с Японией, Китаем и Кореей.

Шестнадцатое августа 1903 года. Сергей Юльевич Витте, министр финансов и главный противник дальневосточной авантюры, снят с должности. Формально он не уволен: его перемещают председателем Комитета министров — на пост высокий, почётный и лишённый реальных полномочий.

Тридцатое сентября 1903 года. Учреждён Особый комитет по делам Дальнего Востока под председательством самого императора; его управляющим делами становится Абаза.

Двадцать седьмое января 1904 года. Японские миноносцы атакуют русскую эскадру на рейде Порт-Артура. Война.

Между банкротством товарищества и первыми выстрелами — меньше года. Между устранением ведомства, оценивавшего риск, и войной — пять с половиной месяцев.

Что здесь произошло по устройству

Частное предприятие, не имевшее хозяйственных перспектив и разорившееся, было конвертировано его участниками в государственную политику.

Не наоборот. Не государственный интерес привлёк частных лиц к его обеспечению — так работала, например, Китайско-Восточная железная дорога, построенная Витте под государственный интерес с привлечением частных денег. Здесь частные лица, потерпев коммерческую неудачу, добились того, чтобы государство приняло их предприятие на себя, устранило их оппонентов в правительстве и создало под них административную структуру — наместничество и Особый комитет, — которая выводила дальневосточную политику из-под контроля министерств.

Механизм не требует ни заговора, ни злого умысла. Он требует двух условий: доступа частных лиц к точке принятия решений и отсутствия инстанции, способной этот доступ ограничить. Оба к 1903 году были налицо. Доступ обеспечивался родством, придворным положением и личными отношениями. Ограничитель убрали ровно тогда, когда его оценка стала неудобной.

Одну фразу я обязана назвать сама, потому что иначе её приведут как доказательство. О безобразовской группе принято вспоминать в связи со словами о «маленькой победоносной войне», которая нужна, чтобы удержать революцию, — их приписывают Плеве в разговоре с военным министром Куропаткиным. Источник у фразы ровно один: «Воспоминания» Витте, изданные в Берлине в 1922 году. Борис Ананьич и Рафаил Ганелин ещё в 1963 году допускали, что выражение пустил в ход сам Витте, приписав его Плеве: в дневнике Куропаткина сходная позиция Плеве упомянута, но без тех подробностей, которые приводит Витте. Свидетель — сторона, устранённая этой самой группой. Фраза остаётся ярким литературным фактом и не годится в доказательство ничего. Хорошо, что она и не нужна: последовательность из пяти решений говорит сама.

Оговорка, без которой материал читается неправильно: я не утверждаю, что участники группы желали войны, тем более поражения. Свидетельства говорят скорее о расчёте на быструю и лёгкую кампанию либо на то, что Япония не решится. Утверждаю достаточное: частный интерес узкой группы стал содержанием государственной политики, и государство заплатило за это войной.

Счёт

Четырнадцатого–пятнадцатого мая 1905 года при Цусиме погибла Вторая Тихоокеанская эскадра. Война была проиграна. Следом пришла первая революция.

Мирный договор с Японией подписывал Сергей Юльевич Витте — тот самый, чью оценку риска сочли помехой. Двадцать третьего августа 1905 года в Портсмуте, ровно через два года после того, как его убрали с поста министра финансов. За результат он получил графский титул.

Человека, устранённого за неудобный прогноз, вернули, чтобы он оформил последствия собственного устранения. Через два с половиной месяца, третьего ноября, уже председателем Совета министров, он подписал и Манифест об отмене выкупных платежей — закрыл счёт 1861 года.

Переменная

Теперь положим два случая рядом и выделим то, что их различало.

Сословие — одно и то же. Стресс-тест — сопоставимый: военное поражение, вскрывшее отставание, и внешнеполитический кризис, требовавший трезвой оценки. Формальная возможность государства действовать против сословного интереса — та же самая: самодержавие с теми же четырьмя свойствами.

Различие — в положении ограничителя относительно интереса.

В 1861 году ограничитель стоял вне сословия и был отделён от него процедурой. Александр II действовал через орган, которого сословие не контролировало, — Редакционные комиссии, — и опирался на собственное основание легитимности, которое сословие не могло оспорить. Доступ сословия к решению был регламентирован: губернские комитеты, депутаты, замечания. Интерес сословия был услышан и отвергнут.

В 1903 году ограничитель формально стоял там же, но доступ к нему был персонализирован. Группа Безобразова не обращалась к государству — она обращалась к государю, минуя всякую процедуру: через великого князя, через министра двора, через личный доклад статс-секретаря. Инстанция, которая должна была ограничивать частный интерес, стала его инструментом: наместничество и Особый комитет были созданы именно затем, чтобы вывести вопрос из-под ведомств, где интерес мог встретить возражение. Витте был не ограничителем — он был человеком на должности, представлявшим ведомственную оценку риска. Человека на должности убирают одним решением.

Отсюда общий вывод, и он неутешителен для всякой конструкции, где ограничитель воплощён в человеке.

Ограничитель, стоящий над управляющим слоем, работает, пока доступ к нему регулируется процедурой, а не личными отношениями. Как только доступ становится персональным, ограничитель превращается в актив того, кто держит доступ, — и с этого момента он уже не ограничивает интерес, а его об-

служивает. В 1861 году инстанция была внешней по устройству. В 1903-м она была внешней по названию.

Существует ли ограничитель, который нельзя снять кадровым приказом и нельзя присвоить через личный доступ? Русская история XIX века ответа не дала. Она дала два опыта, и результаты их различаются на одну войну и одну революцию.

Через восемьдесят с небольшим лет тот же механизм — доступ к точке решений при отсутствии инстанции, способной его ограничить, — будет работать в масштабе не одного направления политики, а всего хозяйственного устройства страны. Но прежде чем добратсья туда, нужно понять, как советская конструкция вообще удерживала свой управляющий слой в служилом состоянии, — и здесь придётся начать не с тех, кто управлял, а с тех, кто в 1918 году выбирал, кому служить.

ЧАСТЬ II

Другой выбор

ГЛАВА 4

Те, кто выбрал Родину после гибели государства

Двадцать девятого июля 1918 года Совет народных комиссаров издал декрет о призыве на военную службу бывших офицеров и военных чиновников. К этому моменту государство, которому они присягали, не существовало пятнадцать месяцев: армия была распущена, чины отменены декретом от шестнадцатого декабря 1917 года, погоны сорваны, а сама присяга — императору, затем Временному правительству — не имела адреса. Люди, которых призывали, были офицерами армии, которой не было, государства, которого не было, под командование власти, которая объявила их классовыми врагами.

По подсчётам Александра Кавтарадзе, основанным на учётных данных Всероссийского главного штаба и Полевого штаба, в Красной армии за 1918–1920 годы служило около семидесяти пяти тысяч бывших офицеров. Из примерно двухсот пятидесяти тысяч, состоявших в офицерском корпусе к концу 1917 года. В белых армиях за то же время — около ста тысяч. Остальные — погибли, эмигрировали, ушли в частную жизнь, были расстреляны в 1918-м, умерли от тифа.

Из двадцати командующих фронтами Красной армии семнадцать были кадровыми офицерами старой армии. Из двадцати двух начальников штабов фронтов — все двадцать два. Из ста командующих армиями — восемьдесят два. Главнокомандующие вооружёнными силами Республики — Иоаким Вацетис и Сергей Каменев — полковники Генерального штаба. Начальники Полевого штаба — генералы Раттэль и Лебедев. Борис Шапошников, полковник Генштаба, — в оперативном управлении, затем — будущий начальник Генерального штаба РККА в 1937–1940 годах и всю войну заместитель наркома обороны.

Это глава не о Гражданской войне. Она о том, что произошло со служилым человеком, когда исчезло то, чему он служил, — и о том, что это показывает.

Что здесь нужно доказать

Первая часть книги установила, что служилое состояние определяется обязанностью, обеспеченной извне, и что снятие обязанности оставляет право безосновным. Но она оставила без ответа вопрос, без которого вся дальнейшая конструкция висит в воздухе: перед кем обязанность? Государство, режим, династия, присяга, страна — что именно является её объектом?

Если объектом является государство как правовая конструкция, то с гибелью государства обязанность прекращается, и служилый человек свободен. Так рассуждали многие в 1917 году — и оставались дома. Если объектом является режим, то с его сменой обязанность переходит к новому режиму, и служилый человек служит тому, кто сегодня у власти. Так рассуждали те, кого называли приспособленцами, — и они тоже были. Но семьдесят пять тысяч человек, пошедших в Красную армию, и сто тысяч, пошедших в белые, в большинстве своём не рассуждали ни так, ни так. Они делали выбор, который не следовал ни из присяги, ни из класса, ни из выгоды, — и это единственный в русской истории массовый эксперимент, в котором объект обязанности был отделён от государства и от режима эмпирически, поведением людей.

Именно это нужно доказать: что Историческая Россия как объект службы существует не в риторике, а в действии, и что действие это фиксируется документами. И одновременно — установить границу: не романтизировать выбор, не скрывать принуждения, не превращать одну сторону в правую.

Как это было устроено

Начинать надо с того, что нового государства в 1918 году не существовало в том смысле, в каком оно существовало в 1916-м. Была власть — Совнарком, ВЦИК, партия. Была территория, сокращавшаяся с каждым месяцем: Брест, Дон, Украина под немцами, Сибирь под чехами, Архангельск под англичанами. Была армия, которой не было: Красная гвардия, добровольческие отряды, партизанские формирования без штабов, тыла и снабжения. Всероссийская коллегия по формированию Красной армии в январе 1918 года не имела ни одного офицера с опытом штабной работы.

Первым, кто пошёл, был генерал-лейтенант Михаил Бонч-Бруевич — начальник штаба Ставки в ноябре 1917 года, при Крыленко, назначенном верховным главнокомандующим вместо убитого Духонина. Бонч-Бруевич не был большевиком и не стал им. В марте 1918 года он возглавил Высший военный совет — первый орган, попытавшийся организовать оборону против германского наступления, — и привёл с собой офицеров Генерального штаба. В его воспоминаниях мотив назван прямо: Россия, оставшаяся без армии перед германскими войсками, нуждалась в том, чтобы кто-то её защищал, и он не видел, кто это мог сделать, кроме тех, кто умел.

Мотив этот нельзя проверить, как нельзя проверить любой мотив; но его можно сопоставить с действием. Бонч-Бруевич не получил ничего — ни власти, ни положения, ни безопасности. Он получил работу и подозрение. И он был не один: свыше восьми тысяч офицеров пришли в Красную армию добровольно до всякого призыва, в первую половину 1918 года, когда власть выглядела временной, а служба ей — почти наверняка смертным приговором при её падении.

Затем пришёл призыв, и с ним — принуждение, которого нельзя не назвать. Декрет двадцать девятого июля обязывал офицеров явиться на учёт под угрозой суда. Приказ Троцкого от тридцатого сентября 1918 года предписывал брать на учёт семьи бывших офицеров, поступивших на службу, и разъяснял, что в случае измены или перехода к противнику семья будет арестована. Заложничество не было пустой угрозой: оно при-

менялось. Институт комиссаров дублировал каждого командира; военспец не мог отдать приказ без подписи комиссара, и комиссар отвечал за него головой. Часть офицеров пошла служить потому, что иначе — арест, часть — потому, что семья в Москве, часть — потому, что пайка.

Всё это правда, и всё это не объясняет результата. Принуждением можно заставить явиться на учёт. Принуждением нельзя заставить полковника Генерального штаба спланировать операцию так, чтобы она удалась, — а операции удавались. Из семидесяти пяти тысяч перешли к противнику, по подсчётам того же Кавтарадзе, несколько сотен; в белых армиях переходы на сторону красных исчислялись сопоставимо. Основная масса служила — не за страх и не за паёк, а потому, что делала то, что умела, для того, что считала своим.

Присяга без адресата

Стоит остановиться на том, что произошло с присягой, потому что в ней объект обязанности был назван прямо, а затем переименован.

Офицер императорской армии присягал «Его Императорскому Величеству» — лицу, а не государству; отечество в тексте присяги упоминалось, но как то, чему служат через государя. Второго марта 1917 года государя не стало, и через несколько дней Временное правительство утвердило новый текст: офицер клялся «верно и нелицемерно служить Российскому государству, как своему Отечеству». Адресат сменился с лица на страну — и это была не формальность, а перенос объекта: присягавший в марте 1917-го обязывался не правительству, которое её принимало, а тому, что правительство называло государством-отечеством.

Осенью 1917 года Временного правительства не стало. Присяга осталась — текстом без адресата, обязательством перед «Российским государством», которого не было ни в одной из существующих форм. Что с ней делать, каждый решал сам, и решений было три. Считать её прекращённой вместе с правительством — и уйти в частную жизнь. Считать её обязывающей перед той организацией, которая претендует быть Российским

государством, — и идти к белым, поскольку они называли себя правопреемниками. Считать её обязывающей перед тем, что стояло за словами «как своему Отечеству», — и идти туда, где Отечество защищается, кем бы оно ни защищалось.

Третье решение выглядит натяжкой, пока не посмотреть, кто его принял. Леонид Говоров, подпоручик, в 1919 году служил в армии Колчака командиром батареи, в ноябре перешёл к красным; в 1942–1945 годах командовал Ленинградским фронтом, снял блокаду, стал маршалом. Иван Баграмян в 1918–1920 годах служил в армии дашнакской Армении и лишь в 1920-м оказался в Красной; в 1945-м брал Кёнигсберг. Дмитрий Карбышев, подполковник императорской армии, пошёл к красным в декабре 1917-го, строил укрепления на всех фронтах, был взят в плен в 1941-м и убит в Маутхаузене в феврале 1945-го, отказавшись служить немцам — то есть выбрав Отечество и в третий раз, когда государство, в котором он служил, его не защищало и защитить не могло. Ни один из троих не был большевиком в 1918 году; ни один не мог рассчитывать, что выбор окажется безопасным. Объект их обязанности прошёл через три формы государства и ни в одной не растворился.

Присяга без адресата не перестала быть присягой. Она перестала быть присягой правительству и обнаружила то, что стояло за словом «Отечество», когда правительств не стало. В этом смысле 1917 год — не разрыв обязанности, а её проявление: пока государство существовало, различить службу ему и службу стране было нельзя; когда оно рухнуло, различие стало видно по тому, кто куда пошёл.

Брусилов

Тридцатого мая 1920 года «Правда» опубликовала воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», подписанное генералом от кавалерии Алексеем Брусиловым и группой генералов старой армии — Поливановым, Зайончковским, Клембовским, Гутором. Польская армия наступала на Киев. Воззвание призывало офицеров «забыть все обиды» и идти в Красную армию, чтобы «не допустить расхищения России».

Брусилов до этого два года отказывался от службы: сидел в Москве, был ранен случайным снарядом в ногу, потерял сына, расстрелянного белыми после перехода на сторону красных. Он не принял ни революции, ни власти, ни идеологии, и оставил об этом недвусмысленные записи. Воззвание он подписал, по собственным словам, потому, что война шла против Польши, то есть за Россию, — и это была единственная формула, при которой он мог служить.

Формула эта — «за Россию, а не за власть» — встречается в документах военспецов постоянно и обычно расценивается как оправдание. Я предлагаю расценивать её буквально, как описание объекта обязанности. Брусилов служил не Совнаркому и не Троцкому; он служил территории, населению и историческому телу, которое считал своим, — и делал это через ту единственную организацию, которая в 1920 году это тело защищала. Государство погибло. Режим был враждебен. Объект обязанности остался, и он был назван.

Точно так же — и это принципиально — его называла другая сторона. Деникин, Врангель, Колчак служили, по собственному убеждению, той же России; их офицеры шли в белые армии по тому же мотиву, что красные военспецы — в Красную. Разделение прошло не по объекту обязанности, а по представлению о том, какая организация его защищает. Обе стороны были правы в объекте и ошибались в средствах — одна сдала страну интервентам, другая террору; спорить о том, кто больше, — не предмет этой книги. Предмет — то, что объект существовал независимо от обеих и был для обеих одним.

«Выстрел»

В ноябре 1918 года в Ораниенбауме была создана Высшая стрелковая школа командного состава — впоследствии курсы «Выстрел», переведённые в 1922 году в Солнечногорск. Преподавали в ней офицеры и генералы старой армии. Среди них — с 1922 года — Яков Слащёв, генерал-лейтенант, командующий обороной Крыма в 1920 году, один из самых жестоких и самых способных белых генералов, вернувшийся из Константинополя в ноябре 1921-го по амнистии и добровольно. Он преподавал тактику красным командирам, которых бил два года назад, — до января 1929 года, когда был застрелен в собственной комнате при школе человеком, объявившим это мстью за брата.

Слащёв — крайний случай, и он нужен именно как крайний. Человек, воевавший против власти до последнего клочка территории, вернулся не потому, что переменял взгляды — по всем свидетельствам, он их не переменял, — а потому, что армия, какой бы она ни была, была русской армией, и он считал, что должен передать ей то, что знал. Объект обязанности пережил не только государство и режим, но и собственную войну против режима.

«Выстрел» существовал до 2009 года. Через него прошёл командный состав, выигравший войну 1941–1945 годов; преподавательская преемственность от старой армии к новой была там почти непрерывной. Это институт, через который профессиональный метод — то, что нельзя записать в уставе и передаётся только от человека к человеку, — был перенесён через гибель государства. Он и есть эмпирическое доказательство того, что Историческая Россия — не метафора: если бы объектом обязанности было государство, метод умер бы вместе с ним в 1917 году, и армию 1941 года пришлось бы строить с нуля.

Цена

Правда о военспецах требует назвать, чем они заплатили, потому что без этого глава выглядит как апология, а она ею не является.

В 1930–1931 годах ОГПУ провело операцию «Весна»: арестовано свыше трёх тысяч бывших офицеров, служивших в РККА, включая профессоров академий и преподавателей «Выстрела»; часть расстреляна, часть отправлена в лагеря, часть освобождена после года заключения — как Свечин, как Какурин. В 1937–1938 годах бывшие офицеры были одной из первых категорий, по которым шли аресты: из семнадцати командующих фронтами Гражданской войны из числа военспецов к 1941 году дожили единицы. Шапошников уцелел — и стал начальником Генштаба; Карбышев уцелел — и погиб в Маутхаузене как советский генерал; Снесарев, Свечин, Верховский — расстреляны.

Государство, которому они служили, не защитило их, и защищать не собиралось: с точки зрения режима они были ресурсом, использованным и подлежащим списанию. Это надо сказать без смягчения. Выбор, сделанный в 1918 году, не был вознаграждён и не был безопасен, и люди, его сделавшие, в большинстве случаев об этом знали заранее.

Именно поэтому выбор доказателен. Служба, которая приносит выгоду, ничего не говорит об объекте обязанности: она может быть службой выгоде. Служба, которая заведомо не приносит ничего, кроме работы и риска, говорит об объекте всё. Семьдесят пять тысяч человек, зная о заложниках, о комиссарах, о подозрении, о вероятном расстреле при падении власти, — служили. И сто тысяч, зная о том же с другой стороны, — служили тоже. Объект их службы не был ни выгодой, ни безопасностью, ни режимом.

Что это даёт книге

Теперь можно сформулировать, зачем эта глава стоит там, где стоит, — между дворянством, потерявшим обязанность, и номенклатурой, потерявшей контроль.

Первое. Она отделяет объект обязанности от государства. В 1917 году государство погибло; обязанность — нет. Она перешла на то, что государство защищало, и служилые люди обеих сторон это показали действием. Отсюда следует, что распад государства в 1991 году не отменял обязанности управляющего

слоя — она оставалась перед тем же объектом, и слой, ликвидировавший государство, нарушил её не перед конструкцией, а перед страной.

Второе. Она задаёт контрпример детерминизму. Одно и то же сословие — офицерский корпус, на девять десятых дворянский по происхождению — в одних и тех же условиях сделало разный выбор: одни пошли служить, другие уехали, третьи остались в стороне. Институциональные условия определяли цену каждого выбора, но не выбор. Модель книги — о том, что при снятии ограничителей большинство слоя выбирает дешёвое; она не утверждает, что все. В 1918 году меньшинство выбрало дорогое, и это меньшинство исчислялось десятками тысяч.

Третье. Она показывает, при каких условиях новая власть сумела получить служилый слой из обломков старого. Не доверием и не убеждением — у большевиков не было ни того, ни другого, — а комбинацией трёх вещей: нужды в результате, признанной на самом верху; внешнего контроля, доведённого до заложничества; и объекта обязанности, который власть — сознательно или нет — позволила служилым людям считать своим. Красная армия воевала «за Россию» в глазах тех, кто ею командовал, и Троцкий это понимал не хуже Брусилова. Позже, в 1941 году, это будет названо открыто.

Из трёх условий только третье не зависит от власти. Первые два — нужда в результате и внешний контроль — власть создаёт, и они же исчезнут в 1953–1957 годах. Третье принадлежит самому служилому человеку, и его нельзя ни снять, ни присвоить. Оно и есть то, что остаётся, когда снято всё остальное.

В следующей главе — о слое, который эта власть построила из таких людей за двадцать лет, и о том, почему он, располагая привилегиями, оставался служилым: не потому, что был лучше, а потому, что над ним стояло то, чего над номенклатурой 1966 года уже не стояло.

ГЛАВА 5

Слой, который умел строить

Пятнадцатого октября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял постановление номер 801сс «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Немецкие войска стояли в ста километрах. Постановление предписывало эвакуировать в Куйбышев правительство, наркоматы, Генеральный штаб, дипломатический корпус; заминировать предприятия, которые нельзя вывезти; Государственному Комитету Обороны и Ставке оставаться в Москве до последней возможности. И — отдельным пунктом — «т. Сталину эвакуироваться завтра или позднее, смотря по обстановке».

Он не эвакуировался. Шестнадцатого октября в Москве началась паника: закрылось метро, толпы на Владимирском шоссе, разграбленные магазины, сожжённые документы в учреждениях. Девятнадцатого октября ГКО ввёл осадное положение. Седьмого ноября на Красной площади прошёл парад, с которого войска уходили на фронт.

Я привожу этот документ не как свидетельство мужества — о мотивах, как всегда, судить нельзя. Я привожу его как свидетельство устройства. Управляющий слой этого государства в момент предельного напряжения располагал всеми привилегиями, какие только существовали в стране: спецпайком, спецтранспортом, спецсвязью, бронёй от призыва, правом на эвакуацию. И верхняя точка этого слоя не воспользовалась привилегией, которую сама себе выписала, — потому что положение, которое давало привилегии, было обусловлено результатом, и результат в октябре 1941 года требовал остаться.

Вот о чём глава. О слое, который между 1929 и 1945 годами имел привилегии и оставался служилым — и о том, за счёт чего это совмещалось. Без этой главы книга читалась бы как история изначально порочной конструкции. Конструкция не была порочной. Она была страшной, и она работала, и разо-

браться нужно в том, что именно в ней работало, — потому что именно это будет снято потом.

Привилегии были

Начать надо с честного признания: управляющий слой тридцатых годов не жил так, как население, и разрыв был велик.

В 1931 году, с введением карточной системы, была создана сеть закрытых распределителей: для ответственных работников, для инженерно-технического состава, для учёных, для военных — с разными нормами и разным ассортиментом. Постановлением Политбюро от восьмого февраля 1932 года — протокол номер восемьдесят семь, пункт девятый — было отменено ограничение оплаты коммунистов-специалистов партийным максимумом. Через полтора года постановление о трёх категориях оплаты ответственных работников установило шкалу: четыреста–пятьсот, шестьсот–семьсот, восемьсот–девятьсот рублей — при средней зарплате рабочего около ста двадцати пяти. Директор крупного завода получал оклад, премии за выполнение плана — до нескольких окладов, — квартиру, автомобиль, дачу. Нарком тяжёлой промышленности Орджоникидзе прямо защищал высокие директорские доходы как условие результата: человек, отвечающий за пуск домны, не должен получать наравне с подсобным рабочим.

Это надо сказать медленно, потому что здесь легко ошибиться в обе стороны. Партмаксимум — правило, по которому доход ответственного работника не мог превышать ста пятидесяти процентов средней зарплаты в подведомственных ему учреждениях, введённое в 1921 году, — был первым и самым простым из ограничителей: управляющий не может богатеть быстрее управляемых. Его отмена в 1932 году была первым снятым ограничителем, и снят он был на двадцать лет раньше остальных. Был ли это уступкой формирующемуся слою или вынужденной мерой кадрового голода первой пятилетки — по документам не устанавливается; академик Варга, современник и человек изнутри системы, писал, что после отмены партмаксимума началось распадение советского общества на слои

с огромными различиями в доходах. Мотив не установлен. Результат — да.

Но результат этот не сделал слой сословием. Двадцать лет после 1932 года управляющий слой с высокими доходами и закрытыми распределителями оставался служилым — в том смысле, который задан первой главой: право производно от обязанности, обязанность обеспечена извне, вход определяется результатом, контроль не принадлежит контролируемым. И объяснить это можно только тем, что экономический ограничитель был не единственным и не главным. Остальные четыре — реестр, канал, компромат, ротация, крайняя мера, описанные в шестой главе, — действовали, и действовали в полную силу.

Результат как условие положения

Что это значило практически, лучше всего видно на людях, и я возьму двоих.

Борис Ванников, нарком вооружения, был арестован седьмого июня 1941 года по обвинению во вредительстве. Двадцать пятого июля — через месяц после начала войны — он был освобождён из внутренней тюрьмы НКВД, доставлен в Кремль и назначен заместителем наркома вооружения; в феврале 1942-го — наркомом боеприпасов; позже — трижды Героем Социалистического Труда и руководителем атомного проекта по промышленной части. Записка, которую он написал в камере о перестройке производства вооружения, была прочитана, и её автор был возвращён на работу потому, что нужен был результат.

Дмитрий Устинов стал наркомом вооружения девятого июня 1941 года — на место арестованного Ванникова — в возрасте тридцати двух лет, с должности директора ленинградского завода «Большевик». Никакого стажа в наркомате у него не было. Было одно: завод выполнял план.

Два случая — арест и освобождение, назначение тридцатидвухлетнего — делают одну работу: они показывают, что положение в слое было обусловлено результатом, а не принадлежностью. Ванников не был спасён принадлежностью к слою

— принадлежность его не защитила от ареста. Он был возвращён результатом. Устинов не был выдвинут связями — он был выдвинут заводом. Реестр в 1941 году всё ещё определял, кого верхняя инстанция может назначить, — и верхняя инстанция назначала по результату, потому что результат ей был нужен больше, чем лояльность.

Это и есть служилое состояние при наличии привилегий. Привилегия обслуживает результат: директору дают оклад, автомобиль и квартиру, чтобы он мог строить завод, и отбирают всё это — вместе со свободой, а нередко и с жизнью, — если завод не построен. Положение не принадлежит человеку. Оно принадлежит функции, и человек держит его, пока функцию исполняет.

Цена, которую нельзя не назвать

Здесь нельзя идти дальше, не сказав, чем это обеспечивалось, потому что те же механизмы, которые удерживали слой в служилом состоянии, были механизмами террора.

Реестр, канал, компромат и крайняя мера действовали не только против слоя. Они действовали против населения — в 1937–1938 годах по приказу номер 00447 и национальным операциям было расстреляно около семисот тысяч человек, большинство из которых не имели никакого отношения к управляющему слою. Тот же аппарат, те же методы, та же санкция сверху. Различить контроль над слоем и террор против населения можно — это разные функции, и десятая глава объяснит, почему их отождествление в 1956 году стало механизмом самозащиты слоя. Но нельзя делать вид, что они исполнялись разными руками. Они исполнялись одними.

И внутри слоя контроль был произвольным. Ванников был арестован без вины; тысячи директоров, наркомов, секретарей обкомов были расстреляны в 1937–1938 годах не за невыполнение плана, а по спискам, и результат их не спас. Масштаб известен по докладу 1956 года: из ста тридцати девяти членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом в 1934 году, арестованы и в большинстве расстреляны девяносто восемь; из тысячи девятисот шестидесяти шести делегатов съезда — тысяча сто

восемь. Семьдесят процентов высшего слоя было уничтожено за два года — не за результат, а безотносительно к нему.

Это ставит вопрос, который нельзя обойти: если крайняя мера применялась безотносительно к результату, была ли она ограничителем — или только террором, случайно задевавшим и слой? Ответ, который даёт материал, неудобен для обеих сторон спора. Мера была и тем и другим. Как террор она уничтожала без разбора. Как ограничитель она делала положение в слое безусловленным ничем, кроме воли верхней инстанции, — и тем самым абсолютно обусловленным: никто не мог считать своё место своим. Ванников, освобождённый через месяц после ареста, — не исключение из террора, а его изнанка: та же воля, что арестовала без причины, освободила по причине. Слой, живущий в таком режиме, не имеет ни одного из четырёх признаков сословия — и не имеет также ни одного признака правового состояния. Это служилое состояние в его самой страшной форме, и именно из этой формы слой выйдет в 1953 году, не заменив её никакой другой. Крайняя мера, применявшаяся к номенклатуре наравне с прочими, применялась к ней и без основания — это одна и та же мера. Служилое состояние слоя тридцатых годов держалось на страхе, и страх этот был обоснован. Между «положение обусловлено результатом» и «положение обусловлено произволом» проходила граница, которую сам слой видел не всегда.

Всё это — правда, и всё это не отменяет того, что слой строил. Между 1929 и 1941 годами промышленное производство выросло в несколько раз; между 1941 и 1945-м было эвакуировано полторы тысячи предприятий, и промышленность на новом месте дала больше, чем на старом; в 1949 году решена атомная задача. Управляющий слой, который это сделал, состоял из людей, живших под постоянной угрозой ареста и располагавших привилегиями, за которые эта угроза была ценой. Это устройство не заслуживает ни восхищения, ни оправдания. Оно заслуживает понимания, потому что то, что пришло ему на смену, не было лучше, — оно было хуже, и хуже по устройству.

Землячка

Есть ещё одно, что удерживало слой в служилом состоянии, и это не механизм, а человек, — и потому оно исчезнет вместе с человеком.

Розалия Землячка с 1939 года возглавляла Комиссию советского контроля, затем была заместителем председателя Совнаркома по контролю; в партии — с 1896 года, участница Крымской операции 1920 года, о которой в этой книге не будет сказано ничего смягчающего. Умерла двадцать первого января 1947 года. За полвека во власти она не нажила ничего, кроме места в Кремлёвской стене: квартира служебная, дача казённая, имущества — по описи — на несколько сотен рублей.

Я привожу её не как образец — она им не была, — а как датировку. Пока такие люди занимали контрольные посты, отсутствующий институт восполнялся их личным качеством: контролёр, которого нельзя купить, потому что ему ничего не нужно, работает непрерывно и бесплатно. Принуждение требует аппарата и ежедневного усилия. Личная неподкупность не требует ничего — и не воспроизводится. Её смерть означала, что восполнять стало нечем; а ограничитель, который работал бы сам, без чьей-либо личной честности, отменили пятнадцатью годами раньше.

Первые признаки

К концу войны конструкция начала подавать признаки того, что произойдёт с ней через десять лет, и их стоит зафиксировать, потому что они показывают: инверсия 1953 года не возникла из ничего.

Трофейное дело 1946–1948 годов: расследование вывоза из Германии имущества частью высшего командного состава — генералами Крюковым, Телегиным, Сидневым и другими; коснулось оно и маршала Жукова, чьё дело было переведено в партийную плоскость. Протоколы обысков и допросов по этому делу опубликованы в 1993 году в первом выпуске сборника «Военные архивы России», и перечни изъятого в них — мебель гарнитурами, картины десятками, ткани километрами — приводятся здесь исключительно как документ, без оценки лиц; за-

слуги этих людей перед страной установлены не менее документально. Государство ответило на дело селекцией: Крюков и Телегин арестованы, Сиднев осуждён, Жуков отправлен командовать округом. Контроль ещё действовал. Но масштаб описей говорил о том, что положение в слое начало восприниматься как источник, а не как условие: люди, пять лет рисковавшие собой, увидели в Германии то, чего у них никогда не было, и взяли — не для дела, а для себя. Это первый документированный сигнал того, что интерес слоя начал отделяться от функции.

Суды чести 1947 года: постановление ЦК и Совета Министров от двадцать восьмого марта учредило в министерствах и ведомствах суды чести для рассмотрения «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков» руководящих работников — вместо уголовного преследования. Задуманы они были как инструмент давления. Но по устройству это был собственный суд слоя — тот самый решающий признак сословия, — созданный самой верхней инстанцией как средство изъять проступки руководящих работников из общего правового поля. Инстанция, державшая слой под контролем, сама начала строить для него отдельную юрисдикцию.

Наконец, 1952 год. Осенью, к XIX съезду, были приняты три решения, которые вместе задают вектор: Политбюро из одиннадцати человек заменено Президиумом из двадцати пяти, с введением в него новых людей из регионов и ведомств; перечень обязанностей члена партии в новом Уставе расширен; и — по данным закрытых документов, о которых сохранились свидетельства, — денежное довольствие партийных и советских работников было снижено с обоснованием, что рост доходов населения при снижении цен делает разрыв политически недопустимым. По деньгам, по уставу, по составу — три решения за полгода. Каждое по отдельности ничего не доказывает. Вместе они выглядят как попытка верхней инстанции удерживать слой в служилом состоянии институционально, а не только персонально, — попытка, о которой подробнее в восьмой главе.

В марте 1953 года всё это было разобрано в течение нескольких дней. И главное здесь — не отмена, а скорость. Так быстро

отменяют только то, что прочитано точно и отвергнуто единодушно.

Что удерживало и что нет

Итог главы должен быть точным, потому что от него зависит понимание всего последующего.

Управляющий слой 1929–1945 годов имел привилегии и оставался служилым. Совмещение обеспечивалось тем, что привилегия была обусловлена результатом, а результат проверялся извне — реестром, каналом, компроматом, ротацией и крайней мерой, — при верхней инстанции, которая всем этим распоряжалась и которой результат был нужен. Ни один из пяти механизмов не был правом или процедурой; все были инструментами в одних руках. Экономический ограничитель — партмаксимум — был снят в 1932 году, и это означало, что материальный интерес слоя сложился за двадцать лет до того, как были сняты остальные: последующее снятие работало уже против существующего интереса, а не в его отсутствие.

Цена этого устройства — террор, произвол внутри слоя, зависимость всего от одного человека. Достижение — промышленность, война, атомная задача. Обе стороны реальны; спорить о балансе между ними — не предмет книги. Предмет — то, что конструкция удерживала слой в служилом состоянии и что удерживала она его не результатом самим по себе, а тем, что результат проверялся инстанцией, стоящей над слоем.

Как эта инстанция была устроена и почему она держалась на одном условии, которого сама не умела воспроизводить, — следующая часть. Она начинается там, где положено начинать разбор любой конструкции власти: с вопроса о том, кто решает, кто существует в качестве кандидата.

ЧАСТЬ III

Как строится сословие

ГЛАВА 6

Учётная карточка сильнее дивизии

Двадцать шестого июня 1953 года на заседании Президиума ЦК в Кремле был арестован Лаврентий Берия — первый заместитель председателя Совета Министров и министр объединённого МВД, которому подчинялись оперативный аппарат, агентура, следствие, внутренние и пограничные войска, лагерная система и правительственная связь. Арест обеспечила группа военных во главе с маршалом Жуковым, заранее введённая в Кремль. В Москву были введены части Таманской и Кантемировской дивизий. Ни одно подразделение собственного ведомства Берии не сделало ничего.

Две границы обозначу сразу. Ввод дивизий подтверждается несколькими независимыми описаниями; расхожая цифра «более трёхсот танков» документально не подтверждена, и я её не привожу. Что было с Берией после 26 июня — вопрос спорный: существует версия, что он был убит в день задержания, а декабрьский процесс оформлял уже совершённое; версия не маргинальная и не доказанная, и я оставляю её открытой.

Существенно другое. Человека, у которого в руках была вся физическая сила государства, устранили люди, у которых её не было вовсе.

И это случалось раньше. В сентябре 1936 года с поста наркома внутренних дел был снят Генрих Ягода — переведён в наркомат связи, через полгода арестован, в 1938-м расстрелян. В ноябре 1938 года был снят Николай Ежов. Оба раза решение принималось наверху и оформлялось партийным решением. Оба раза аппарат, которым снятый только что командовал, остался на месте и работал дальше под новым начальником, не сделав ни одного движения в защиту старого.

Три случая подряд с интервалом в пятнадцать лет — это не характеры. Это устройство. И понять советскую конструкцию контроля над управляющим слоем нельзя, не поняв, почему в ней сила всегда оказывалась инструментом, а не хозяином.

Право назначать

Начинать надо с 1923 года, потому что там был создан инструмент, вокруг которого выстроилось всё остальное.

Двенадцатого октября 1923 года Оргбюро ЦК утвердило порядок назначения на руководящие должности: два перечня — номер один, должности, назначение на которые проходит через Политбюро и Оргбюро, и номер два, назначение на которые ведёт Учётно-распределительный отдел ЦК. Перечни охватывали партийный аппарат, наркоматы, хозяйственные органы, армию, профсоюзы, печать: в первом — около трёх с половиной тысяч должностей, во втором — около полутора тысяч; к 1925 году, с учётом ведомственных перечней, их стало вдвое больше, а к концу тридцатых номенклатура ЦК исчислялась десятками тысяч должностей, номенклатура обкомов и райкомов — сотнями тысяч. Так появилось то, что в аппаратном языке стало называться номенклатурой: не слой людей, а перечень должностей, замещение которых контролирует партийный центр.

Смысл этого решения виден, если задать простой вопрос: кому оно отдавало власть? Не наркому, который руководил своим ведомством, — нарком не мог назначить заместителя без санкции ЦК. Не губкому, который управлял своей губернией, — секретаря губкома утверждал ЦК. Власть отдавалась тому, кто вёл учёт: отделу, который знал, кто существует в качестве кандидата, и решал, кого из существующих представить.

Это была принципиально иная конструкция, чем Табель о рангах. Табель определяла, чего человек достиг; учётно-распределительный отдел определял, куда его можно поставить. Первое — характеристика человека. Второе — характеристика системы. Дворянин восьмого класса оставался дворянином при любом состоянии дел в Герольдии. Работник,

вычеркнутый из перечня, переставал быть кандидатом на что бы то ни было, какими бы заслугами ни обладал.

Телеграмма из Сочи

Как эта конструкция работала против силы, видно по одному документу, который стоит привести целиком, потому что он короткий.

Двадцать пятого сентября 1936 года из Сочи в Москву, Кагановичу и Молотову, ушла шифротелеграмма за подписями Сталина и Жданова: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост Наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

На следующий день Ягода был снят и назначен наркомом связи. Ведомство, в котором он проработал восемнадцать лет и которым руководил два года, — с агентурой, войсками, тюрьмами и картотеками, — не сделало ничего. Не потому, что не могло: оперативные возможности НКВД в 1936 году позволяли многое. А потому, что решение пришло по каналу, который для ведомства был выше любого приказа наркома, — от держателя реестра, — и заведующий ОРПО Ежов, пришедший на его место, был тем, кто этот реестр вёл. Аппарат подчинился не силе и не закону: он подчинился тому, кто определял, кто в нём останется.

Заметьте формулировку: «Об этом говорят все партработники». Партийный аппарат — держатель учётных карточек — выступает в телеграмме как источник оценки органов. Не наоборот. Кто кого оценивает, тот тем и распоряжается.

Два досье на одного человека

К середине тридцатых годов конструкция была достроена, и достройка произошла в двух местах, которые обычно рассматривают отдельно.

В 1934 году, после реорганизации аппарата ЦК, был создан Отдел руководящих партийных органов — ОРПО. Заведовал им Ежов, с 1936 года — Георгий Маленков, работавший в отделе с момента основания и возглавлявший его до 1939 года. В 1935–1936 годах отдел провёл две кампании: проверку партийных документов и их обмен. Формально это было техническое мероприятие — замена бланков, сверка данных, выявление подделок. Фактически по его итогам в руках партийного аппарата оказались учётные карточки на всех членов и кандидатов партии — около двух с половиной миллионов единиц, — и по каждой карточке было проведено собеседование, в ходе которого фиксировались происхождение, служба, связи, колебания, взыскания.

Одновременно в марте 1934 года на базе Секретного отдела ЦК был образован Особый сектор — канцелярия генерального секретаря, которую с 1930 года и до 1952-го вёл один человек, Александр Поскрёбышев. Через Особый сектор шла вся переписка с местами, обращения, доносы, отчёты; он давал верхней инстанции картину положения на местах, не проходящую через тех, о ком она составлена.

Что получилось в результате, стоит сформулировать точно, потому что в этом вся конструкция.

На каждого человека в управляющем слое отныне существовало два досье, и делали они разные вещи.

Досье органов государственной безопасности фиксировало подозрение. Оно давало основание для оперативных действий: наблюдения, разработки, ареста.

Учётная карточка партийного аппарата фиксировала назначаемость. Она определяла допуск к должности.

Человек с материалами в органах, но с чистой карточкой мог быть назначен — и назначался; оперативные материалы могли лежать годами без движения. Человек с испорченной карточкой не мог быть назначен никогда — при любом состоянии оперативных материалов. Карточка была первичной. Досье — вторичным.

Сила действует поштучно: она может арестовать одного, десять, тысячу. Реестр действует на популяцию: он определяет,

кто вообще существует в качестве кандидата. Тот, кто держит реестр, определяет состав слоя. Тот, кто держит силу, может изменить состав на несколько человек — и то с санкции держателя реестра.

Месяц, за который Ежов перестал существовать

Как это выглядит на живом человеке, лучше всего видно на самом Ежове, потому что он побывал по обе стороны конструкции.

В НКВД он пришёл в сентябре 1936 года не с пустыми руками: заведующий ОРПО, председатель Комиссии партийного контроля, секретарь ЦК. Картотека за спиной. Именно потому, что за ним стоял реестр, он смог провести через ведомство операцию, уничтожившую предшествующий руководящий состав органов, — аппарат подчинился не наркому, а секретарю ЦК.

Двадцать пятого ноября 1938 года Ежов лишился НКВД — и с ним не произошло ничего. Он остался секретарём ЦК, председателем КПК и наркомом водного транспорта. Почти полгода к человеку, только что руководившему всей государственной безопасностью страны и знавшему о ней всё, никто не прикасался.

Потом с него сняли партийную составляющую. На XVIII съезде в марте 1939 года он не был избран в ЦК. Девятого апреля уволен с последней оставшейся должности. Десятого апреля арестован. В феврале 1940 года расстрелян.

Между изъятием партийной опоры и арестом прошли сутки.

Пока за ним стоял реестр, он был неприкосновенен — командуя ведомством или не командуя. Как только реестр перестал за ним стоять, весь прежний оперативный ресурс, все знания, все связи не стоили одного дня. Человек, который вёл картотеку страны, был вычеркнут из неё.

Через четырнадцать лет ту же процедуру применили к Берии. Быстрее — потому что Берия, в отличие от Ежова, никогда не держал реестра. Он держал только силу.

Июнь 1953: то же самое за один вечер

Берия не решал, кого назначат на его место. Он не мог воспроизвести ни одного своего человека — а тот, кто мог, сидел за тем же столом: Маленков к тому моменту два десятилетия имел дело с кадровым учётом страны, и заведующий отделом ЦК, ведавшим партийными органами, был его человеком.

Восемнадцатого–двадцать третьего декабря 1953 года прошёл закрытый процесс Специального судебного присутствия Верховного суда под председательством маршала Конева. Вместе с Берией расстреляны Всеволод Меркулов, Владимир Деканозов, Богдан Кобулов, Сергей Гоглидзе, Павел Мешик, Лев Влодзимирский — высшее профессиональное ядро государственной безопасности, люди с десятилетиями оперативного опыта. В июле 1954 года расстрелян Михаил Рюмин. В декабре 1954-го — Виктор Абакумов, руководитель «Смерш» военных лет и министр государственной безопасности в 1946–1951 годах; арестован он был ещё в июле 1951-го, то есть взяла его одна власть, а расстреляла другая.

Обратите внимание на то, кого уничтожали. Берия и Абакумов принадлежали к враждовавшим группам; Рюмин был человеком, донёсшим на Абакумова. Уничтожались фигуры из всех групп сразу. Мишенью был не клан — мишенью был руководящий слой органов целиком.

И чтобы не осталось сомнений, что дело в правиле, а не в ведомстве, — посмотрите, что стало с тем, кто Берию арестовывал.

В октябре 1957 года Жуков был снят с поста министра обороны и выведен из Президиума и ЦК; решение готовилось, пока маршал находился с визитом в Югославии и Албании. Публично обосновывать его вышел Конев — тот самый, что четырьмя годами раньше председательствовал в суде над Берией. Статья появилась в «Правде» третьего ноября 1957 года.

Армия обезглавила госбезопасность. Через четыре года аппарат убрал армию. Сила изымает, но не воспроизводит себя, и потому она всегда инструмент, а не хозяин.

Пять механизмов

Теперь можно описать конструкцию целиком. К началу 1953 года управляющий слой удерживался в служилом состоянии пятью механизмами, и каждый из них был внешним по отношению к слою.

Первый — реестр. Кадровый учёт в партийном аппарате, определяющий, кто существует в качестве кандидата на должность. Ни один работник не мог быть назначен, перемещён или снят без прохождения через него.

Второй — независимый информационный канал. Особый сектор давал верхней инстанции сведения о положении на местах, не проходящие через тех, о ком они составлены. Секретарь обкома не контролировал того, что о нём знают в Москве.

Третий — компромат. Накопленный оперативный и партийный материал при монопольном праве активации сверху. Инструмент действовал именно тем, что не применялся: работник, о котором известно достаточное, исполнителен постоянно, а не только в момент проверки.

Четвёртый — ротация. Принудительное перемещение, разрывающее срастание с местом, с местным хозяйством, с местными людьми. Первый секретарь, переведённый из Свердловска в Ташкент, приезжал без своего аппарата и без своих связей.

Что происходило, когда ротация не применялась, видно на одном случае, и он стоит того, чтобы его назвать. Иван Кабаков возглавлял Уральский, затем Свердловский обком с 1929 по 1937 год — восемь лет на одном месте, что для тридцатых годов было исключением. За эти годы область стала его хозяйством в буквальном смысле: город Надеждинск в 1934 году был переименован в Кабаковск, областная газета выходила с его портретами, по области он передвигался в персональном поезде, состав обкома и горкомов был подобран из его людей, а сведения о положении дел в Москву шли через его аппарат. Это не коррупция — Кабаков не был вором. Это срастание: слой, засидевшийся на месте, превращает место в вотчину, и центр перестаёт видеть, что в ней происходит. В мае 1937 года Кабаков был арестован, в октябре расстрелян, Кабаковск переиме-

нован обратно. Ротация в тридцатые годы обеспечивалась и так — крайней мерой вместо перемещения; но самый факт, что региональная машина такого размера могла сложиться за восемь лет, показывает, зачем перемещение было нужно и что происходит, когда его нет. После 1966 года таких машин будет несколько десятков, и ни одна из них не будет разобрана.

Пятый — неранжированная мера ответственности. Крайняя мера, применявшаяся к работнику номенклатуры наравне с прочими гражданами, — и применявшаяся: Ягода, Ежов, наркомы, секретари обкомов, маршалы. Взгляните на даты выше: последними, к кому её применили, были руководители ведомства — декабрь 1953-го, июль и декабрь 1954-го. К работникам партийного аппарата после этого — ни разу.

Стоит сразу сказать, чем эти механизмы не были. Они не были правом: ни один из них не был записан в законе как ограничение, которое слой мог бы оспорить. Они не были процедурой: ни один не срабатывал сам, по истечении срока или по наступлении условия. Реестр вели люди. Канал существовал, пока его поддерживали. Компромат активировался по чьему-то решению. Ротация назначалась. Крайняя мера применялась. Все пять были инструментами в руках одной инстанции, стоящей над слоем, — и держались на одном условии: что эта инстанция существует и действует.

Чем это отличается от дворянской конструкции

Пришло время сравнить, потому что сравнение здесь не украшение, а проверка.

Петровская конструкция удерживала слой в служилом состоянии обязанностью, санкцией и внешней проверкой, и держалась на воле государя. Советская конструкция делала то же самое — реестр заменял Герольдию, крайняя мера заменяла конфискацию и шельмование, ротация заменяла бессрочную службу вдали от имения — и держалась на воле верхней инстанции. В обоих случаях контроль не принадлежал контролируемым, вход определялся результатом, а обязанность была обеспечена извне. В обоих случаях четыре свойства служилого состояния были налицо.

Различия два, и оба будут работать против советской конструкции.

Первое — юридическая пустота. Дворянская обязанность была записана в законе, и снятие её потребовало закона — Манифеста, который можно было прочесть, обсудить, оспорить. Советские механизмы контроля в законе не существовали. Регистр был аппаратной практикой. Санкция парторгана на арест работника номенклатуры была неписаным порядком. Ротация была обычаем. Снять их можно было без единого акта — просто перестав применять. И никто не мог указать на дату, когда это было сделано, потому что даты не было.

Второе — процедура замещения. Самодержавие имело Основные законы о престолонаследии; верхняя инстанция советской конструкции не имела описания. Её полномочия не были определены никаким уставом — Устав партии знал генерального секретаря лишь как одного из секретарей ЦК, — и потому не имели порядка передачи. Инстанция, державшая пять механизмов, существовала как факт, а не как институт. Факт не наследуется.

Дворянская конструкция была разобрана за полвека — по частям, законами, при трёх государях. Советскую можно было разобрать в течение нескольких лет, не приняв ни одного закона, — как только исчезло условие, на котором она держалась. Условие перестало существовать вечером пятого марта 1953 года.

Но прежде чем идти к этому вечеру, нужно понять две вещи, которые сделали разборку такой быстрой. Первая — почему в конструкции с самого начала не было места для того, что могло бы устоять при смене верхней инстанции: для отдельного институционального голоса самой России. Вторая — почему верхняя инстанция не сумела воспроизвести себя, хотя, судя по решениям 1952 года, пыталась.

ГЛАВА 7

Россия без собственного институционального голоса

Первого октября 1950 года, через час после оглашения приговора, в Ленинграде были расстреляны шесть человек: Алексей Кузнецов — секретарь ЦК ВКП(б) в 1946–1949 годах, Николай Вознесенский — председатель Госплана и заместитель председателя Совета Министров СССР, Михаил Родионов — председатель Совета Министров РСФСР, Пётр Попков — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома, Яков Капустин — второй секретарь горкома, Пётр Лазутин — председатель Ленгорисполкома. Смертная казнь, отменённая в мае 1947 года, была восстановлена указом двенадцатого января 1950-го — за девять месяцев до приговора и, по мнению большинства исследователей, ради него.

Среди обвинений, предъявленных группе, было одно, которого не найти ни в одном другом деле сталинского времени: намерение создать Коммунистическую партию РСФСР с центром в Ленинграде и перенести туда правительство Российской Федерации. Обвинение фигурировало в постановлении Политбюро от пятнадцатого февраля 1949 года в смягчённой форме — «противопоставление ленинградской организации Центральному Комитету» — и в полной форме в материалах следствия. Что касается фактической стороны: в сентябре 1947 года Родионов направил в ЦК записку с предложением образовать Бюро ЦК по РСФСР для руководства российскими областями, — документ сохранился. Дальше предложения дело, по всем данным, не пошло.

Из пятнадцати союзных республик четырнадцать имели собственные компартии, академии наук, органы безопасности, столицы, отдельные от союзной. Российская Федерация — крупнейшая, с половиной населения и двумя третями про-

мышленности — не имела ни компартии, ни академии, ни КГБ, ни столицы, отдельной от союзной; её Совет Министров возглавлял человек рангом ниже союзного министра. Это обычно описывают как парадокс или как проявление «имперского» устройства, в котором Россия растворена в целом. Описание неточно. Отсутствие у России собственного институционального голоса не было ни парадоксом, ни недосмотром. Оно было несущей конструкцией — и разобраться в ней нужно потому, что в 1990 году, когда голос появился, Союз просуществовал восемнадцать месяцев.

Что здесь не объясняет

Прежде чем объяснять, нужно исключить объяснение, которое напрашивается первым и в этой книге запрещено: этническое. Отсутствие у России голоса нередко толкуют как результат «нерусского» характера верхушки — с перечислением фамилий Политбюро — либо, наоборот, как проявление русского имперского сознания, которому не нужен отдельный институт, потому что вся страна и так его. Оба толкования не работают по одной причине: они не предсказывают ни 1949 года, ни 1966-го, ни 1990-го. Люди, уничтожившие ленинградскую группу, и люди, в неё входившие, были одного происхождения; Бюро по РСФСР создал и упразднил один и тот же слой с тем же составом; Компартию РСФСР в 1990 году создавали те же секретари обкомов, которые в 1966-м голосовали за упразднение Бюро. Ни этническое происхождение, ни этническое сознание не меняли поведения — менялось положение относительно реестра. Клановый анализ здесь объясняет; этнический — нет, и потому в этой главе его не будет.

Второе, что нужно исключить, — объяснение недосмотром. К 1989 году в РСФСР жило сто сорок семь миллионов из двухсот восьмидесяти семи, то есть половина населения Союза; на её территории производилось около шестидесяти процентов промышленной продукции; её партийная организация насчитывала больше половины членов КПСС. Институт такого масштаба не забывают создать. Его не создают — потому что знают, что он сделает.

Реестр и второй реестр

Шестая глава установила, что советская конструкция контроля держалась на реестре: кадровом учёте, определявшем, кто существует в качестве кандидата на должность. Реестр был один. В этом было его свойство, и свойство это надо сформулировать прямо: единый реестр означал, что во всей стране существует одна инстанция, решающая, кто может занимать должности, — и одна очередь к ней.

Республиканские компартии этому не противоречили. Они вели собственный учёт, но их первые секретари, секретари обкомов и министры входили в номенклатуру ЦК ВКП(б) и утверждались в Москве; республиканский реестр был филиалом союзного, не конкурентом. Республика могла иметь голос, потому что голос этот не создавал второй очереди: он входил в единую.

Россия — не могла. И не потому, что она была «имперским ядром» или «государствообразующей нацией» — этих понятий в сталинской конструкции не существовало, — а по арифметике. Российская партийная организация составляла больше половины всей партии. Компартия РСФСР с собственным ЦК и первым секретарём имела бы под своим контролем больше половины номенклатуры страны. Её реестр не был бы филиалом — он был бы вторым реестром, сопоставимым с первым, и всякий, кто его возглавил, стал бы второй инстанцией, решающей, кто существует. В конструкции, которая держалась на монополии одного реестра, второй реестр был не административным неудобством, а угрозой существованию.

Именно поэтому предложение Родионова о Бюро ЦК по РСФСР — административное, скромное, не выходящее за рамки того, что было у других республик, — было прочитано наверху как то, чем оно было по устройству: как первый шаг к второму реестру. И именно поэтому оно стало не поводом для обсуждения, а составом преступления.

Кто держал реестр в 1946–1949 годах

Здесь нужно назвать то, что придаёт делу его институциональный смысл и что обычно остаётся за рамками рассказа о «ленинградцах».

В марте 1946 года Алексей Кузнецов, до того первый секретарь Ленинградского обкома, был переведён в Москву секретарём ЦК и поставлен во главе Управления кадров ЦК — то есть реестра. Он сменил на этом участке Георгия Маленкова, который вёл кадровый учёт с 1934 года и в мае 1946-го был выведен из Секретариата. Одновременно Кузнецов получил надзор за органами государственной безопасности по линии ЦК. Три года — с весны 1946-го до начала 1949-го — реестр вёл ленинградец, и через реестр ленинградцы выдвигались на должности по всей стране: Родионов — председателем правительства РСФСР, Вознесенский — первым заместителем председателя Совета Министров СССР, десятки других — секретарями обкомов, заместителями министров, руководителями ведомств.

В июле 1948 года Маленков был возвращён в Секретариат. Через полгода — февраль 1949-го — постановление Политбюро о «ленинградском деле»; Кузнецов снят и направлен на учёбу, затем арестован. Управление кадров вернулось к Маленкову.

Борьба за реестр между двумя группами — маленковской и ленинградской — документирована лучше, чем любая версия о «русской партии» или «заговоре»: даты перемещений, составы секретариата, списки выдвиженцев. Она объясняет то, чего не объясняет ни одна политическая версия: масштаб чистки. Из ленинградской организации было снято с должностей около двух тысяч человек; репрессиям подверглись, по разным подсчётам, более двухсот их родственников; ленинградские выдвиженцы были сняты в Крыму, Пскове, Новгороде, Ярославле, Мурманске, Горьком, в союзных министерствах. Уничтожалась не идея — уничтожался список: все, кто был выдвинут через реестр в те три года, когда его вёл не Маленков. Это не месть и не паранойя, а очистка учёта от конкурирующей очереди.

Одно свидетельство стоит привести именно как свидетельство, а не как факт. Микоян в воспоминаниях писал, что Сталин в 1948 году называл Кузнецова возможным преемником на посту генерального секретаря, а Вознесенского — на посту главы правительства. Это источник четвёртого уровня, изложенный заинтересованным участником через много лет; документального подтверждения нет. Но если это правда, дело замыкается на восьмую главу: человек, названный преемником, автоматически становился вторым центром, а второй центр в этой конструкции был несовместим с существованием первого — и был уничтожен вместе с реестром, который вёл.

Что доказано и что сконструировано

Здесь необходимо применить стандарт, объявленный в десятой главе, потому что «ленинградское дело» — образцовый случай, в котором заинтересованы обе стороны.

Обвинение 1949–1950 годов: антипартийная группа, противопоставление Ленинграда ЦК, фальсификация выборов на городской партконференции в декабре 1948 года, самовольное проведение всесоюзной оптовой ярмарки в январе 1949-го, утрата секретных документов в Госплане, — и, на следствии, измена и шпионаж. Реабилитация тридцатого апреля 1954 года: все обвинения сфабрикованы Абакумовым и его аппаратом по указанию Маленкова и Берии; осуждённые невиновны полностью.

Оба документа составлены заинтересованной стороной с процессуальной целью. Обвинение служило устранению группы; реабилитация — устранению Абакумова, расстрелянного через восемь месяцев, и компрометации Маленкова, отстранённого через девять. Ни один из них не является установлением факта. Что устанавливается независимо: ярмарка была проведена без санкции Совета Министров СССР, и постановление о её проведении подписал Родионов; фальсификация подсчёта на конференции подтверждена документами счётной комиссии; записка о Бюро по РСФСР существовала. Измена, шпионаж, заговор — не подтверждены ничем, кроме по-

казаний, полученных под пытками, и признаны сфабрикованными по совокупности материалов.

Опровержение фальсификации не есть доказательство обратного тезиса. То, что ленинградцы не были шпионами, не означает, что они не строили второй реестр. Они его строили — не как заговор, а как обычную практику выдвижения своих, которую вела каждая группа, державшая учёт. Разница была в масштабе: их группа сидела в самом реестре и опиралась на самую большую организацию страны. Их уничтожили не за то, что они сделали что-то недопустимое, а за то, что делали допустимое из положения, в котором это становилось угрозой. Это институциональное, а не моральное различие, и в нём ответ на вопрос, почему у России не было голоса: любой институт, говоривший от имени России, по арифметике становился вторым реестром.

1956–1966: попытка и откат

Хрущёв, придя к власти, попробовал дать России то, чего у неё не было, — и результат этой попытки подтверждает устройство.

В феврале 1956 года, на XX съезде, было образовано Бюро ЦК КПСС по РСФСР — то самое, которое предлагал Родионов. Председателем стал сам Хрущёв как первый секретарь ЦК; заместителем — один из секретарей ЦК. Бюро ведало российскими областями, кадрами, хозяйством; в РСФСР были созданы собственные министерства внутренних дел, культуры, образования, собственный Союз писателей. Голос появился — но при одном условии: возглавлял его человек, одновременно возглавлявший союзный реестр. Второй реестр был создан так, чтобы не быть вторым.

В апреле 1966 года, на XXIII съезде, — том самом, что отменил нормы обновления, — Бюро ЦК по РСФСР было упразднено. Российские министерства были частью влиты в союзные, частью понижены. Обоснование — «параллелизм в работе». Слой, который в 1964 году снял Хрущёва и в 1966-м отменил ротацию, тем же съездом устранил единственный институт, который мог бы стать точкой сборки альтернативного реестра. Ло-

гика та же, что в 1949 году, — без расстрелов, потому что после 1957 года расстрелов не было, но с тем же результатом.

1990: голос появляется

Девятнадцатого–двадцать третьего июня 1990 года в Москве прошла Российская партийная конференция — две тысячи семьсот шестьдесят восемь делегатов, — объявившая себя учредительным съездом Коммунистической партии РСФСР. Двадцать второго июня первым секретарём избран Иван Полозков, первый секретарь Краснодарского крайкома. Партия была создана вопреки желанию Горбачёва и большинства союзного руководства — созданием её занялись те, кого принято называть консерваторами: руководители российских обкомов, недовольные перестройкой.

Двенадцатого июня — за неделю до конференции — Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о суверенитете, а двадцать девятого мая избрал председателем Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина. Российский голос появился одновременно в двух формах — партийной и государственной, — враждебных друг другу и обе враждебных союзному центру.

Второй реестр возник. Впервые с 1949 года в стране существовала собственная российская партийная номенклатура, отдельная от союзной, и собственный российский государственный аппарат, объявивший верховенство над союзным. Союзный центр перестал существовать через восемнадцать месяцев. Вся сила формально оставалась при нём: армия, органы, связь, границы, валюта. Не хватало одного — монополии на то, кто существует в качестве кандидата.

Это та же арифметика, что в апреле 1939 года стоила Ежову одних суток, — в масштабе государства и с растяжкой на полтора года. Тот, кто теряет реестр, теряет всё, что реестр удерживал.

Чей это был голос

Закончить главу нужно различением, без которого её выводы будут прочитаны неверно.

Отсутствие у России институционального голоса было защитой единого реестра — то есть защитой конструкции, удерживавшей слой в служилом состоянии. Пока реестр был один, никто внутри слоя не мог создать себе отдельной очереди. Цена этого — Россия как политический субъект не существовала: её интересы представлял союзный центр, и представлял постольку, поскольку они совпадали с интересами целого. В 1949 году эта конструкция уничтожила людей, которые попытались — по служебной надобности, не по замыслу — создать российский институт. В 1966-м она устранила такой институт без крови. В 1990-м она рухнула, и голос появился.

Но голос, который появился, не был голосом России. Он был голосом слоя, говорившего от её имени. Компартия РСФСР Полозкова представляла российских секретарей обкомов, для которых суверенитет означал собственный реестр. Съезд народных депутатов РСФСР и его председатель представляли новый российский центр, для которого суверенитет означал контроль над активами на территории — и это было записано в законах октября 1990 года о собственности и о действии союзных актов. Российское население, у которого спросили в марте 1991 года, высказалось за Союз семьюдесятью одним процентом. Оно не было ни в той, ни в другой очереди.

Историческая Россия и российский институциональный голос — разные вещи, и 1990 год показал это резче, чем что-либо. Первая существовала без второго семьдесят лет и, судя по 1918 году, могла существовать без государства вообще. Второй, появившись, за полтора года ликвидировал государство — потому что принадлежал не ей, а тем, кто научился говорить от её имени и не имел над собой никого, кто мог бы это оспорить.

Остаётся понять, почему верхняя инстанция, столь последовательно уничтожавшая всякий второй центр, не сумела создать себе преемника, — и почему это было не её ошибкой, а свойством конструкции, в которой любой названный преемник становился вторым центром.

ГЛАВА 8

Преемник, которого система не могла воспроизвести

Пятого апреля 1797 года, в день своей коронации, Павел I обнародовал Акт о престолонаследии. Документ устанавливал порядок перехода престола по прямой мужской нисходящей линии, по праву первородства, с переходом к женским линиям лишь по пресечении мужских, и запрещал государю изменять этот порядок по своему усмотрению. Восемнадцатый век, в котором престол переходил по завещанию, по гвардейскому перевороту и по дворцовому сговору — шесть из восьми царствований после Петра начались не по закону, — был закрыт одним актом. Следующие сто двадцать лет власть переходила по процедуре: от отца к сыну, от брата к брату, по установленному порядку, который не зависел ни от воли умирающего, ни от соотношения сил в день его смерти.

В 1906 году этот порядок вошёл в Основные государственные законы отдельной главой — статьи с двадцать пятой по тридцать девятую. Верховная власть была описана. Её носитель, порядок его замещения, условия регентства, присяга при вступлении — всё существовало на бумаге до того, как понадобилось, и потому в момент, когда понадобилось, не подлежало обсуждению.

Третья глава установила, что это свойство — процедура замещения — было одним из четырёх, сделавших возможной реформу 1861 года: ограничитель, стоящий над сословием, переживал своего носителя, потому что порядок его воспроизводства был записан. Настоящая глава о том, что произошло с верхней инстанцией советской конструкции, у которой этого свойства не было, — и почему его не было не по недосмотру, а по устройству.

Должность, которой не существовало

Устав ВКП(б), действовавший в 1952 году, не знал должности генерального секретаря. Он знал Центральный комитет, избираемый съездом, Политбюро, Оргбюро и Секретариат, избираемые пленумом ЦК, и секретарей ЦК — несколько человек, ведающих текущей работой. Генеральный секретарь был одним из них, и когда в апреле 1922 года Пленум ЦК впервые избрал на эту должность Сталина, она понималась как административная: заведующий аппаратом.

Ленин, единственный до того носитель верхней функции, не занимал вообще никакой партийной должности, кроме членства в Политбюро; его положение не описывалось ничем. Когда в декабре 1922 года он оказался недееспособен, выяснилось, что никакой процедуры для этого случая не существует: «Письмо к съезду», продиктованное им с двадцать третьего декабря по четвёртое января, было попыткой создать процедуру задним числом — оценить возможных преемников и предложить съезду переместить Сталина с должности генерального секретаря. Письмо было зачитано на XIII съезде по делегациям и не исполнено. Первая передача верхней власти в советской конструкции прошла не по процедуре, а по соотношению сил между людьми, оказавшимися рядом с умирающим, и заняла пять лет борьбы.

К концу тридцатых годов верхняя функция была одна и принадлежала одному человеку. Она включала распоряжение всеми пятью механизмами шестой главы — реестром, каналом, компроматом, ротацией и крайней мерой — и не была описана нигде. Сталин был генеральным секретарём, затем — с мая 1941 года — председателем Совнаркома, с 1941-го — председателем ГКО и Верховным главнокомандующим, с 1945-го — генералиссимусом. Ни одна из этих должностей не описывала функции. Функция принадлежала не должности, а человеку; должности были её одеждой.

Из этого следовало то, что стоит сформулировать как теорему. Функция, которая не описана, не имеет процедуры передачи, потому что передавать нечего: нет должности, которую можно освободить и занять. Она может только исчезнуть вме-

сте с носителем — и быть заново собрана теми, кто останется, по соотношению сил между ними.

Почему её нельзя было описать

Здесь напрашивается объяснение личными свойствами — Сталин не хотел преемника, потому что боялся, — и от него нужно отказаться не потому, что оно ложно, а потому, что недостаточно. Институциональная причина глубже, и она связана с предыдущей главой.

Конструкция держалась на монополии одного реестра и уничтожала всякий второй центр — это установлено на ленинградском деле. Описанный преемник и есть второй центр. Человек, о котором известно, что он займёт верхнюю функцию после смерти носителя, немедленно становится точкой сборки для всех, кому нужно обеспечить положение при следующем правлении; к нему выстраивается очередь; он начинает — не по замыслу, а по устройству — вести собственный реестр. Так было с Кировым, вокруг которого группировались недовольные к 1934 году; так, по свидетельству Микояна, было с Кузнецовым в 1948-м. Каждый, кого называли преемником, становился угрозой, и с каждым конструкция поступала так, как поступала с угрозой.

Это не паранойя одного человека. Это свойство любой конструкции, в которой верхняя функция не описана: описать преемника — значит создать второй центр; не описать — значит оставить передачу на произвол. Самодержавие вышло из этой ловушки Актом 1797 года, который описал не преемника, а порядок: наследник известен заранее, но известен по закону, а не по выбору, и потому не является ничьим ставленником. Советская конструкция такого акта создать не могла, потому что не могла признать существование функции, которую он должен был описывать: официальная доктрина знала коллективное руководство партии, а не единоличную верхнюю инстанцию, и записать в устав порядок замещения вождя означало бы признать, что вождь есть.

Функция, которую нельзя признать, не может быть описана. Функция, которую нельзя описать, не может быть передана.

Это и есть причина, по которой инверсия 1953 года прошла за несколько дней: ограничитель, стоявший над слоем, не имел никакого существования, кроме личного, и умер вместе с носителем.

Должность, которая исчезла из Устава

Есть деталь, которая подтверждает теорему лучше любого рассуждения. Устав, принятый XIX съездом в октябре 1952 года, не содержал должности генерального секретаря вовсе. Сталин был перечислен среди секретарей ЦК — одним из десяти. Должность, существовавшая с 1922 года, не была отменена особым решением; она просто не была упомянута, и с 1952 по 1966 год её формально не существовало: Хрущёв в сентябре 1953-го был избран «первым секретарём», и это название, введённое без изменения Устава, продержалось до XXIII съезда, восстановившего прежнее.

Верхняя функция в 1952 году не только не была описана — она лишилась и той одежды, которую носила тридцать лет. Человек, обладавший всей полнотой власти в стране, по документам был одним из десяти секретарей. Если бы кто-нибудь захотел найти в Уставе основание для его полномочий, он не нашёл бы ничего. И следовательно, не нашёл бы и того, кому они переходят.

Счёт передач верхней власти в советской конструкции таков. 1924 год — по итогам пятилетней борьбы в Политбюро. 1953-й — за сорок минут заседания до смерти носителя. 1964-й — решением Президиума, оформленным пленумом. 1982-й, 1984-й, 1985-й — соглашением в Политбюро в течение суток после смерти предыдущего. Шесть передач за шестьдесят лет, ни одной по записанной процедуре, каждая — по соотношению сил между присутствующими. Самодержавие за сто двадцать лет после Акта 1797 года провело семь передач, и все семь — по нему; единственное отклонение, декабрь 1825 года, было вызвано неопубликованным отречением Константина, то есть нарушением процедуры, а не её отсутствием, и обошлось стране в один день восстания, а не в пять лет борьбы.

1952: попытка

Это не значит, что попытки не было. Она была, и её нужно прочитать по документам, а не по мемуарам.

Пятого–четырнадцатого октября 1952 года прошёл XIX съезд — первый за тринадцать лет. Съезд принял новый Устав. Политбюро из одиннадцати человек было заменено Президиумом ЦК из двадцати пяти членов и одиннадцати кандидатов; Секретариат расширен до десяти секретарей. В Президиум вошли люди, до того не входившие в высший круг: Брежнев, Первухин, Сабуров, Пономаренко, Малышев, Игнатьев, Кузнецов — руководители регионов, ведомств, отраслей, в большинстве своём на десять–двадцать лет моложе старого Политбюро. На пленуме шестнадцатого октября, по свидетельству нескольких участников, Сталин подверг резкой критике Молотова и Микояна — старейших членов руководства — и, по воспоминаниям Симонова, просил освободить его от обязанностей секретаря ЦК, что пленум отклонил.

Тот же 1952 год — снижение денежного довольствия партийных и советских работников, обоснованное политической недопустимостью разрыва с населением; расширенный перечень обязанностей члена партии в Уставе; и — в марте 1953-го — план очередной реорганизации ведомств, оставшийся неисполненным.

Что это было по устройству, можно только реконструировать, и я обозначаю реконструкцию как таковую. Расширение Президиума до двадцати пяти при одновременном создании внеуставного Бюро из девяти означало, что верхняя функция выводится из-под старого круга и распределяется по большему числу людей, не входящих в него. Введение новых, молодых, ведомственных — формирование слоя, из которого может быть собрана коллективная замена. Удар по Молотову и Микояну — демонстрация, что старый круг не является наследником. Снижение довольствия — сигнал, что положение слоя остаётся обусловленным. Всё вместе выглядит как попытка сделать то, чего конструкция сделать не умела: заменить персональный ограничитель институциональным — не преемником, а составом.

Попытка не могла удалиться — и не потому, что была плохо задумана, а потому, что противоречила той же теореме. Расширенный Президиум не был описанным институтом: его полномочия не были определены, его отношение к Бюро — тоже, и он существовал ровно постольку, поскольку его создал носитель функции. Умри носитель — и состав Президиума становился вопросом соотношения сил между теми, кто в нём остался. Именно это и произошло.

Пятое марта

Первого марта 1953 года Сталина нашли на полу Ближней дачи после инсульта. Четыре дня руководство знало, что он умирает. Пятого марта в двадцать часов в Кремле открылось совместное заседание Пленума ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета; в двадцать часов сорок минут оно закрылось. В двадцать один пятьдесят Сталин умер.

За сорок минут Президиум был сокращён с двадцати пяти до одиннадцати — включая умирающего, — кандидаты с одиннадцати до четырёх, Секретариат с десяти до шести. Из Президиума выведены все, кого ввёл XIX съезд, кроме Первухина и Сабурова; Бюро упразднено как внеуставное. Маленков — председатель Совета Министров, Берия — первый заместитель и министр объединённого МВД, Молотов — министр иностранных дел, Булганин — военный министр, Ворошилов — председатель Президиума Верховного Совета, Хрущёв — сосредоточен на работе в Секретариате. Все решения XIX съезда, касавшиеся состава, были отменены; из решений, касавшихся доверия, — тоже.

Заговора это не доказывает, и девятая глава об этом сказала. Доказывает другое, и это относится к настоящей главе: передача верхней функции произошла без всякой процедуры, по соглашению людей, оказавшихся в Кремле в день смерти носителя, — точно так, как в 1924 году, только быстрее, потому что участники учились тридцать лет. Функция была собрана заново из обломков и распределена между пятью людьми по соотношению сил между ними. Ни один из них не получил её целиком, потому что целиком она не была описана и передаваться

не могла. Каждый получил инструмент: один — правительство, другой — органы, третий — армию, четвёртый — аппарат.

Инструменты, разобранные по рукам, перестали быть системой. Реестр без канала не знал, кого назначать. Канал без носителя не существовал. Компромат без монополии на активацию стал оружием в борьбе между теми, кто его держал, и был уничтожен, чтобы не стать оружием против них. Крайняя мера, применённая друг к другу — к Берии, к Абакумову, — стала невозможной после того, как применившие её убедились, что она может быть применена и к ним. Ротация осталась волей первого секретаря — до тех пор, пока первый секретарь не попытался записать её в Устав.

Пять механизмов держались на одном условии — на существовании инстанции, которая всеми пятью распоряжается. Инстанция не пережила носителя, потому что не имела описания. Пятого марта 1953 года условие перестало существовать за семьдесят минут до его смерти.

Что это значит для книги

Здесь сходятся две линии, которые до сих пор шли рядом.

Дворянская конструкция держалась на верхней инстанции, стоящей над сословием, и эта инстанция была описана — Актом 1797 года, Основными законами 1906-го. Поэтому она пережила своих носителей, и в 1861 году её носитель смог провести реформу против сословия, а в 1881-м реформа пережила его самого. Ограничитель был институтом.

Советская конструкция держалась на верхней инстанции, стоящей над слоем, и эта инстанция описана не была — потому что не могла быть признана и потому что всякое её описание создавало второй центр. Поэтому она не пережила носителя. Слой, оставшийся без ограничителя, снял за четыре года всё, что его ограничивало, и к 1966 году над ним не стояло ничего.

Разница не в людях и не в идеологии. Она в том, было ли у ограничителя существование, отдельное от человека. У самодержавия — было; это и позволило ему пережить и Ростовцева,

и Милютина, и Александра II. У верхней советской инстанции — не было; это и позволило слою собрать её заново из обломков в собственных интересах за сорок минут.

Отсюда общий вывод, который станет одним из оснований эпилога: ограничитель, не имеющий процедуры замещения, — не институт, а обстоятельство. Он действует, пока действует человек, и снимается вместе с ним. Конструкция, полагающаяся на такой ограничитель, полагается на биологию. Русская история проверила это дважды: один раз с положительным результатом — когда процедура была, — и один раз с отрицательным.

Дальше — четвёртая часть: что именно и в каком порядке снял слой, оставшись без ограничителя, в те пять лет, которые в этой книге названы точкой инверсии.

ЧАСТЬ IV

Точка инверсии

ГЛАВА 9

1953: контролёр обезглавлен

Вечером пятого марта 1953 года в Кремле шло совместное заседание Пленума ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета. По протоколу оно началось в двадцать часов и закончилось в двадцать часов сорок минут. Официально объявленное время смерти Сталина — двадцать один пятьдесят.

Полноту власти в стране перераспределили за семьдесят минут до того, как её носителя признали умершим, — и сорока минут на это хватило.

Тем же заседанием Президиум ЦК был сокращён с двадцати пяти членов до одиннадцати — включая умирающего, — число кандидатов с одиннадцати до четырёх; Секретариат — с десяти секретарей до шести. Маленков стал председателем Совета Министров, Берия — его первым заместителем и министром объединённого МВД, куда влилось МГБ. Бюро Президиума, созданное в октябре 1952 года как внеустановный орган, было упразднено как внеустановное.

Заговора это не доказывает: состояние умирающего было известно с первого марта, и подготовить решения за четыре дня могли люди, ни о чём не сговаривавшиеся заранее. Доказывает другое: подготовку завершили до наступления события, ради которого готовились, и завершили её в определённом направлении. Решения XIX съезда — расширенный Президиум, введение в высший орган новых людей из регионов и ведомств, пересмотр состава Секретариата — были отменены на первом же заседании после смерти того, кто их провёл. Так быстро отменяют только то, что прочитано точно и отвергнуто единодушно.

С этого вечера начинается то, что в этой книге называется точкой инверсии. Пять лет, за которые механизмы, удерживавшие управляющий слой в служилом состоянии, были сняты один за другим. Ни один из них не был отменён законом, пото-

му что ни один не существовал в законе. Ни один не был заменён другим. И порядок, в котором их снимали, определялся не логикой реформы, а тем, какую опасность каждый из них представлял для самого слоя.

Что снимали первым

Первым сняли то, что давало персональный риск. Это была не отмена на бумаге, а физическая работа, и шла она в три движения.

Первое движение — обезглавливание. О нём сказано в шестой главе: двадцать шестое июня, декабрьский процесс, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский; Рюмин в июле 1954-го, Абакумов в декабре. Здесь достаточно повторить существенное: уничтожалось не одно окружение, а руководящий слой органов целиком, из всех враждовавших между собой групп, — то есть мишенью была функция, а не клан.

Второе движение — понижение института. Первого сентября 1953 года указом Президиума Верховного Совета упразднено Особое совещание при министре внутренних дел — внесудебный орган, существовавший с 1934 года. Тринадцатого марта 1954 года из МВД выделен Комитет государственной безопасности — не министерство, а комитет при Совете Министров, ведомство второго ранга, председатель которого не входил в правительство на правах министра. Это было понижение не по объёму функций — функции остались, — а по положению в иерархии: орган, прежде равный партийному аппарату по весу, был поставлен ниже его.

Третье движение — кадровая селекция, и она заняла три года. Иван Серов, возглавивший КГБ при его создании, провёл через ведомство планомерный перебор ветеранского корпуса. Итог подведён им самим: в справке к июньскому пленуму ЦК 1957 года — свыше восемнадцати тысяч уволенных, из них более двух тысяч трёхсот за нарушения законности и злоупотребления, сорок человек лишены генеральских званий.

Стоит остановиться на формулировке, по которой шло увольнение, потому что она объясняет, как это работало. Основани-

ем служило «нарушение социалистической законности в 1937–1938 годах». Через массовые операции тех лет прошёл практически весь оперативный состав, служивший тогда; предъявить формулу можно было почти любому довоенному ветерану. Обвинение, применимое к каждому, не измеряет вину отдельного человека. Зато оно безупречно работает как инструмент отбора: решение принимается не на уровне обвинения, а на уровне выбора — против кого его активировать. Вопрос перестаёт звучать как «виновен ли этот человек» и начинает звучать как «выбран ли этот человек». К этому механизму придётся вернуться в следующей главе, потому что на нём держалась вся ревизия прошлого; здесь достаточно зафиксировать, что за три года из ведомства был выведен слой людей, помнивших органы автономным субъектом.

Параллельно шла работа с архивом. По публикациям на основе рассекреченных документов, в 1954–1955 годах из оперативных архивов изымались и уничтожались компрометирующие материалы, вводилась норма временного хранения с последующим уничтожением; счёт шёл на миллионы единиц учёта. Точную цифру я не привожу, потому что опубликованные оценки расходятся, и ни одна из них не сопровождается описью. Достаточно принципа: материал, которого нет, активировать нельзя. Третий из пяти механизмов — компромат при монопольном праве активации сверху — был не передан в другие руки, а ликвидирован физически.

Порядок, которого не было в законе

Теперь о том, что установилось на месте снятого, потому что здесь обычно возражают: на смену произволу пришла законность.

Возражение верно — по отношению к населению. Двадцать четвёртого мая 1955 года утверждено Положение о прокурорском надзоре, восстановившее прокуратуре право надзирать за следствием органов госбезопасности. В 1958 году приняты Основы уголовного законодательства, отменившие внесудебное преследование и объективное вменение. Массовые репрессии прекратились, лагерная система была сокращена в разы,

миллионы вернулись домой. Всё это правда, и всё это относится к тому, как государство обращалось с гражданами.

По отношению к управляющему слою установился другой порядок, и он был не законом, а практикой: работник, включённый в номенклатурный реестр, не мог стать объектом оперативной разработки без санкции соответствующего партийного органа. Оперативная работа по членам и кандидатам ЦК, секретарям обкомов, руководителям ведомств была запрещена вовсе; по нижестоящим — обусловлена разрешением партийного комитета, в номенклатуру которого входила должность.

Норму эту в опубликованном законодательстве не найти, и это принципиально: она существовала как внутриведомственная инструкция и как устный порядок, о котором единодушно свидетельствуют ветераны ведомства с обеих сторон — и те, кто его защищал как гарантию от произвола, и те, кто ненавидел как слепоту. Положение о КГБ, утверждённое в январе 1959 года, закрепило подчинение Комитета ЦК партии в общем виде; детали составляли предмет закрытых инструкций. Что порядок действовал, доказывается не текстом, а его результатами, и главный из них будет разобран в четырнадцатой главе: в 1987–1990 годах ведомство, располагавшее лучшей в стране картиной происходящего с государственной собственностью, не могло возбудить ни одного дела в отношении тех, кто ею распоряжался.

Вот в чём асимметрия. Законность восстанавливалась вниз — для населения. Вверх, для слоя, восстанавливалась не законность, а иммунитет. Представьте следователя, который, чтобы начать проверку по секретарю обкома, обязан прийти в этот самый обком и попросить разрешения. Формально порядок выглядел как защита кадров от ведомственного произвола — и в момент введения, после того, что органы делали с кадрами в 1937 году, вероятно, ею и был. Фактически он означал, что человек, попавший в реестр, изымался из общего правового поля. Его судили свои по своему усмотрению — или не судили вовсе.

Признак, который в главе о Грамоте 1785 года я назвала решающим для сословия — собственный суд, — сложился в совет-

ской конструкции за полтора года, без единого закона, в форме порядка согласования.

Что снимали вторым

Вторым перестал действовать независимый информационный канал, и здесь дата стоит раньше пятого марта.

Поскрёбывшев был отстранён от Особого сектора самим Сталиным в конце 1952 года — по одной версии, в связи с обвинением в утрате документов, по другой, в рамках более широкой перетряски окружения. Особый сектор пережил его на несколько месяцев: после реорганизации 1953 года он был преобразован в Общий отдел ЦК — техническую канцелярию, обрабатывавшую бумаги в общем порядке, без права прямого доклада и без собственной сети. Двадцать два года один человек на одном участке — этим и объясняется, почему после его ухода канал не восстановился: он не был институтом, он был функцией конкретного лица.

С 1953 года верхняя инстанция знала о положении на местах то, что ей сообщали местные руководители, и то, что докладывал КГБ, — а КГБ по номенклатуре докладывать не мог. Канал, не проходящий через тех, о ком он составлен, исчез. Слой стал единственным источником сведений о себе самом.

Что снимали третьим

Третьей перестала применяться крайняя мера — и снова не по решению, а по факту.

Последние применения к работникам органов — декабрь 1953-го, июль и декабрь 1954-го. К работникам партийного и государственного аппарата после 1953 года крайняя мера не применялась ни разу; ни один секретарь обкома, ни один министр, ни один член ЦК не был осуждён к смерти за все оставшиеся тридцать восемь лет советской власти. Не потому, что был издан акт об их неприкосновенности, — а потому, что порядок санкции, о котором сказано выше, делал уголовное преследование члена слоя решением самого слоя, а слой таких решений в отношении себя не принимал.

Как выглядела асимметрия ответственности после того, как она установилась, показывает один случай, и он не из истории верхушки. Первого–второго июня 1962 года в Новочеркасске рабочие электровозостроительного завода вышли на улицы после повышения цен на мясо и масло, совпавшего со снижением расценок; второго июня по толпе у здания горкома был открыт огонь; по официальным данным, убито двадцать четыре человека, ранено около девяноста. В августе семеро участников были расстреляны по приговору Верховного суда РСФСР, свыше ста получили сроки от десяти до пятнадцати лет. В городе в те дни находились члены Президиума ЦК Микоян, Козлов, Кириленко, Полянский, Шелепин. Первый секретарь Ростовского обкома Александр Басов, к которому рабочие пришли первого июня и который не нашёл, что им сказать, в том же году был переведён послом в Республику Куба — почётный пост, с которого он позже перешёл послом в Чили и Румынию. Ни один руководитель — областной, союзный, военный — не понёс за Новочеркасск никакой ответственности; сведения о событиях были засекречены до 1990 года.

Мера ответственности вниз — расстрел за участие в беспорядках. Мера ответственности вверх — посольство. Это не оценка, а описание двух решений, принятых одной инстанцией за одно лето по одному событию.

Как проигравшие стали переживать поражение, показал июнь 1957 года, и об этом отдельная глава. Здесь важна дата: с 1954 года высшая мера ответственности для управляющего слоя перестала существовать, и произошло это на три года раньше, чем слой убедился в этом на собственном опыте.

Что не сняли

Из пяти механизмов два дожили до конца пятидесятых. Это ротация и реестр, и с ними произошли разные вещи.

Ротацию сняли позже всех, и сняли открыто — единственный случай, когда ограничитель был отменён записанным решением, — потому что она единственная была к тому времени записана: в Устав 1961 года, откуда её вычеркнул XXIII съезд в 1966-м. Это тема одиннадцатой главы.

С реестром произошло самое интересное во всей истории. Его не сняли и не уничтожили. Его переприсвоили.

Отдел ЦК, ведавший партийными органами, продолжал вести учётные карточки; порядок утверждения назначений через перечни номер один и номер два продолжал действовать; ни одна должность не замещалась мимо него. Механизм остался в целости. Изменился его знак.

До 1953 года реестр определял, кого верхняя инстанция может назначить, — и верхняя инстанция назначала, снимала, перемещала, руководствуясь тем, что ей давали канал, компромат и собственная оценка. После 1953 года реестр определял, кого слой согласен принять. Утверждение кандидата в отделе ЦК стало не проверкой, а согласованием: кандидата выдвигал обком, отдел его «рассматривал», Секретариат утверждал. Верхней инстанции, способной отвергнуть согласованное, не было — потому что верхняя инстанция теперь и состояла из тех, кто согласовывал.

Механизм, прежде удерживавший слой в служилом состоянии, стал механизмом, которым слой воспроизводит сам себя. Тот же учёт, те же карточки, та же процедура — обратный знак.

Реформа и капитуляция

Всё, что произошло в 1953–1955 годах, было названо восстановлением законности и коллективного руководства, и в определённом смысле было им. Стоит поэтому назвать точно, чем это не было.

Это не было заменой одного контроля другим. Реформа — когда персональный контроль заменяется процедурным: срок полномочий, выборность, независимый суд, публичный аудит, что угодно, срабатывающее без чьей-то воли наверху. В 1953–1957 годах на место внешнего контроля над управляющим слоем не пришло ничего. Не пришёл правовой контроль — порядок санкции исключил слой из-под него. Не пришёл выборный — выборы в советской конструкции состав слоя не определяли. Не пришёл судебный, ревизионный, парламентский. Пять механизмов были сняты, и на их месте образовалась пустота, которую слой заполнил собой.

В этом вся разница между реформой и капитуляцией. Реформа меняет ограничитель. Капитуляция снимает его. То, что капитуляция была объявлена реформой и воспринята как освобождение — в том числе искренне, в том числе людьми, для которых прекращение террора было личным спасением, — не меняет устройства результата.

Что осталось

К концу 1957 года — после июньского и октябрьского пленумов, о которых впереди, — конструкция контроля над управляющим слоем выглядела так.

Реестр — в руках слоя. Канал — не существует. Компромат — уничтожен или лежит без права активации. Крайняя мера — не применяется. Ротация — пока применяется, но уже как воля первого секретаря, а не как правило, и потому обречена. Органы — инструмент под санкцией. Армия — отодвинута. Законность — восстановлена вниз, иммунитет — установлен вверх.

Из четырёх свойств служилого состояния — право производно от обязанности, обязанность обеспечена извне, вход определяется результатом, контроль не принадлежит контролируемым — четвёртое перестало действовать полностью, второе и третье — в существенной части. Первое держалось ещё некоторое время на памяти о том, как было раньше.

Дворянству для превращения слоя в сословие понадобилось от Манифеста до Грамоты двадцать три года и два законодательных акта. Номенклатуре — четыре года и ни одного.

И оставалось решить вопрос, без ответа на который всякая новая конструкция неустойчива: что делать с прошлым. Слой, освободившийся от контроля, должен был объяснить — себе и стране, — почему контроль был снят. Способ, которым это было сделано, определил не только оценку прошлого. Он определил, кто в новой конструкции отвечает за что.

ГЛАВА 10

Право судить прошлое как право снять ответственность с себя

Четвёртого ноября 1955 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление номер 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Документ известен как начало конца сталинской архитектуры: он положил конец башням, колоннадам и лепнине и открыл дорогу типовому индустриальному домостроению. Менее известен пункт, ради которого его стоит здесь вспоминать: постановление лишало ранее присуждённых Сталинских премий авторов уже построенных зданий — в том числе архитекторов гостиницы «Ленинградская» Леонида Полякова и Александра Борецкого, — за «излишества», допущенные в проектах, которые государство само утвердило, само оплатило и само наградило.

Государство отменило собственное решение задним числом, по причине смены курса, в отношении людей, исполнивших то, что от них требовалось.

До закрытого доклада на XX съезде оставалось три месяца и двадцать один день. Ревизия прошлого началась не в идеологии, а в материи — в камне, — и началась с процедуры, которая через несколько месяцев будет применена к самому основанию режима: то, что было признано правильным вчера, объявляется неправильным сегодня, ответственность за это возлагается на тех, кто исполнял, а инстанция, принявшая вчерашнее решение, выступает судьёй.

Эта глава о том, как слой, снявший с себя внешний контроль, объяснил стране, почему контроль был снят, — и почему само объяснение стало последним и самым прочным механизмом его самозащиты.

Формула, применимая к каждому

Начну с двух людей одного призыва, потому что на них видно то, что в масштабе съезда разглядеть труднее.

Георгий Мартиросов и Иван Матевосов в военные годы стояли во главе внутренних дел Армянской ССР — один как нарком, другой как его предшественник и сослуживец; оба получили генеральские звания одним постановлением Совнаркома в июле 1945 года, соседними строками одного списка. Оба прошли довоенную службу в органах, включая 1937–1938 годы. Обоих коснулась селекция 1954–1955 годов.

Матевосов был уволен с формулировкой «за нарушение социалистической законности» в мае 1954 года и в октябре того же года постановлением Совета Министров лишён генеральского звания. Мартиросов в мае 1954-го был переведён начальником управления КГБ по Архангельской области — с должности республиканского министра, входившей в номенклатуру ЦК, на должность заведомо ниже; в мае 1955 года исключён из партии Комитетом партийного контроля с той же формулировкой и через десять дней уволен. Ни ареста, ни следствия, ни суда не последовало; звание за ним осталось; он прожил в Архангельске ещё двадцать два года и умер в 1977 году заместителем директора института леса.

Что здесь нужно увидеть.

Одна формулировка, один призыв, один год — и два разных исхода. К одному применили процедуру лишения звания, к другому — нет. Если бы обвинение измеряло вину, различие исходов требовало бы различия в деяниях. Но деяния не устанавливались: уголовного дела не было ни у того, ни у другого. Различие исходов определялось на уровне выбора — кого из двоих выбрать для какой процедуры.

Формула «нарушение социалистической законности в 1937–1938 годах» была универсальной. Через массовые операции тех лет прошёл почти весь оперативный состав, служивший тогда; ею можно было ударить по любому ветерану. Универсальное обвинение не измеряет вину — оно её распределяет. Аппарат, располагавший формулой, применимой к каждому, получал право решать, к кому применить, и это право было

гораздо ценнее любого конкретного дела: дело можно оспорить, выбор — нет.

Оговорка, которую нужно сделать сразу и которая не отменяет сказанного: люди, служившие в органах в 1937–1938 годах, участвовали в массовых операциях, и их персональная ответственность за конкретные действия — вопрос не риторический. Что именно делал каждый из них, устанавливается по делам, а не по формуле. Формула же для установления не предназначалась. Она предназначалась для селекции слоя, и в качестве инструмента селекции была применена к восемнадцати тысячам человек.

Дата имеет значение. Дело Мартиросова — май 1955 года, за девять месяцев до съезда. Закрытый доклад ложился на уже расчищенную почву: разворот против основания режима был бы рискован при наличии в органах автономного слоя, сохраняющего верность прежней рамке. К началу 1956 года такого слоя не осталось.

Что было сказано и что не было

Двадцать пятого февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда Хрущёв прочитал доклад «О культе личности и его последствиях». Тридцатого июня того же года постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» дало докладу нормативную форму.

Основой доклада была записка комиссии Пospelова, образованной Президиумом ЦК тридцать первого декабря 1955 года и представившей результаты девятого февраля 1956-го. Комиссия работала по материалам МВД и КГБ и дала цифры, которые с тех пор не оспариваются по порядку величины: за 1935–1940 годы по обвинению в антисоветской деятельности арестовано один миллион девятьсот двадцать тысяч человек, расстреляно шестьсот восемьдесят восемь тысяч. Записка устанавливала, что массовые операции 1937–1938 годов проводились по решениям Политбюро и приказам НКВД, что лимиты на аресты и расстрелы утверждались по регионам, что показания получались пытками, санкционированными шифротеле-

граммой ЦК от десятого января 1939 года. Всё это — факты, и их установление было заслугой комиссии.

Я не буду пересказывать содержание доклада — оно известно. Меня интересует его устройство, потому что устройство доклада определило устройство ответственности в новой конструкции.

Доклад возлагал ответственность за репрессии на двух субъектов: на одного человека и на органы. Первый был мёртв. Вторые к моменту доклада были обезглавлены, понижены и прочищены — Меркулов, Кобулов, Абакумов расстреляны, Серов заканчивал селекцию. Из двух назначенных виновников один не мог возразить по причине смерти, другой — по причине разгрома.

Кто в докладе не был назван, известно не хуже. Президиум ЦК, утвердивший доклад, состоял из людей, которые в 1937–1938 годах входили в Политбюро или руководили крупнейшими партийными организациями: Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян визировали расстрельные списки, представлявшиеся на утверждение Политбюро, — списки эти опубликованы, подписи на них подлинные; Хрущёв как первый секретарь Московского обкома и затем ЦК Украины запрашивал и получал лимиты по приказу номер 00447 и просил об их увеличении; Маленков возглавлял отдел ЦК, через который проходили кадровые решения тех лет. Всё это было известно участникам заседания, и именно поэтому доклад был закрытым, а последующие столкновения в Президиуме — июнь 1957 года — шли вокруг того, кто из присутствующих подписал больше.

Устройство доклада, следовательно, таково: инстанция, участвовавшая в решениях, объявляет себя судьёй этих решений и назначает виновными тех, кто не может ответить. Это та же процедура, что и в постановлении об излишествах, только объект другой: не архитекторы, а страна.

Почему это не только о морали

Здесь легко свернуть в моральное осуждение, и я этого не делаю, потому что моральная сторона очевидна, а институциональная — нет. Институциональная состоит в следующем.

До 1953 года контроль над управляющим слоем — реестр, канал, компромат, ротация, крайняя мера — был инструментом верхней инстанции. Этот же контроль, тот же аппарат и те же методы применялись к населению, и применялись как террор. Различить одно от другого можно: контроль над слоем и террор против населения — разные функции, хотя и исполнялись одним ведомством. Но различие требует признать, что контроль над слоем был функцией, — то есть что слой нуждался в контроле.

Доклад этого различия не сделал. Он объявил всё, что делалось против кого бы то ни было, «нарушением законности», порождённым личными качествами одного человека и произволом одного ведомства. Тем самым контроль над слоем был отождествлён с террором против населения и осуждён вместе с ним. Снятие пяти механизмов, разобранных в предыдущей главе, получило название: восстановление ленинских норм. Отсутствие внешней проверки слоя стало не пробелом, а достижением.

Вот почему я называю ревизию прошлого последним механизмом самозащиты. Снять контроль можно было тихо, по факту, без акта, — так и было сделано. Но снятое можно было восстановить: следующий первый секретарь, следующее поколение, следующий кризис. Для необратимости требовалось, чтобы само требование внешнего контроля над слоем стало политически невозможным — чтобы всякий, кто его выдвинет, оказался сторонником «возврата к 1937 году». Доклад это обеспечил. С 1956 года любая попытка поставить слой под проверку извне отвечала не на вопрос «зачем», а на вопрос «вы что, хотите как при Сталине». Этот ответ работал тридцать пять лет.

Слово «культ личности» стоит рассмотреть с этой стороны. Оно локализовало проблему в личности. Личность умерла — проблема кончилась. Институциональный вопрос — как удерживать управляющий слой в служилом состоянии, не прибегая к террору, — не был ни поставлен, ни отвергнут. Он был признан несуществующим.

Реабилитация как источник

Есть ещё одна сторона ревизии прошлого, которую нельзя обойти, потому что она касается доказательного стандарта всей этой книги.

Реабилитация 1953–1956 годов вернула свободу и доброе имя миллионам невинных. Это было восстановлением справедливости, и никакая институциональная логика этого не отменяет. Но как источник сведений о прошлом реабилитация — документ заинтересованный, и заинтересованный в той же мере, что и обвинение, которое она отменяет.

Дела пересматривались тем же аппаратом, который их вёл; пересмотр проводился по решению той же партийной инстанции, которая санкционировала преследование; выводы пересмотра нередко служили обвинением против людей, которых новая власть устраняла — так реабилитация по «ленинградскому делу» в 1954 году легла в основу обвинения Абакумова. Это не значит, что реабилитационные заключения ложны. Это значит, что заключение 1954 года и обвинение 1949-го — документы одного класса: оба составлены заинтересованной стороной с процессуальной целью, и ни один из них не является установлением факта сам по себе. Опровержение одного не есть доказательство другого.

Симметричный скептицизм, о котором здесь речь, — не оправдание репрессий и не подозрение к реабилитированным. Это требование к историку не принимать на веру документ только потому, что он был написан позже и с более симпатичной целью. К материалу 1949 года и 1954-го, к обвинительному заключению и справке о реабилитации применяется один стандарт: что в них подтверждается независимыми источниками, а что сконструировано под задачу. Эту норму я применяю ко всему, что в этой книге сказано о 1937 годе, о 1949-м и о 1953-м.

Инструмент многоразового использования

Право судить прошлое, однажды присвоенное, не было использовано один раз. Оно стало инструментом, к которому слой возвращался всякий раз, когда ему требовалось переопределить, что допустимо в настоящем, — и каждое возвращение стоит отметить, потому что последнее из них подготовило размен.

Вторая ревизия — октябрь 1961 года, XXII съезд. Вынос тела из Мавзолея, переименование Сталинграда и десятков городов, снятие памятников, публичное — уже не закрытое — осуждение. Функция была той же, что в 1956-м, но объект сместился: на этот раз осуждались не только репрессии, но и «антипартийная группа» 1957 года, то есть проигравшие в борьбе внутри слоя. Ревизия прошлого стала способом закрепить исход текущей борьбы: те, кто проиграл в Президиуме, были приписаны к осуждённому прошлому, и их поражение получило историческое обоснование. Съезд, отменивший ротацию через пять лет, здесь ещё вводил её — и одновременно показывал, как слой оформляет собственные решения ссылкой на осуждённое прошлое.

Третья ревизия — 1987–1989 годы, и она была устроена иначе, потому что иной была задача. В апреле 1987 года в журнале «Наука и жизнь» — тираж свыше трёх миллионов — вышла статья экономиста Гавриила Попова о романе Александра Бека «Новое назначение». Статья ввела в оборот термин «административная система», вскоре превратившийся в «административно-командную»; через год он звучал из уст генерального секретаря и вошёл в партийные документы. Разбор термина принадлежит не этой книге, но одна его функция относится сюда прямо. До 1987 года советский строй описывался — и сторонниками, и противниками — как строй: онтологическая данность, которую защищают или ниспровергают. Термин Попова перевёл его в категорию системы управления — то есть чего-то, что сравнивают по эффективности, признают устаревшим и заменяют другим. Строй не реформируют; систему управления меняют. Через год Комиссия Политбюро по реабилитации под председательством Яковлева распространила пе-

ресмотр на процессы тридцатых годов, на коллективизацию, на всё, что не было затронуто в 1956-м, и ревизия дошла до основания.

Что здесь важно для механизма. Каждая из трёх ревизий проводилась слоем в интересах текущей задачи слоя: в 1956-м — снять с себя контроль, в 1961-м — закрепить исход внутренней борьбы, в 1987–1989-м — переопределить государство как заменяемую систему управления. Ни одна не была проведена внешней инстанцией. Ни в одной не ставился вопрос об ответственности тех, кто ревизию проводил. И третья, доведя приём до предела, лишила государство смысловой защиты за три года до того, как его лишили правовой: строй, признанный «системой управления», можно было демонтировать как систему управления — что и было сделано в четырнадцатой и пятнадцатой главах.

Инструмент, изобретённый в 1955 году для лишения архитекторов премий, к 1989 году применялся к стране.

Право судить

Теперь вернёмся к сравнению, которое ведётся через всю книгу, потому что здесь оно даёт результат.

В 1861 году прошлое сословия — крепостное право — судила инстанция, стоявшая над сословием. Она вынесла приговор, исполнила его законом и сама заплатила за это: Александр II был убит людьми, для которых реформа была недостаточной, а сословие ответило реваншем на исполнителях. Приговор был внешним, и потому он был приговором.

В 1956 году прошлое слоя судил сам слой. Он вынес приговор мёртвому и разгромленному, объявил себя жертвой и наследником одновременно, и ни один из выносивших приговор не понёс ни малейшей ответственности за то, в чём участвовал. Приговор был внутренним — и потому он был не приговором, а амнистией, оформленной как приговор.

Различие имеет точное институциональное выражение. Право судить прошлое — это право определять, что в прошлом было нормой, а что нарушением. Тот, кто им располагает, определяет, какие ограничители были законными, а какие

произволом, и тем самым — какие ограничители допустимы в будущем. Слой, получивший это право в 1956 году, воспользовался им единственным возможным для сословия образом: он объявил произволом всё, что его ограничивало.

Остаётся год, в который слой проверил на себе, действительно ли ограничители сняты. Проверка была поставлена жёстко — семь голосов против четырёх в высшем органе, — и результат её определил, чем будет власть в этой стране на следующие тридцать пять лет: риском или средой обитания.

ГЛАВА 11

1957: тормоз не сработал

Восемнадцатого июня 1957 года на заседании Президиума ЦК семь членов из одиннадцати потребовали отставки Хрущёва с поста первого секретаря. Маленков, Молотов, Каганович, Булганин, Ворошилов, Первухин, Сабуров — против Хрущёва, Микояна, Суслова, Кириченко. Семь против четырёх. По уставу и по всей практике партии решение Президиума было решением: так снимали Ягоду, так снимали Ежова, так в марте 1953-го перераспределили власть.

Решение не состоялось. Четверо отказались признать его, потребовав перенести вопрос на Пленум ЦК; в течение трёх дней в Москву военными самолётами — распоряжением министра обороны Жукова — были доставлены члены ЦК из регионов; двадцать второго июня открылся пленум, который двадцать девятого июня осудил «антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» и вывел её участников из Президиума и ЦК.

О июне 1957 года написано много, и почти всё написанное сосредоточено на том, кто победил. Для этой книги важнее другое: что произошло с проигравшими и кто именно решил исход. Оба вопроса имеют институциональный ответ, и вместе они объясняют, почему конструкция, разобранный в 1953–1955 годах, уже никогда не могла быть собрана.

Проигравших не тронули

В прежней конструкции поражение такого масштаба означало предел. Люди, попытавшиеся сместить генерального секретаря большинством Президиума, в 1937 году не дожили бы до пленума; в 1949-м были бы расстреляны через год после закрытого суда. Все семеро это знали, и знали, что Хрущёв это знает.

Молотов получил назначение послом в Монголию, затем — представителем при Международном агентстве по атомной

энергии в Вене. Маленков поехал директором Усть-Каменогорской гидроэлектростанции в Казахстан, затем — Экибастузской ТЭЦ. Каганович — директором калийного комбината в Соликамске. Шепилов — в Институт экономики Академии наук Киргизии. Булганин, Ворошилов, Первухин и Сабуров, отступившие в ходе пленума, сохранили положение на год-два и были отодвинуты постепенно и мягко. Из партии Маленкова, Молотова и Кагановича исключили только в 1961–1962 годах. Все умерли своей смертью, на персональных пенсиях, в московских квартирах.

Это не милосердие. Точнее — не только оно: у Хрущёва, сохранившего многих людей, которых мог бы уничтожить, личное отвращение к расправе, по всем свидетельствам, было настоящим. Но личное качество первого секретаря не объясняет институционального результата, а результат таков: с июня 1957 года участник управляющего слоя, проигравший борьбу за высшую власть, отправлялся на электростанцию. Не в тюрьму, не в лагерь, не на расстрел. Понижение стало максимальной санкцией.

Слой это прочитал точно, и прочтение изменило его поведение в самом основании. Пока власть была риском, участие в ней требовало готовности заплатить собой: положение было обусловлено не только исполнением, но и ставкой. Когда власть перестала быть риском, она стала средой обитания — местом, где живут, а не за что отвечают. Пятый из пяти механизмов, неранжированная мера ответственности, в июне 1957 года был снят не по решению, а по прецеденту, и прецедент оказался прочнее любого решения: ни один член Президиума, Политбюро или ЦК за оставшиеся тридцать четыре года советской власти не заплатил за политическое поражение ничем, кроме должности.

Кто решил исход

Теперь о втором вопросе — кто победил в июне 1957 года, — потому что ответ на него не «Хрущёв».

Пленум ЦК, отменивший решение Президиума, состоял примерно из ста тридцати членов и ста двадцати кандидатов;

его большинство составляли первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК республик. Именно эта группа — региональные первые секретари — обеспечила Хрущёву победу, и сделала это не по случаю, а по интересу.

Май 1957 года: закон о совнархозах. Отраслевые министерства упразднены, управление промышленностью передано в сто пять советов народного хозяйства, образованных по территориальному принципу. Совнархоз находился под фактическим контролем обкома; первый секретарь региона, прежде надзиравший за предприятиями союзного подчинения со стороны, получил их в распоряжение. Реформа, проведённая за месяц до столкновения в Президиуме, передала региональному слою хозяйственную власть, которой он никогда не имел. Семёрка в Президиуме — Молотов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров — была слоем союзного центра, министерств и Совета Министров; она и выступила против совнархозов. Пленум, состоящий из тех, кому совнархозы были выгодны, решил в пользу того, кто их дал.

Здесь нужно увидеть то, что видно только при сопоставлении с дворянской конструкцией. Пленум ЦК в июне 1957 года впервые выступил как собрание слоя — орган, в котором слой коллективно определяет, кто им руководит. Не верхняя инстанция назначила первого секретаря, отвергнув Президиум; слой избрал того, кто обслуживал его интерес, и отверг тех, кто ему угрожал. Это была дворянская корпорация 1785 года, только с иным составом: региональные первые секретари вместо губернских предводителей, и решает она не в губернии, а в Кремле.

Хрущёв в июне 1957 года не победил слой. Он был им выбран. И выбор был условным: пока обслуживает.

1961: попытка записать ограничитель

Есть эпизод, который принято считать курьёзом хрущёвского реформаторства, а стоит считать единственной за всю советскую историю попыткой заменить снятый персональный контроль процедурным.

Устав КПСС, принятый XXII съездом в октябре 1961 года, содержал параграф двадцать пятый: при выборах партийных органов соблюдается принцип систематического обновления их состава. Центральный комитет и его Президиум обновляются на каждых выборах не менее чем на четверть; ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы — не менее чем на треть; горкомы, райкомы и комитеты первичных организаций — наполовину. Члены руководящих органов могут быть избраны подряд не более чем на три срока; для Президиума ЦК исключение допускалось решением не менее трёх четвертей голосов.

Впервые в советской конструкции ограничитель для управляющего слоя был записан. Он не зависел от воли наверху. Он срабатывал сам — по истечении срока, как истекает срок полномочий. Это была ротация, переведённая из обычая в норму, и норма эта отвечала на вопрос, который восьмая глава поставила на пятом марта 1953 года: можно ли построить ограничитель, который не требует чьей-то воли наверху и потому переживает носителя.

Следом, в ноябре 1962 года, обкомы были разделены на промышленные и сельские — второе решение, ударившее по региональному слою: первый секретарь, только что получивший совнархоз, оказался одним из двух, и оба зависели от Москвы больше, чем прежде один. Плюс сокращение штатов, плюс регулярная перетряска Секретариата и Президиума, плюс планы дальнейшей реорганизации.

Хрущёв, обслуживавший слой в 1957 году, к 1962-му начал ему угрожать. Слой ответил той же процедурой.

1964: тормоз, снятый теми, для кого он был поставлен

Тринадцатого октября 1964 года Президиум ЦК — почти в полном составе — потребовал отставки Хрущёва. Четырнадцатого октября Пленум ЦК освободил его от обязанностей первого секретаря и председателя Совета Министров «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Никакого столкновения не было: Президиум решил, пленум оформил, отстранённый не сопротивлялся. Хрущёв получил персональную пенсию, дачу, квартиру, и восстановленных им норм законности хватило на то, чтобы он прожил ещё семь лет, надиктовывая воспоминания.

Октябрь 1964 года — зеркало июня 1957-го, и зеркало точное. Та же процедура: Президиум плюс пленум. Тот же субъект: региональные первые секретари, составлявшие большинство ЦК. Тот же критерий: обслуживает или угрожает. Только результат обратный, потому что обратным был ответ на вопрос. Первый секретарь был снят теми же людьми и теми же процедурами, которыми в 1957 году был спасён, — и снят за то, что попытался поставить их под ограничитель.

Это доказательство, а не риторика. Если бы решение 1957 года было личной победой Хрущёва над соперниками, слой не смог бы снять его в 1964-м без борьбы. Если бы решение 1964 года было заговором нескольких человек, ему потребовалось бы то же, что потребовалось в 1953-м против Берии, — сила. Ни того ни другого не было. Оба решения принял один и тот же коллективный субъект, руководствуясь одним и тем же интересом: сохранением своего положения.

1966: ограничитель отменён

XXIII съезд, март–апрель 1966 года. Из Устава изъят параграф двадцать пятый о нормах обновления и предельных сроках. Восстановлены названия «Политбюро» и «генеральный секретарь». Провозглашён принцип, который на следующие двадцать лет станет определением всей конструкции: стабильность кадров.

Единственный записанный ограничитель, единственная в советской истории попытка заменить персональный контроль

процедурным, просуществовал четыре с половиной года и был отменён первым же съездом после отстранения того, кто его ввёл. Слой убрал последний тормоз собственными руками, открытым решением, и назвал это стабильностью.

Обоснование стоит прочитать в том виде, в каком оно прозвучало с трибуны. Отчётный доклад XXIII съезда объяснял отмену норм обновления тем, что они «не оправдали себя»: механическое обновление ведёт к утрате опытных работников, партийные органы должны формироваться «по деловым и политическим качествам», а не по формальному признаку, и «доверие к кадрам» должно стать нормой. Каждое слово здесь верно само по себе, и каждое было бы верно в устах губернского предводителя дворянства, возражающего против смотров. Обновление по формальному признаку — это и есть процедура: она потому и работает, что не спрашивает о качествах, о которых судит тот, кого она должна ограничивать. «Деловые и политические качества» оценивает слой. «Формальный признак» срывает сам. Съезд выбрал первое, и выбор был осознанным: он был сделан людьми, которые за два года до того сняли первого секретаря именно за попытку ввести второе.

Здесь и находится точка, в которой инверсия завершается. В 1953–1955 годах были сняты пять механизмов внешнего контроля. В 1956-м снятие получило идеологическое оправдание. В 1957-м слой убедился, что поражение больше не наказывает. В 1964-м он показал, что способен сменить первое лицо без чьей-либо воли наверху, и в 1966-м — что способен отменить единственное правило, ограничивавшее его воспроизводство. Слой, который сам определяет свой состав, сам избирает и смещает своего руководителя, сам судит своё прошлое и не отвечает за поражения ничем, кроме должности, — это сословие по всем четырём признакам Грамоты 1785 года. Права, не обусловленные исполнением. Воспроизводство, не зависящее от результата. Корпоративная организация — пленум как собрание слоя. Собственная юрисдикция — санкция парторгана.

Разница с дворянской конструкцией одна, и она в сроках. Дворянству от Манифеста до Грамоты понадобилось двадцать три года. Номенклатуре от марта 1953-го до апреля 1966-го — тринадцать лет.

Что осталось от 1861 года

Закончу тем, чем начиналась третья глава, потому что теперь можно проверить.

Реформа 1861 года против воли сословия оказалась возможна благодаря инстанции с четырьмя свойствами: стоящей вне сословия, имеющей собственное основание, располагающей аппаратом, присягающим не сословию, и обладающей процедурой замещения.

К 1966 году в советской конструкции не осталось ни одной инстанции хотя бы с одним из этих свойств.

Партийный аппарат был самым слоем. Государственный аппарат замещался по реестру — тем же слоем. Органы государственной безопасности были инструментом под санкцией — с 1954 года. Армия была отодвинута — с октября 1957-го. Правовой процедуры, действующей помимо воли слоя, не существовало: дело против работника номенклатуры требовало согласия номенклатуры. Выборности, способной сменить руководителя помимо согласия слоя, не было — пленум сменял руководителя по согласию слоя. Верхняя функция, до 1953 года игравшая роль ограничителя, процедуры замещения не имела и потому не пережила носителя; на её месте возник генеральный секретарь, избираемый слоем и смещаемый слоем.

Некому было сыграть 1861 год. Это не оценка, а инвентаризация: список инстанций, способных действовать против интереса слоя, пуст.

Что происходит со слоем, у которого нет ограничителя и который двадцать лет подряд отбирает сам себя, — предмет следующей части. Инверсия завершена; дальше начинается то, что она сделала неизбежным не сразу, а через поколение: отбор людей, неспособных защитить конструкцию, и рядом с ними — людей, заинтересованных её заменить.

ЧАСТЬ V

От самосохранения к присвоению

ГЛАВА 12

Стабильность кадров как селекция типа

На XXVI съезде партии в марте 1981 года Центральный комитет был переизбран в составе, который на восемьдесят девять процентов совпадал с предыдущим. Это рекорд за всю историю партии: на XXIII съезде 1966 года, первом после отмены норм обновления, переизбрано было семьдесят девять процентов прежнего состава, на XXV в 1976-м — восемьдесят три. Политбюро, избранное в 1981 году, имело средний возраст семьдесят лет; в 1966-м было пятьдесят восемь. Из четырнадцати членов Политбюро 1981 года восемь занимали высшие должности с шестидесятых годов; Виктор Гришин руководил Московским горкомом с 1967 года, Динмухамед Кунаев — Казахстаном с 1964-го, Владимир Щербицкий — Украиной с 1972-го, Григорий Романов — Ленинградом с 1970-го. Шараф Рашидов стоял во главе Узбекистана двадцать четыре года, до самой смерти в 1983-м.

Цифры эти известны и обычно служат иллюстрацией к слову «застой» — как признак старения, усталости, потери динамики. Так их читать бесполезно: возраст руководителей сам по себе ничего не объясняет, и страны с семидесятилетними лидерами не рушатся от этого. Читать их нужно как результат отбора. За двадцать лет после 1966 года слой, освобождённый от внешнего контроля, воспроизводил сам себя по определённым критериям — и критерии эти определяли, кто окажется наверху в 1985 году и на что этот кто-то будет способен.

Глава не о том, что элита «деградировала». Она о механизме селекции: какое поведение вознаграждалось, какое вытеснялось, какой тип в результате оказался у власти и почему этот тип в решающий момент не принял решения — так что решение приняли другие.

Что вознаграждалось

Отбор в любом управляющем слое идёт по тому, что приносит продвижение. До 1953 года — при всей произвольности и жестокости — продвижение приносил результат: выполненный план, построенный завод, выигранная операция; невыполнение стоило должности, а нередко и жизни. Реестр вёлся людьми, которые видели результат через независимый канал и могли применить санкцию.

После 1966 года продвижение приносило другое, и это можно установить по траекториям, а не по оценкам.

Первое — отсутствие происшествий. Секретарь обкома, в чьей области за десять лет не случилось ничего, о чём пришлось бы докладывать в Москву, считался успешным. Тот, в чьей области случилось — авария, волнения, невыполнение, — нёс за это ответственность независимо от причин. Рациональный ответ на такой критерий — не предпринимать ничего, что может дать происшествие. Реформа, перестройка производства, смена кадров, открытый конфликт с директором завода — всё это создавало риск происшествия; бездействие его не создавало. Отбор вознаграждал невыдвижение решений.

Второе — лояльность покровителю. Реестр после 1953 года определял, кого слой согласен принять; «слой» же в каждом конкретном случае означал человека наверху, чьим согласием определялось назначение. Днепропетровская, молдавская, ставропольская группы — не аномалия, а норма: при отсутствии внешней проверки единственной гарантией надёжности кандидата становилась личная известность его тому, кто назначает. Продвигался не тот, кто показал результат неизвестной инстанции, а тот, кого знал патрон. Это иная машина отбора, чем Табель о рангах, и результат её иной: она отбирает на верность, а не на способность.

Как это выглядело в составе, можно проверить по одному списку. К концу семидесятых годов в высшем руководстве страны находились: Андрей Кириленко — секретарь ЦК, в 1939–1947 годах работавший с Брежневым в Днепропетровске; Николай Тихонов — председатель Совета Министров, днепропетровский металлург; Владимир Щербицкий — первый се-

кретарь ЦК Украины, второй секретарь Днепропетровского обкома при Брежневе; Николай Щёлоков — министр внутренних дел, днепропетровский, затем молдавский сослуживец; Семён Цвигун и Георгий Цинёв — первые заместители председателя КГБ, оба из молдавского и днепропетровского окружения; Константин Черненко — заведующий Общим отделом и секретарь ЦК, руководивший при Брежневе агитпропом в Молдавии. Общее у них было одно: личное знакомство с генеральным секретарём в сороковые–пятидесятые годы. Формула «доверие к кадрам», провозглашённая на XXIII съезде, означала на практике доверие к знакомым. Это не обвинение в кумовстве — при отсутствии внешней проверки знакомство было единственным доступным способом оценить надёжность, и всякий, кто оказался бы на этом месте, делал бы то же. Это описание критерия, по которому шёл отбор, и вывод из него: слой, отобранный по знакомству, воспроизводит знакомых.

Третье — неоспаривание решений. Коллективное руководство после 1964 года означало, что решение принимается консенсусом Политбюро, а консенсус не терпит того, кто регулярно возражает. Шелепин, попытавшийся в 1965–1967 годах вести собственную линию, был отодвинут; Шелест, возражавший по Украине, снят в 1972-м; Подгорный, чьи полномочия председателя Президиума Верховного Совета мешали совмещению должностей, — в 1977-м. Ни один не пострадал сверх должности — это установлено одиннадцатой главой, — но каждый случай был прочитан остальными: возражение стоит места, согласие — нет.

Четвёртое — наследование. Формально номенклатура не наследовалась, и это различие с дворянством разобрано в четырнадцатой главе как источник интереса к смене порядка. Фактически с семидесятых годов сложился путь, по которому дети слоя входили в слой: МГИМО, Институт внешней торговли, Высшая комсомольская школа, референтура в ЦК, загранработа. Сын Брежнева — первый заместитель министра внешней торговли; сын Громыко — директор института Академии наук; зять Брежнева — первый заместитель министра внутренних дел. Это не коррупция в узком смысле: назначения проходили через тот же реестр, что и все остальные. Это реестр, определя-

ющий, кого слой согласен принять, — и слой был согласен принять своих.

Что вытеснялось

Зеркально: вытеснялось то, что при прежней конструкции продвигало.

Инициатива — потому что она создаёт происшествия. Результат, достигнутый нестандартным способом, — потому что нестандартный способ есть нарушение, а нарушение фиксируется, тогда как результат может быть присвоен вышестоящим. Открытый доклад о положении дел — потому что канал, не проходящий через тех, о ком доклад, исчез в 1953 году, и любой доклад теперь шёл через того, о ком он был. Секретарь райкома, доложивший в обком о приписках в отчётности, докладывал тому, кто эти отчёты подписывал.

Здесь стоит назвать один документированный случай, потому что он показывает, как система обрабатывала информацию о самой себе. В 1983 году, после смерти Рашидова, началось расследование хлопковых приписок в Узбекистане: республика в течение десятилетия отчитывалась о сборе хлопка, которого не существовало, — по итоговым подсчётам следствия, около четырёх миллионов тонн за пять лет, на сумму порядка трёх миллиардов рублей. Приписки шли по всей вертикали от бригадира до ЦК республики и оплачивались из союзного бюджета. Для этой главы важно не то, что приписки были, — важно, что двадцать лет никто в Москве о них не докладывал. Не потому, что не знали: Госплан, Минфин и КГБ располагали данными о расхождении между отчётным сбором и реальной переработкой. А потому, что доклад о приписках был докладом о члене Политбюро, а разработка члена Политбюро требовала санкции Политбюро. Порядок, установленный в 1954 году, работал ровно так, как был устроен.

Тип

Двадцать лет отбора по этим критериям дали определённый тип руководителя, и его надо описать без оценок, как результат селекции.

Это человек, для которого должность — среда обитания, а не задача. Он пришёл на неё не потому, что решил проблему, а потому, что его знал тот, кто назначал. Он удерживает её тем, что в его зоне ответственности ничего не происходит, и обеспечивает это тем, что ничего не предпринимает. Он не возражает, потому что возражение стоит места. Он не докладывает наверх о действительном положении дел, потому что канал для этого отсутствует, а доклад по существующему каналу вернётся к нему же. Он не ждёт санкций, потому что санкций не было тридцать лет. И он готовит детей к тому, что они займут сходное положение, — не потому, что нарушает правила, а потому, что правила это позволяют.

Стоит подчеркнуть то, что из этого описания не следует. Не следует, что такой человек некомпетентен: среди секретарей обкомов семидесятых годов были превосходные хозяйственники, и области при них строились и росли. Не следует, что он корыстен: масштаб личного обогащения при Брежневе был ничтожен в сравнении с тем, что открылось после 1987 года, и большинство слоя жило на дачах, а не на состояниях. Не следует, что он не любит страну. Следует одно: он не способен принять решение, которое противоречит интересу слоя, — потому что отобран на неспособность к этому.

Именно это качество имело значение в 1985–1991 годах. Когда обстоятельства потребовали решений — не хозяйственных, а таких, которые затрагивали устройство самого слоя, — верхушка, состоящая из людей, отобранных на неоспаривание, невыдвижение и лояльность, решений не приняла. Афганский вопрос обсуждался в Политбюро с 1980 года и не был решён до 1988-го. Информация о Чернобыле шла наверх трое суток. Экономическая реформа обсуждалась с 1983 года и вылилась в 1987-м в Закон о государственном предприятии, который открыл шлюз, вместо того чтобы что-либо закрыть.

Три смерти за двадцать восемь месяцев

В ноябре 1982 года умер Брежнев; в феврале 1984-го — Андропов; в марте 1985-го — Черненко. Три генеральных секретаря за двадцать восемь месяцев, каждый следующий старше и больше предыдущего; Черненко был избран в семьдесят два года с эмфиземой лёгких, не позволявшей ему дочитать речь.

Это тоже результат селекции, и притом двойной. Стабильность кадров означала, что верхушка не обновлялась, — и старела вместе. Отбор на неоспаривание означал, что на место умершего избирался не сильнейший, а наименее спорный: тот, против кого ни у одной из групп не было возражений. Андропов был единственным исключением, и об этом ниже. Черненко — норма: его избрание было согласовано за несколько часов, потому что он никому не угрожал.

Здесь возвращается вопрос восьмой главы — о процедуре замещения. Слой, снявший ограничитель в 1953 году, не создал замены и для функции преемства: генеральный секретарь избирался Политбюро по неписаной процедуре, определяемой соотношением сил в нём на момент смерти предыдущего. В 1982–1985 годах эта процедура трижды дала на выходе человека, не способного ни к какому действию, — и на четвёртый раз дала человека, способного к действию, но отобранного тем же реестром. Горбачёв прошёл весь путь селекции — комсомол, край, секретариат ЦК по сельскому хозяйству, кооптация в Политбюро при Андропове — и обладал всеми качествами типа: он не оспаривал, не докладывал навверх неудобного и был известен тому, кто продвигал. Единственное, чего у него не было, — возраста.

Контрпример: Андропов

Пятнадцать месяцев Андропова — с ноября 1982 по февраль 1984 года — единственная после 1953 года попытка восстановить внешний контроль над слоем, и её стоит рассмотреть как контрпример: что происходит, когда человек, отобранный системой, пытается её ограничить.

Андропов пришёл из единственного института, который по устройству был инструментом контроля, — из КГБ, которым

руководил пятнадцать лет. Он знал о слое то, чего не знал никто другой в Политбюро: председатель Комитета получал сведения, которые не мог использовать, но мог накапливать. Придя к власти, он попытался использовать. Дело Щёлокова — министра внутренних дел, друга Брежнева — было открыто через месяц после смерти Брежнева; Щёлоков снят, лишён званий и наград, застрелился в декабре 1984-го. Дело Медунова — первого секретаря Краснодарского крайкома — доведено до снятия и исключения из партии. Узбекское дело — начато. Кампания за дисциплину, проверки в магазинах и банях в рабочее время, замена части секретарей обкомов — всё это было попыткой вернуть слою ощущение, что власть — риск.

Попытка не удалась, и причина неудачи институциональна, а не биографична. Андропов действовал через КГБ — то есть через инструмент под санкцией; санкцию давал он сам как генеральный секретарь, и каждое дело против члена слоя было персональным решением, а не восстановлением порядка. Он не создал ни канала, ни правила, ни процедуры: ни один из пяти механизмов не был восстановлен как институт. Всё держалось на нём — как до 1953 года всё держалось на одном человеке, — и когда через пятнадцать месяцев он умер, слой избрал Черненко, а дела, кроме уже начатых, были остановлены. Слой пережил попытку так же, как пережил Хрущёва: переждал.

Контрпример устанавливает границу модели. Селекция типа не абсолютна: система произвела человека, понимавшего, что контроль снят, и попытавшегося его вернуть. Но она произвела его в единственном экземпляре, без института и без времени, и тип победил не потому, что был сильнее, а потому, что был многочисленнее.

Кто принял решения

Отсюда — ответ на вопрос, которым открывается пятнадцатая глава: почему решения о судьбе государства в 1990–1991 годах принимали не те, кто по должности должен был их принимать.

Верхушка союзного центра — Политбюро, Совет Министров, президентский совет — состояла из людей, отобранных на невыдвижение решений. Когда потребовалось решение, они его

не выдвинули: Горбачёв в 1990–1991 годах последовательно уклонялся от каждого выбора, который ставил перед ним кризис, — от рыночной программы, от союзного договора в жёсткой редакции, от применения силы в Прибалтике, от отказа от применения силы, — и заслуга ли это или вина, вопрос отдельный; для механизма существенно, что уклонение было не индивидуальным свойством, а типовым. ГКЧП, состоявший из тех же людей, продемонстрировал то же: три дня без единого исполненного приказа.

Решение приняли те, кто был отобран иначе. Республиканские руководители, для которых суверенитет означал переход всего реестра под их контроль. Хозяйственная и комсомольская номенклатура, стоявшая у шлюзов. Новые люди российского центра, прошедшие через выборы 1989–1991 годов, — то есть через процедуру, которая впервые за семьдесят лет отбирала не по согласию слоя. Все они были частью слоя, но частью, для которой перемены были не риском, а возможностью. Между теми, кто не мог решить, и теми, кто хотел решить, — вторые решили.

Стабильность кадров, провозглашённая в 1966 году как принцип, была на деле селекцией типа, неспособного защитить конструкцию, — и одновременно инкубатором типа, заинтересованного в её замене. Оба типа вышли из одного реестра. Первый занимал верхние должности; второй — те, что стояли ближе к активам. В 1991 году выяснилось, что верхняя должность без способности к решению не значит ничего, а доступ к активу при способности к решению значит всё.

Остаётся понять, откуда взялась возможность. Часть её создало внешнее давление — и о том, сколько именно, следующая глава. Большую часть слой создал себе сам, актами, которые он же и подписал.

ГЛАВА 13

Противник давил туда, где уже была трещина

Семнадцатого января 1983 года президент Рейган подписал директиву по национальной безопасности номер 75 «Отношения США с СССР». Документ был рассекречен в 1994 году, и его можно прочитать целиком. Первая из трёх целей американской политики сформулирована так: сдерживать и со временем обратить вспять советский экспансионизм. Вторая: содействовать в пределах доступных Соединённым Штатам ограниченных возможностей процессу изменений в Советском Союзе в сторону более плюралистической политической и экономической системы, в которой власть правящей элиты постепенно сокращается. Третья: вести переговоры с СССР по соглашениям, отвечающим американским интересам.

Директива не была первой в своём роде. Восемнадцатого августа 1948 года Совет национальной безопасности утвердил документ NSC 20/1 «Цели США в отношении России», подготовленный группой Кеннана. Он ставил две задачи на мирное время: сократить мощь и влияние Москвы до пределов, при которых они не будут угрожать миру, и изменить теорию и практику международных отношений, которых придерживается советское правительство. Документ прямо оговаривал, что Соединённые Штаты не ставят целью свержение советской власти военными средствами и не берут на себя ответственность за то, какой режим сложится в России, — и столь же прямо перечислял то, чего следует добиваться: чтобы Москва была лишена возможности контролировать нерусские народы, чтобы в стране не сохранилось «мощного военно-промышленного потенциала», чтобы политическая власть была рассредоточена.

Тридцать пять лет между двумя документами наполнены другими: NSC 68 в апреле 1950 года, обосновавший наращивание военных расходов; директивы 1982 года об экономическом давлении — ограничение технологического экспорта, срыв газопровода Уренгой — Помары — Ужгород; наконец, Стратегическая оборонная инициатива, объявленная двадцать третьего марта 1983 года, через два месяца после NSDD-75.

Всё это — установленные факты о целях и действиях противника. Противник был. Цели его были сформулированы и записаны. Действия предпринимались, и некоторые из них имели измеримый эффект. Всё это нужно признать, прежде чем сказать главное: ни один из этих документов не является доказательством того, что решения, разобранные в четырнадцатой и пятнадцатой главах, были приняты по чужой команде. Глава о том, где проходит эта граница и почему она должна проходить именно там.

Четыре явления, которые сливают в одно

Когда говорят о «внешнем факторе» в распаде СССР, обычно имеют в виду что-то одно из четырёх, не различая, что именно.

Первое — прямое управление. Решение принимает внешний субъект, а внутренний его исполняет: через агентуру, через купленное руководство, через принуждение. Для утверждения о прямом управлении нужен документированный канал — приказ, отчёт исполнителя, финансирование с установленным получателем — либо несколько независимых доказательств сопоставимой силы.

Второе — направленное воздействие. Внешний субъект создаёт условия, при которых внутреннему выгоднее принять определённое решение: экономическое давление, гонка вооружений, поддержка одних сил против других. Решение остаётся внутренним; внешний субъект меняет цену вариантов.

Третье — эксплуатация внутренней уязвимости. Внешний субъект не создаёт условий, а находит уже существующие и усиливает их: там, где слой уже заинтересован в смене порядка, ему помогают; там, где республиканские движения уже су-

ществуют, их поддерживают. Здесь внешний субъект не причина, а ускоритель.

Четвёртое — совпадение автономного внутреннего решения с внешним интересом. Внутренний субъект принимает решение по собственным причинам; внешний субъект от этого выигрывает и, возможно, знает заранее, что выиграет. Никакой причинной связи от внешнего к внутреннему здесь нет — только выгода.

Различие между четырьмя явлениями — не педантизм. От него зависит, кто отвечает за результат. При прямом управлении внутренний субъект — жертва или инструмент. При направленном воздействии — субъект, принявший решение под давлением. При эксплуатации уязвимости — субъект, чья уязвимость возникла раньше воздействия и по внутренним причинам. При совпадении — субъект, отвечающий полностью.

Документы 1948 и 1983 годов доказывают существование субъекта с целями. Они не доказывают, к какому из четырёх явлений относится каждое конкретное решение 1985–1991 годов. Это устанавливается отдельно, и для каждого — по своему материалу.

Давление, которое было

Начать надо с того, что было и измеримо.

Сентябрь 1985 года. Саудовская Аравия, отказавшись от роли балансирующего производителя, за несколько месяцев увеличила добычу с двух миллионов баррелей в сутки до пяти. Цена нефти, державшаяся выше тридцати долларов за баррель, к середине 1986 года упала ниже десяти. Экспорт нефти и нефтепродуктов давал Советскому Союзу более половины валютной выручки от торговли с капиталистическими странами; выручка эта, по советской статистике, сократилась с примерно десяти миллиардов инвалютных рублей в 1985 году до пяти в 1986-м. По оценке ЦРУ, годовые потери составляли порядка тринадцати миллиардов долларов; закупки зерна, оборудования и технологий пришлось сокращать, а внешний долг — наращивать.

Были ли действия Саудовской Аравии направленным воздействием, согласованным с Вашингтоном? Версия, изложенная в книге Питера Швейцера «Победа» со ссылками на директора ЦРУ Кейси и министра обороны Уайнбергера, утверждает, что да. Это источник четвёртого уровня — свидетельства заинтересованных участников, изложенные журналистом; документального подтверждения в виде соглашения или директивы нет. Саудовское решение имело достаточные собственные основания — борьба за долю рынка, — и его последствия для СССР были в любом случае предсказуемы для американской стороны и приветствовались ею. Направленное воздействие или совпадение — по имеющимся документам не различить. Для механизма это и не требуется: эффект был одинаков.

Стратегическая оборонная инициатива. Программа противоракетной обороны космического базирования, объявленная в марте 1983 года, технически не была осуществима ни тогда, ни позже; американские физики говорили об этом публично. Её функция была иной — заставить противника планировать ответ на систему, которой не существовало, и тем самым втянуть его в расходы. Советское руководство ответ планировало: программы «асимметричного ответа», разработанные группой Велихова, требовали средств, и средства выделялись. Масштаб этих затрат не установлен — советская оборонная статистика закрыта до сих пор, — но направленный характер воздействия здесь документирован лучше, чем в нефтяном случае: расчёт на истощение противника проговаривался авторами программы прямо.

Ограничения технологического экспорта, срыв контрактов на газопровод, поддержка афганского сопротивления, финансирование польской «Солидарности» — всё это установлено, всё имело эффект, всё относится ко второму явлению: направленному воздействию, меняющему цену вариантов для внутреннего субъекта.

Что давление не объясняет

Теперь — цифра, которая ломает привычное чтение.

Валютные потери от падения нефти составляли, как сказано, порядка пяти миллиардов инвалютных рублей в год. Дефицит союзного бюджета за те же годы вырос, по расчётам Егора Гайдара на основе документов Минфина и Госбанка, с примерно двух процентов валового продукта в 1985 году до девяти–десяти процентов в 1988–1989 годах — в абсолютных цифрах со второго десятка миллиардов рублей до примерно ста. Источники этого роста — внутренние: антиалкогольная кампания, обрушившая поступления налога с оборота; Закон о государственном предприятии, снявший ограничения на рост фонда оплаты труда; удержание розничных цен при росте закупочных; Чернобыль; Спитак; Афганистан. Валютные потери от нефти были одной из статей, и не главной.

Потери были покрыты эмиссией — той самой, которая через шлюзы четырнадцатой главы вышла на потребительский рынок и обрушила его. Дефицит бюджета, дефицит товаров, распад хозяйственных связей — всё это в основном внутреннего происхождения, и внешнее давление добавляло к немукратно меньше, чем собственные решения.

Отсюда первый вывод главы: внешнее давление ухудшало условия, но не создавало кризиса. Кризис создавали решения, принятые внутри, и они разобраны по документам в четырнадцатой главе. Направленное воздействие — второе явление — здесь установлено. Оно объясняет часть трудностей, но не объясняет их направление: почему на трудности ответили не мобилизацией, а открытием шлюзов.

Что давление не могло сделать без слоя

Здесь нужно вернуться к NSDD-75 и прочитать вторую цель внимательно. Содействовать изменениям в сторону системы, «в которой власть правящей элиты постепенно сокращается». Авторы директивы полагали, что правящая элита — препятствие для изменений и что её власть нужно сократить.

Они ошиблись в диагнозе — или, что вероятнее, писали директиву не для описания реальности, а для обоснования расходов. Правящая элита, точнее её хозяйственная и комсомольская часть, к 1987 году не была препятствием для изменений:

она была их движущей силой, потому что изменения открывали ей доступ к активам. Внешнее давление действовало не на монолит, который нужно расшатать, а на конструкцию, в которой управляющий слой уже был заинтересован в смене порядка и уже не имел над собой ограничителя. Давление попало в трещину, которая была на тридцать лет старше давления.

Именно поэтому главная причинная линия книги должна держаться без внешнего фактора, и она держится. Уберите NSDD-75, уберите саудовскую нефть, уберите СОИ — и слой, лишённый контроля в 1953–1957 годах, отобранный на бездействие в 1966–1985-м, распоряжающийся всем и не владеющий ничем, всё равно в момент открывшейся возможности переоформи́т распоряжение во владение. Внешнее давление ускорило возникновение возможности. Оно не создало интереса и не сняло ограничителя: ограничитель был снят слоем в 1953 году, за тридцать лет до директивы.

Это и есть третье явление — эксплуатация уязвимости. Противник давил туда, где уже была трещина. Заслуга противника — в точности прицела. Причина трещины — внутренняя, и разбирать её пришлось в четвёртой части, а не здесь.

Что не доказано

Остаётся первое явление — прямое управление, — и о нём нужно сказать столько же прямо, сколько о трёх остальных.

Утверждения о том, что советская верхушка второй половины восьмидесятых была агентурно управляема, существуют и повторяются. Наиболее известное — заявление Крючкова, председателя КГБ в 1988–1991 годах, о том, что ведомство располагало сведениями о связи Александра Яковлева с американской разведкой, будто бы доложенными Горбачёву в 1990 году и оставленными без последствий. Это свидетельство заинтересованного участника, изложенное в мемуарах после поражения; документ, на который оно ссылается, не опубликован; ни один независимый источник его не подтверждает. Оно относится к четвёртому уровню источников и не может служить основанием для вывода — тем более для вывода, обвиняющего конкретного человека в измене.

Общий принцип таков: для утверждения о прямом управлении нужен канал — документально установленная связь между внешним решением и внутренним исполнением. Ни для одного из решений 1986–1991 годов, разобранных в этой книге, такой канал не установлен. Постановление о центрах НТТМ готовил ЦК ВЛКСМ. Закон о кооперации — правительство и Верховный Совет. Соглашение в Вискулях — три руководителя, ни один из которых, по всем имеющимся документам, не действовал по чьему-либо приказу извне. Что американская сторона знала о готовящихся решениях, приветствовала их и в ряде случаев поощряла — установлено. Что она их принимала — нет.

Я не утверждаю, что агентурного воздействия на советскую верхушку не было: контрразведка любой страны исходит из того, что оно есть, и советская не была исключением. Я утверждаю, что оно не доказано как причина ни одного из разобранных решений, — и что модель книги в нём не нуждается. Более того, она с ним несовместима в одном существенном пункте: если бы слой управлялся извне, он был бы инструментом, а инструмент не несёт ответственности. Модель же показывает слой субъектом — принимающим решения по собственному интересу, в собственных органах, при отсутствии ограничителя. Перенос ответственности на внешнее управление снял бы её со слоя. Это было бы неверно по фактам и удобно по последствиям — и потому особенно подозрительно.

Совпадение

Четвёртое явление — совпадение внутреннего решения с внешним интересом — в этой истории самое распространённое и самое незаметное, и о нём стоит сказать в конце.

Почти каждое решение 1986–1991 годов, открывавшее доступ к активам или ослаблявшее союзный центр, отвечало целям, записанным в NSC 20/1 и NSDD-75: сокращение власти правящей элиты — через ликвидацию союзного слоя; лишение Москвы контроля над нерусскими народами — через распад; ликвидация «мощного военно-промышленного потенциала»

— через раздел армии и обрушение оборонной промышленности. Соответствие результата целям поразительно, и из него постоянно делают вывод об управлении.

Вывод логически несостоятелен. Если внешний субъект хочет, чтобы конструкция рухнула, а конструкция рушится по внутренним причинам, — результат совпадёт с целью без всякой причинной связи. Совпадение результата с чьим-то желанием — не доказательство того, что желающий его произвёл. Это доказательство того, что он правильно оценил, куда конструкция клонится, — и NSC 20/1, написанный в 1948 году людьми, хорошо знавшими Россию, оценивал именно это: что многонациональная централизованная система с несменяемым правящим слоем неустойчива в долгом периоде и что задача внешнего субъекта — не свергать её, а дождаться и не мешать.

Они дождались. Ждать пришлось сорок три года, и всё это время конструкция разбиралась изнутри — руками тех, кто был поставлен её охранять. Заслуга противника в том, что он это понял раньше, чем те, кто её охранял. Вина — не его.

Эта глава стоит перед разбором шлюзов не случайно: без неё читатель, дойдя до постановлений 1986–1988 годов, стал бы искать за ними руку. Руки не было. Были документы, подписанные теми, кому они были выгодны. К ним и переходим.

ГЛАВА 14

Когда распоряжение захотело стать владением

Двадцать восьмого мая 1987 года в Москве приведён в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР: расстрелян подполковник Сергей Моторин, сотрудник Первого главного управления КГБ, работавший на американскую разведку и выданный Олдричем Эймсом. По такому же приговору расстрелян его коллега Валерий Мартынов — в датировке этой казни источники расходятся между 1986 и 1987 годом. В те же месяцы добиваются остатки американской агентурной сети в стране; в Лэнгли позднее назовут это худшим провалом в истории ведомства.

Машина работала безупречно: она находила предателей и уничтожала их.

В те же месяцы, в том же городе, в кабинетах Совета Министров, ЦК ВЛКСМ и отраслевых министерств согласовывались документы, через которые из страны начнёт вытекать её экономическая основа. Всё законно, всё оформлено, всё опубликовано в сборниках постановлений. Ни одного подпольного акта. Ни одного ареста.

На одном этаже государства расстреливали за проданные секреты. На другом переписывали под себя хозяйственное устройство страны — и авторам согласовывали постановления.

Эта глава — материальный мост всей книги, и потому здесь нельзя пользоваться общей формулой «номенклатура приватизировала страну» как доказательством. Формула верна как итог и пуста как объяснение. Доказать нужно цепь: должность — решение — доступ — актив. Каждое звено — по документу.

Что ограничивало слой до 1986 года

Начать надо с того, чего слой к началу восьмидесятых не мог, потому что иначе не видно, что именно изменилось.

Советский управляющий работник имел то, чего не имело девяносто девять процентов населения: квартиру вне общей очереди, дачу, машину с водителем, закрытый распределитель, поликлинику Четвёртого управления, санаторий, возможность устроить детей. По уровню потребления разрыв между союзным министром и квалифицированным инженером был кратным.

И ничего из этого ему не принадлежало. Квартира была служебной, дача — государственной, машина числилась за гаражом. Всё принадлежало должности. При выходе из слоя человек терял всё одновременно — не как владелец, который при увольнении сохраняет накопленное, а как постоялец, у которого кончился срок. И ничего из этого он не мог передать детям: дворянское достоинство наследовалось по закону, кресло секретаря обкома — нет.

Планово-распределительная система давала слою огромную власть и жёстко ограничивала две вещи: личное потребление и возможность обратить власть в наследуемую собственность. Первое ограничение было тягостным, но переносимым. Второе — непереносимым: оно означало, что всё достигнутое кончается вместе с человеком.

Отсюда возникает интерес. Я формулирую его как интерес, а не как замысел: слой, который распоряжается, но не владеет и не наследует, заинтересован в таком изменении порядка, при котором распоряжение превратится во владение. Пока государство сильно, интерес подавлен и большей частью не осознан. Как только открывается возможность, он становится программой — не потому, что кто-то её написал, а потому, что тысячи людей в сходном положении в сходных обстоятельствах делают сходный выбор.

Рамку эту сформулировали американские политэкономы Дэвид Котц и Фред Уир в книге «Революция сверху»: распад СССР как операция элиты по обмену нестабильной, неотчуждаемой власти на стабильную, наследуемую собственность. Я

принимаю её как описание функции — и не принимаю их дальнейшего утверждения о сознательном разрушении государства как доказанного факта об умысле участников. Где кончается расчёт и начинается сговор, я не знаю. Но функция проверяется не рассуждением, а нормативными актами, и вот они.

Шлюз первый: внешняя торговля

Девятнадцатого августа 1986 года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР номер 991 «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» двадцати министерствам и ведомствам и семидесяти крупнейшим объединениям и предприятиям с первого января 1987 года предоставлено право прямых экспортно-импортных операций. Второго декабря 1988 года постановлением номер 1405 право выхода на внешний рынок с первого апреля 1989 года распространено на все предприятия, объединения и кооперативы.

Звучит как снятие бюрократических барьеров и отчасти было им. Означало другое.

Государственная монополия внешней торговли держала стену между двумя ценовыми системами. Внутри страны тонна нефти стоила несколько десятков рублей, тонна алюминия — несколько сотен; на мировом рынке — на порядок больше по любому реальному курсу. Пока продавать за рубеж могли только объединения Минвнешторга, разница между ценами оставалась в казне. Постановление 991 и его развитие в 1988–1989 годах передали право продавать — сначала избранным, затем всем, кто имел, что продать. Тот, кто распоряжался продукцией, получил возможность реализовать её по мировой цене, купив по внутренней. Разница между ценами перестала быть доходом государства и стала доходом того, кто держал доступ к продукции и к лицензии.

Единый народнохозяйственный план перестал быть сквозным. Возникли изолированные финансовые контуры, замкнутые на внешний рынок: деньги, которые появлялись внутри страны, оседали снаружи — на счетах совместных предприятий, посреднических фирм, торговых домов, зарегистрированных там, где регистрировать было удобно.

Тринадцатого января 1987 года постановлением Совета Министров номер 49 разрешено создание на территории СССР совместных предприятий с участием фирм капиталистических стран. Совместное предприятие получало право открывать валютные счета, вести экспортно-импортные операции, распоряжаться валютной выручкой. Советским участником выступало государственное предприятие или ведомство; кто именно представлял советского участника и где регистрировались зарубежные партнёры — вопрос, на который в конце восьмидесятых отвечали не всегда, а в начале девяностых уже никто не спрашивал. К началу 1991 года было зарегистрировано около трёх тысяч совместных предприятий; значительная их часть не производила ничего и существовала как канал: советский участник вносил сырьё или продукцию по внутренней цене, зарубежный — реализовывал по мировой, и разница оставалась на счету, до которого союзный бюджет не дотягивался.

Первое звено цепи — должность, дающая право распоряжаться продукцией, и решение, разрешающее продавать её самостоятельно, — установлено документами.

Шлюз второй: стена между двумя контурами

Тринадцатого марта 1987 года постановлением Совета Министров СССР, ВЦПС и ЦК ВЛКСМ номер 321 образован Всесоюзный координационный совет научно-технического творчества молодёжи и развёрнута сеть центров НТТМ при комсомольских комитетах; положение о них ЦК утвердил ещё летом 1986 года.

Это самое разрушительное из всего перечня и самое неприглядное по названию. Здесь придётся остановиться, потому что без понимания механизма всё дальнейшее выглядит как стечение обстоятельств.

В советской денежной системе существовали два изолированных контура. Безналичный — рубли на счетах предприятий. Это были не деньги в бытовом смысле, а плановые единицы учёта: завод мог иметь на счету миллионы и не мог купить на них ничего, кроме предусмотренного планом и договорами поставки. Ими нельзя было выдать зарплату сверх фонда, ку-

пить квартиру, приобрести автомобиль. Наличный — рубли в руках граждан. Это были деньги в полном смысле: ими покупали товары в магазине.

Между контурами стояла стена, и она была несущей конструкцией всей советской финансовой системы. Она гарантировала, что количество денег, претендующих на потребительские товары, соответствует количеству этих товаров. Пока стена стояла, огромная безналичная масса предприятий не давила на прилавок.

Центры НТТМ получили право заключать договоры с государственными предприятиями на выполнение работ — научных, внедренческих, любых — и оплачивать труд исполнителей из полученных средств, при существенных налоговых льготах. Механика была проста. Центр заключал договор. Предприятие перечисляло безналичные средства. Центр легально превращал их в наличные, выплачивал исполнителям и оставлял себе процент. Никакой контроль за тем, что именно было выполнено и было ли выполнено вообще, конструкцией не предусматривался.

Стена рухнула. По данным Ольги Крыштановской, к 1990 году действовало более шестисот центров и свыше семнадцати тысяч молодёжных кооперативов при них. Именно здесь, по её определению, началась латентная приватизация — за три года до формального старта массовой.

Следствий два, и оба видны невооружённым глазом.

Первое. На потребительский рынок хлынула масса наличных денег, за которой не стояло ни единицы дополнительного товара. Наличная эмиссия, по данным Госбанка, составлявшая в 1985 году около четырёх миллиардов рублей, в 1988-м приблизилась к двенадцати, в 1989-м превысила восемнадцать, в 1990-м — двадцать восемь. Денежные доходы населения росли на девять, тринадцать, семнадцать процентов в год при стагнации розничного товарооборота в сопоставимых ценах. Отсюда дефицит конца восьмидесятых, который принято объяснять исчерпанием плановой системы. Товаров стало не меньше. Денег, охотящихся за ними, стало кратно больше.

Второе. Возникло первое поколение крупных частных состояний, и происхождение их было не производственным, а посредническим. Значительная часть позднейших российских капиталов начинается именно здесь — в конторе с безобидной вывеской про творчество молодёжи, при райкоме комсомола.

О версии, которую я не возьму: дефицит часто объясняют организованным саботажем — продукцию якобы придерживали, чтобы создать пустые полки и дискредитировать план. Дефицит документирован. Единый умысел за ним — нет. Объяснение, которое не требует умысла, арифметическое, и оно достаточно.

Шлюз третий: предприятие и кооператив при нём

Тридцатого июня 1987 года принят Закон о государственном предприятии (объединении), с первого января 1988 года — в действии. Предприятие переведено на полный хозрасчёт и самофинансирование; директор избирается трудовым коллективом; фонд оплаты труда формируется из дохода предприятия. Последнее означало, что стена между контурами пробита ещё в одном месте: предприятие получило возможность превращать прибыль в зарплату, минуя нормативы, и делало это — рост денежных доходов 1988–1990 годов в значительной части происходил отсюда.

Двадцать шестого мая 1988 года принят Закон о кооперации в СССР. Кооператив мог быть создан при государственном предприятии, использовать его оборудование, сырьё и помещения, продавать продукцию по свободным ценам. К 1990 году, по данным Госкомстата, действовало около двухсот пятидесяти тысяч кооперативов с шестью миллионами занятых; около четырёх пятых из них были образованы при государственных предприятиях.

Механика — ценовые ножницы. Кооператив покупал у завода сырьё и полуфабрикаты по фиксированным внутренним ценам и продавал продукцию по свободным. Издержки нёс завод, прибыль оседала у кооператива, а кооператив возглавлял, как правило, человек, состоявший с директором в отношениях, не требующих объяснения. Директор, избранный коллективом

и не подчинённый упразднённому министерству, распоряжался государственным активом; кооператив при заводе превращал распоряжение в доход; доход в кооперативе был уже частным.

Здесь второе звено цепи: доступ к активу, открытый решением, конвертируется в частный доход при сохранении актива в государственной собственности. Актив ещё не присвоен. Присвоен поток с него.

Шлюз четвёртый: банк

Семнадцатого июля 1987 года постановлением ЦК и Совета Министров номер 821 из Госбанка выделены пять специализированных банков, переведённых с 1988 года на хозрасчёт. Двадцать третья статья Закона о кооперации разрешила создание кооперативных банков. Двадцать четвёртого августа 1988 года зарегистрирован первый — «Союз-банк» в Чимкенте; к концу 1989 года их было несколько сотен, к концу 1990-го — более тысячи.

Контур замкнулся. Теперь деньги, полученные через экспорт по внутренней цене, обналичку через НТТМ и ножницы через кооператив, можно было не только сделать, но и держать, двигать и приумножать в собственной структуре. Коммерческий банк при министерстве, при отрасли, при крупном предприятии, при ЦК ВЛКСМ — учредителями первых банков, если посмотреть на регистрационные документы, были в подавляющем числе случаев государственные структуры и их руководители.

Двадцать третьего ноября 1989 года приняты Основы законодательства об аренде: трудовой коллектив получил право взять предприятие в аренду с последующим выкупом. Шестого марта 1990 года — Закон о собственности в СССР, впервые признавший собственность граждан на средства производства и уравнявший формы собственности. Актив, к которому был открыт доступ, получил правовую форму, в которой его можно было приобрести.

Партия как хозяйствующий субъект

Есть документ, который замыкает эту последовательность с неожиданной стороны, и о нём стоит сказать отдельно, потому что он показывает, что происходящее понимали и наверху.

Двадцать третьего августа 1990 года Секретариат ЦК КПСС принял постановление «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии». Документ предписывал управлению делами ЦК создавать коммерческие структуры — банки, фирмы, совместные предприятия — с участием партийных средств, использовать «доверенных лиц» для регистрации собственности, обеспечивать «максимальную конфиденциальность». Основание было названо прямо: в условиях перехода к рынку партии необходима «невидимая партийная экономика».

Организация, которая тридцать пять лет распоряжалась всем, за год до собственного запрета начала оформлять то, чем распоряжалась, на подставных лиц. Это не доказывает, что она предвидела август 1991 года. Это доказывает, что интерес, о котором говорилось в начале главы, к 1990 году был не гипотезой историка, а программой действий, записанной в решении Секретариата ЦК. Управляющий делами ЦК Николай Кручина, подписавший исполнение этого решения, погиб двадцать шестого августа 1991 года, выпав из окна своей квартиры. Что стало с оформленным — предмет отдельного расследования, которое велось в 1991–1992 годах и до конца доведено не было.

Чьи деньги остались

Есть эпизод конца 1991 года, который замыкает первый шлюз с другой стороны и показывает, где к тому времени находились деньги.

В декабре 1991 года Внешэкономбанк СССР — единственный банк, через который до 1987 года шла вся валютная выручка страны, — прекратил выплаты по валютным счетам предприятий и граждан. Заморожено было, по оценкам правительства России, несколько миллиардов долларов средств советских предприятий, хранившихся в государственном банке по закону. Государство, у которого не осталось валютных резервов, ис-

пользовало то, что лежало у него на счетах, — и это были деньги тех, кто держал валюту внутри страны, как предписывалось.

Те, кто с 1987 года держал валюту снаружи — на счетах совместных предприятий, торговых домов и посреднических фирм, — не потеряли ничего. Шлюз, открытый постановлением 991, работал в одну сторону: он выпускал выручку из страны и не возвращал её. К декабрю 1991 года по одну сторону стены остались предприятия с замороженными счетами и население с обесцененными вкладами; по другую — те, кто вовремя вышел через шлюз. Замораживание не было чьим-то умыслом против первых. Оно было арифметическим итогом того, что вторые уже сделали.

Куда смотрели те, кому положено

Естественный вопрос. Ответ: они смотрели. И докладывали.

В 1982 году в системе КГБ создано Шестое управление — контрразведывательная защита экономики: промышленность, транспорт, торговля, борьба с хищениями в особо крупных размерах и организованными теневыми структурами. К концу восьмидесятых оно располагало картиной происходящего лучше любого другого ведомства страны. Схемы обналаживания через НТТМ. Вывод сырья по заниженным ценам через совместные предприятия. Происхождение первых состояний. Состав участников. Всё это фиксировалось, обобщалось и уходило наверх аналитическими справками; председатель КГБ Крючков в декабре 1990 года на Съезде народных депутатов публично говорил о выводе из страны средств, исчисляемых миллиардами.

Результата не было никакого.

Причина вписана в конструкцию, разобрannую в девятой главе: работник, включённый в номенклатурный реестр, не мог стать объектом разработки без санкции партийного органа. Директор завода, при котором кооператив, — номенклатура обкома. Заместитель министра, подписавший экспортную лицензию, — номенклатура ЦК. Секретарь ЦК ВЛКСМ, курирующий центры НТТМ, — номенклатура ЦК. Для проверки по

каждому из них требовалось разрешение того слоя, к которому они принадлежали.

Контур мог бить вниз — по хозяйственнику без партбилета, по директору магазина, по цеховику. Мог бить наружу — по иностранной агентуре, и бил великолепно: Мартынов и Моторин тому доказательство. Наверх смотреть ему было запрещено с 1954 года.

Разница между этажами государства, о которых шла речь в начале главы, была одна. У вторых был партийный билет.

Контрпримеры, которые нужно назвать

Если бы цепь «должность — решение — доступ — актив» работала только для носителей должностей, первое поколение крупных состояний состояло бы из секретарей и директоров. Оно из них не состояло — по крайней мере, не целиком, — и это нужно объяснить, а не обойти.

Артём Тарасов, объявивший себя первым легальным миллионером в январе 1989 года, был инженером, а не номенклатурщиком; его кооператив «Техника» зарабатывал на посредничестве и внешнеторговых операциях. Владимир Гусинский был театральным режиссёром; его кооператив начал с торговли и консультаций. Борис Березовский был математиком из Института проблем управления; «ЛогоВАЗ» вырос из отношений с руководством АвтоВАЗа. Владимир Брынцалов был строителем. Михаил Ходорковский* — секретарём комитета комсомола института и заместителем секретаря райкома ВЛКСМ; его Центр НТТМ при Фрунзенском райкоме стал банком «Менатеп».

Что показывает этот ряд. Происхождение из номенклатуры не было условием обогащения. Условием был доступ — к государственному активу и к тому, кто им распоряжался. Тарасов торговал тем, что производили государственные предприятия. Березовский строил бизнес на дилерских отношениях с директорами. Гусинский и Брынцалов работали через кооперативы при государственных структурах. Ходорковский* вышел из единственного института, которому было официально разрешено превращать безналичное в наличное.

Каждый из них прошёл через один из четырёх шлюзов. Ни один не создал актива — все получили доступ к существующему. И в каждом случае по другую сторону шлюза стоял носитель должности, без решения которого доступа бы не было.

Это уточняет модель, а не опровергает её. Цепь «должность — решение — доступ — актив» не требует, чтобы носитель должности сам стал владельцем. Она требует, чтобы носитель должности открыл доступ — по родству, по дружбе, за долю, по убеждению или по глупости. Кто окажется владельцем на выходе, определялось уже не устройством, а случаем. Устройством определялось, что владелец будет, и что распоряжающийся не сможет и не захочет этому помешать.

Что доказано и что нет

Итог главы должен быть точным, потому что от него зависит всё дальнейшее.

Доказано документами: в 1986–1990 годах последовательностью нормативных актов был открыт доступ к государственным активам и потокам с них для лиц, распоряжавшихся этими активами по должности, и для тех, кому распоряжавшиеся этот доступ передали. Доказано, что контрольный контур, располагавший полной картиной, не мог действовать в отношении носителей должностей по порядку, установленному в 1954 году. Доказано, что к 1990 году интерес в конвертации распоряжения во владение был осознан на уровне Секретариата ЦК и оформлен в решение.

Не доказано и не утверждается: что авторы постановлений 1986–1988 годов принимали их с целью обогащения; что существовал единый план; что последующее богатство конкретных лиц было ими запланировано в момент открытия шлюзов. Мотив в каждом отдельном случае остаётся за пределами доказуемого. Модель этого и не требует: она объясняет результат структурой интереса и структурой доступа, а не намерением. Тысячи людей в сходном положении при открывшейся возможности сделали сходный выбор, и никакой сговор для этого не нужен.

К концу 1990 года актив был доступен, поток с него был частным, и оставалось два шага: оформить владение и защитить его. Первый требовал отмены государства, которому актив принадлежал. Второй — государства, которое новое владение защитит. О первом — следующая глава.

* Здесь и далее: М. Б. Ходорковский внесён Минюстом России в реестр иностранных агентов; связанные с ним организации признаны нежелательными на территории Российской Федерации. Упоминается исключительно как участник описываемых событий 1987–1996 годов.

ЧАСТЬ VI

Размен

ГЛАВА 15

Государство демонтируют решениями

Третьего апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял закон номер 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Впервые за шестьдесят восемь лет существования Союза право на выход, записанное в статье семьдесят второй Конституции, получило процедуру. Она была подробной. Решение о выходе принимается референдумом республики, назначаемым её Верховным Советом по требованию не менее одной десятой избирателей; за выход должно высказаться не менее двух третей граждан, постоянно проживающих на территории республики; в республиках с автономными образованиями референдум проводится отдельно по каждому из них, и они вправе остаться в Союзе; результаты рассматривает Съезд народных депутатов СССР, который устанавливает переходный период сроком до пяти лет для урегулирования имущественных, финансовых, территориальных и военных вопросов; по истечении переходного периода Съезд констатирует выход.

Закон был встречен в Прибалтике как «закон о невыходе» — процедура, устроенная так, чтобы выход стал практически невозможным, — и это возражение имело основания: двухтретьнее большинство от всех проживающих, а не от голосующих, и пятилетний переходный период по решению союзного Съезда делали выход зависимым от того, от кого выходили. Но закон был законом, принятым конституционным органом, и альтернативой ему была не иная процедура, а её отсутствие.

Ни одна республика этим законом не воспользовалась. Ни одна из пятнадцати. Государство, объединявшее их, перестало существовать через двадцать месяцев после принятия закона о

том, как из него выходить, — и вышли из него не по этому закону.

Из этого факта обычно делают вывод, что закон был мёртворождённым, а процедура — фикцией, и потому её обход не заслуживает внимания. Вывод неверен, и глава о том, почему он неверен. Не потому, что закон 1409-I был хорош. А потому, что вопрос, обошли ли его, и вопрос, кто и каким решением его обошёл, — разные вопросы, и второй из них имеет точный ответ.

Что нужно различить

Прежде чем идти по датам, необходимо разделить семь вещей, которые в рассказах о 1991 годе сливаются в одну.

Первое — экономический кризис. Он был, был тяжёлым, и его происхождение разобрано в четырнадцатой главе. Дефицит бюджета, эмиссия, пустые полки, распад хозяйственных связей.

Второе — политический кризис союзного центра: паралич решений, конфликт президента и парламента, потеря партией монополии после отмены шестой статьи в марте 1990 года.

Третье — республиканские движения. Прибалтика с 1988 года, Закавказье после Сумгаита и Тбилиси, Молдавия, Западная Украина. Настоящие, массовые, с собственной логикой, которая не сводится ни к экономике, ни к интересу номенклатуры.

Четвёртое — народный мандат: единственное прямое волеизъявление всего населения по вопросу о существовании государства — семнадцатое марта 1991 года.

Пятое — законная процедура: Конституция СССР, закон 1409-I, конституции республик, компетенция Съездов и Верховных Советов.

Шестое — действия союзного центра: Горбачёв, Совет Федерации, Госсовет, Ново-Огарёво.

Седьмое — действия российского центра: Съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет РСФСР, президент РСФСР.

Эти семь вещей влияли друг на друга, но ни одна не сводима к другой. Экономический кризис не отменял процедуры. Республиканские движения не заменяли мандата. Политический паралич центра не передавал его компетенцию российскому центру. Всякий раз, когда в описаниях декабря 1991 года одно подменяется другим — «страна уже распалась, Вискули лишь оформили», — совершается та самая подмена, которую эта книга разбирает с первой страницы: обстоятельства выдаются за решение.

Задача главы — восстановить решения. Кто, когда, в какой компетенции и по какой процедуре.

Мандат

Семнадцатое марта 1991 года. Вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Формулировка длинная и уязвимая для критики: «обновлённая федерация» — не юридическое понятие, и голосовавший «за» мог понимать под ней разное. Критика справедлива и не меняет главного: на вопрос, должен ли Союз существовать, было отвечено. Сто сорок восемь миллионов пятьсот семьдесят тысяч человек пришли, сто тринадцать миллионов пятьсот тысяч ответили «да». В РСФСР — семьдесят один и три десятых процента; на Украине — семьдесят и две десятых; в Белоруссии — восемьдесят два и семь десятых; в Казахстане — девяносто четыре и одна десятая; в среднеазиатских республиках — свыше девяноста. Шесть республик — три прибалтийские, Грузия, Армения, Молдавия — референдум не проводили; в них по инициативе местных советов и трудовых коллективов голосовали на отдельных участках, и это голосование в общий итог не входит.

Постановление Верховного Совета СССР от двадцать первого марта 1991 года констатировало результат и указало, что решение, принятое путём референдума, является окончательным и имеет обязательную силу на всей территории СССР. Так пред-

писывал и закон о всенародном голосовании от двадцать седьмого декабря 1990 года: результаты референдума обязательны, отменить или изменить их можно только новым референдумом.

Здесь стоит зафиксировать первое: с двадцать первого марта 1991 года существовал юридический факт, обязывавший все органы власти Союза и республик действовать в направлении сохранения государства, и не существовало процедуры, которая позволяла бы этот факт обойти иначе, чем новым всенародным голосованием.

Второй референдум не проводился. Ни в марте, ни позже.

Российский центр

Двенадцатого июня 1990 года первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете: девятьсот семь голосов за, тринадцать против, девять воздержавшихся. Статья пятая устанавливала верховенство Конституции и законов РСФСР на всей территории республики; действие актов Союза, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается. Статья седьмая закрепляла право свободного выхода из СССР.

О Декларации сказано много, и здесь важно одно: она была принята за девять месяцев до референдума, тем же корпусом депутатов, который затем будет принимать решения декабря 1991 года, и она не была решением о выходе. Она была решением о верховенстве, то есть о том, что российский центр отныне сам определяет, какие союзные акты действуют на его территории. Это не выход из государства — это отказ признавать его правопорядок при формальном пребывании в нём. Точно так же устроена санкция парторгана на разработку номенклатуры: не отмена закона, а изъятие себя из-под него.

Двадцать четвёртого октября 1990 года Верховный Совет РСФСР принял закон «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», по которому союзные акты вступают в силу только после ратификации Верховным Советом РСФСР. Тридцать первого октября — закон об обеспечении экономической основы суверенитета: природные ресурсы, предприятия

союзного подчинения, банки на территории РСФСР объявлены её собственностью. Вот в чём институциональное содержание «войны законов», которую принято описывать как политическую борьбу двух лидеров: российский центр последовательно перевёл под свою компетенцию активы, которые по четырнадцатой главе уже были открыты для доступа, — и тем самым стал инстанцией, от которой этот доступ зависел.

Двенадцатого июня 1991 года — в годовщину Декларации — избран президент РСФСР. Пятьдесят семь целых три десятых процента, в первом туре. Это второй мандат в том же году, и он дан лично одному человеку. Между двумя мандатами — марта и июня — не было противоречия по существу: семьдесят один процент россиян, проголосовавших за сохранение Союза, и пятьдесят семь процентов, проголосовавших за Ельцина, — во многом одни и те же люди. Противоречие возникло позже, когда носитель второго мандата использовал его против первого.

Союзный центр

Двадцать третьего апреля 1991 года в Ново-Огарёве Горбачёв и руководители девяти республик — тех, где референдум проводился, — подписали заявление о подготовке нового союзного договора. К августу текст был готов: Союз Суверенных Государств, конфедеративная конструкция с единым президентом, парламентом и вооружёнными силами, при передаче республикам большей части хозяйственной компетенции. Подписание было назначено на двадцатое августа.

Договор этот критикуют с двух сторон — как капитуляцию центра и как недостаточную уступку республикам, — и обе критики имеют основания. Для этой главы существенно другое: он был процедурой. Способом привести конструкцию государства в соответствие с мандатом семнадцатого марта — «обновлённая федерация» — через договор, который подписывают уполномоченные органы республик и ратифицируют их парламенты. Это была единственная процедура, которая работала на выполнение мандата, а не на его обход.

Девятнадцатого августа она была остановлена.

Август

О ГКЧП написано достаточно; здесь он занимает ровно то место, которое ему принадлежит в механизме, — и место это меньше, чем принято думать.

Комитет был образован вне всякой процедуры: Конституция СССР не знала органа с такими полномочиями, а отстранение президента по состоянию здоровья требовало заключения, которого не было. Его участники — вице-президент, премьер-министр, министр обороны, председатель КГБ, министр внутренних дел, руководители ВПК и Крестьянского союза — были высшим составом союзного управляющего слоя, и действовали они как слой: не имея ни мандата, ни правового основания, ни решимости применить силу, которой располагали. Три дня, ни одного выполненного приказа о применении войск, самороспуск.

Для механизма книги август означает две вещи.

Первая: подписание союзного договора — единственная работавшая процедура — было сорвано, и сорвано не республиками, а союзным центром, точнее, той его частью, которая полагала, что защищает государство.

Вторая: к двадцать первому августа союзный центр перестал существовать как субъект. Указом президента РСФСР от девятнадцатого августа все органы исполнительной власти Союза на территории РСФСР были переподчинены президенту РСФСР — акт, не имевший основания ни в одной конституции, но исполненный; двадцать третьего августа приостановлена деятельность Компартии РСФСР; двадцать четвёртого Горбачёв сложил полномочия генерального секретаря; двадцать девятого Верховный Совет СССР приостановил деятельность КПСС на всей территории. Компетенция союзных ведомств фактически перешла к российскому центру — не по закону, а по факту исполнения.

Пятого сентября 1991 года пятый, внеочередной Съезд народных депутатов СССР принял закон номер 2392-І «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период». Съезд, высший орган власти по Конституции, прекратил свою деятельность, передав функции Госсовету — прези-

денту и руководителям республик — и реорганизованному Верховному Совету из двух палат, формируемых республиками. Это был единственный акт всего 1991 года, в котором союзный орган, обладавший компетенцией, изменил конструкцию государства по процедуре — путём принятия закона на Съезде. И этот акт означал самороспуск.

Съезд — орган, которому закон 1409-I отводил решающую роль в процедуре выхода республик, — перестал существовать за три месяца до того, как выход состоялся. Инстанция, которая должна была констатировать выход, была упразднена раньше, чем ей пришлось бы это делать.

Декабрь

Первого декабря 1991 года на Украине состоялся референдум о подтверждении Акта о независимости, принятого Верховной Радой двадцать четвёртого августа. Девяносто и три десятых процента — за; явка — восемьдесят четыре процента. В Крыму — пятьдесят четыре процента.

Это единственный из декабрьских актов, имеющий форму прямого волеизъявления, и о нём надо сказать точно. Он был проведён не по закону 1409-I: не по требованию десятой части избирателей, не с отдельным голосованием в Крымской АССР, не с представлением результатов Съезду СССР — Съезда уже не было. Но он был референдумом, и на территории Украины он давал ответ на вопрос, противоположный ответу семнадцатого марта. Между двумя ответами лежали девять месяцев, август и роспуск союзного Съезда; какой из двух ответов является действительной волей населения Украины — вопрос, на который право даёт формальный ответ, а история — нет. Достаточно зафиксировать: у Украины было хотя бы что-то, что можно назвать мандатом на выход. Ни у одной другой республики, участвовавшей в решении восьмого декабря, такого мандата не было.

Восьмое декабря, Вискули. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, преамбула: Союз ССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование». Подписи: Ельцин и Бурбулис за

РСФСР, Кравчук и Фокин за Украину, Шушкевич и Кебич за Белоруссию.

Компетенция подписантов. Президент РСФСР по Конституции РСФСР в редакции мая 1991 года не имел права решать вопросы, отнесённые к ведению Съезда народных депутатов; к исключительному ведению Съезда статья сто четвёртая относилась принятие Конституции, определение внутренней и внешней политики и ратификацию договоров, влекущих изменение Конституции, — а прекращение государства, в состав которого РСФСР входила по собственной Конституции, меняло её в самом основании. Председатель Верховного Совета Белоруссии действовал без решения Верховного Совета. Президент Украины имел за спиной референдум первого декабря — о независимости Украины, но не о прекращении существования Союза. Ни у одного из шестерых не было полномочий констатировать прекращение государства, объединявшего пятнадцать республик, от имени трёх.

Юридическая конструкция, которая была использована, — ссылка на то, что РСФСР, Украина и Белоруссия были учредителями Союза по Договору 1922 года и потому вправе его денонсировать. Конструкция не выдерживает проверки. Договор 1922 года подписали четыре субъекта, включая Закавказскую федерацию; в 1924 году он был инкорпорирован в Конституцию СССР и как самостоятельный акт перестал действовать; Конституции 1936 и 1977 годов на него не ссылались; денонсация учредительного договора федерации тремя из пятнадцати её членов не предусмотрена ни одной правовой системой. Позже об этом скажет Государственная Дума в постановлении пятнадцатого марта 1996 года, — но об этом в конце главы.

Десятого декабря Соглашение ратифицировали Верховные Советы Украины и Белоруссии. Двенадцатого декабря — Верховный Совет РСФСР: сто восемьдесят восемь за, шесть против, семь воздержавшихся. Тем же днём, отдельным постановлением, Верховный Совет денонсировал Договор об образовании СССР 1922 года: сто шестьдесят один за, три против, девять воздержавшихся.

Обратите внимание на орган. Верховный Совет РСФСР — постоянно действующий орган Съезда, избираемый Съездом из своего состава. Вопросы государственного устройства по статье сто четвёртой Конституции РСФСР относились к исключительному ведению Съезда. Съезд собран не был. Верховный Совет ратифицировал то, чего не имел права ратифицировать, и депутаты это знали: вопрос о созыве Съезда ставился и был отклонён.

Двадцать первого декабря в Алма-Ате к Соглашению присоединились ещё восемь республик; Прибалтика и Грузия не участвовали. Двадцать пятого декабря Горбачёв объявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР. Двадцать шестого декабря Совет Республик Верховного Совета СССР — одна из двух палат, созданных законом от пятого сентября, при отсутствии кворума во второй — принял декларацию о прекращении существования СССР.

Ни одно из перечисленных решений не было принято органом, обладавшим компетенцией его принимать. Ни одно не было принято по процедуре, предусмотренной для решений такого рода. Ни одно не опиралось на мандат семнадцатого марта — все они шли против него. И ни одно из них не было ни оспорено, ни отменено.

Почему не было ни одного возражения

Здесь и находится то, ради чего разбиралась вся последовательность, потому что она приводит к вопросу, на который у исторических описаний нет ответа, а у институционального — есть.

В декабре 1991 года в стране существовали: армия численностью около четырёх миллионов человек; Комитет государственной безопасности, только что переименованный, с полным штатом; Министерство внутренних дел; Прокуратура СССР; Верховный Совет СССР в двух палатах; Конституционный надзор; сто тринадцать миллионов человек, девять месяцев назад проголосовавших за сохранение государства. Все они, каждый в своей компетенции, имели основание не признать решения, принятые с очевидным превышением полномочий.

Четвёртого ноября 1991 года — за месяц до Вискулей — начальник управления Прокуратуры СССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Виктор Илюхин возбудил уголовное дело в отношении президента СССР по статье шестьдесят четвёртой Уголовного кодекса — измена Родине — в связи с признанием независимости прибалтийских республик постановлениями Госсовета от шестого сентября. Дело было закрыто генеральным прокурором Трубиным через два дня, Илюхин уволен.

Эпизод обычно приводят как курьёз. Он не курьёз — он единственная за весь 1991 год попытка государственного органа применить закон к решениям, разрушающим государство, и его судьба показывает, почему таких попыток больше не было. Закон существовал. Статья существовала. Надзорный орган существовал и имел компетенцию. Не существовало субъекта, способного это применить, — потому что субъект, к которому применялось, стоял выше в реестре, чем тот, кто применял, а порядок, установленный в 1954 году, действовал до последнего дня.

То же самое — с армией. Министр обороны Шапошников присутствовал в Алма-Ате и получил заверения о сохранении единого командования стратегическими силами; ни один командующий округом не поставил вопроса о правомерности приказов, поступающих от органа, которого не существовало ни в одной конституции. То же — с КГБ, чей председатель Бакатин к декабрю уже передавал американскому послу схему закладок в здании посольства. То же — с Верховным Советом СССР, палата которого проголосовала за собственную ликвидацию.

Каждый из этих институтов в 1953–1957 годах был лишён субъектности и превращён в инструмент под санкцией слоя. Инструмент не может возразить хозяину. В декабре 1991 года слой решил разойтись по республиканским квартирам, и инструменты разошлись вместе с ним — по тем же квартирам. Никто не защитил государство не потому, что все были предателями. А потому, что защита государства от его собственного управляющего слоя не была функцией ни одного института в

стране: эту функцию ликвидировали за тридцать восемь лет до того.

Здесь возвращается вопрос, поставленный в третьей главе. В 1861 году реформу против сословия провела инстанция, стоящая вне сословия и переживающая своего носителя. В 1991 году такой инстанции не было, и государство, попавшее в противоречие с интересом своего слоя, было ликвидировано слоем — единственным субъектом, который остался.

Что это было по устройству

Прежде чем назвать это, нужно исключить объяснения, которые кажутся достаточными и не являются ими.

Первое: «Союз уже фактически распался, Вискули лишь констатировали». Это неверно на уровне фактов. К восьмому декабря из состава Союза формально вышли только три прибалтийские республики, признанные Госсоветом в сентябре; двенадцать республик находились в Союзе, участвовали в работе его органов, восемь из них через две недели подписали Алма-Атинскую декларацию, то есть в момент подписания в Вискулях считали себя субъектами существующего государства. Хозяйственные связи были разрушены — но хозяйственные связи не являются государством. Армия, границы, валюта, стратегические силы, внешние обязательства — всё это на восьмое декабря было союзным. Констатировать было нечего; было что ликвидировать.

Второе: «Республики хотели независимости, удерживать их было невозможно». Верно для Прибалтики, Грузии, отчасти Армении и Молдавии — и все они вышли или выходили отдельно, по собственным решениям, и в Вискулях не участвовали. Для Украины — частично верно после первого декабря. Для РСФСР, Белоруссии, Казахстана, Средней Азии — неверно: население этих республик проголосовало за Союз в марте с результатами от семидесяти до девяноста пяти процентов, и ни одно из их руководств не имело мандата на выход. Республиканские движения объясняют выход Прибалтики. Они не объясняют ликвидацию Союза тремя славянскими республиками, чьё население было за него.

Третье: «Иначе была бы гражданская война». Это предположение, а не факт, и оно не подкреплено ни одним документом, показывающим, что альтернативой декабрьским решениям было применение силы. Союзный договор в редакции ноября 1991 года лежал на столе Госсовета; Ельцин и Шушкевич публично заявляли о готовности его подписать за две недели до Вискулей. Альтернатива существовала и была процедурной.

Четвёртое: «Союзный центр к декабрю был банкротом, и ликвидировать было уже нечего». Это самое сильное из возражений, потому что опирается на документы: к ноябрю 1991 года союзный бюджет действительно не имел доходов, валютные резервы были исчерпаны, закупки зерна не оплачивались. Но происхождение банкротства надо назвать. Республики — и первой РСФСР — с осени 1991 года прекратили перечисление налогов в союзный бюджет; указами президента РСФСР ноября–декабря союзные министерства и Госбанк СССР были переведены под российскую юрисдикцию; союзный центр был лишён доходов решениями тех, кто затем констатировал его неплатёжеспособность. Банкротство было не причиной ликвидации, а её инструментом: тот, кто перекрывает кран, не вправе ссылаться на то, что вода кончилась.

Пятое: «Это было решение народов». Народы высказались один раз — семнадцатого марта, и высказались за. Украинский народ высказался второй раз — первого декабря, и высказался за независимость Украины. Ни один народ не высказывался за ликвидацию Союза. Решение о ликвидации приняли шесть человек и ратифицировали три парламента с превышением компетенции.

Что остаётся после исключения.

Остаётся решение управляющего слоя трёх республик — принятое людьми, которые занимали в государстве высшие должности, вопреки прямому мандату населения, в обход установленной процедуры, при отсутствии какой-либо инстанции, способной их остановить. Слой, которому четырнадцатая глава показала открытый доступ к активам, в декабре 1991 года снял с активов государство, которому они принадлежали. Вопрос о собственности на предприятия союзного подчинения, банки,

валютные резервы, недра — тот самый, который российский центр решил в свою пользу законами октября 1990 года, — с двадцать шестого декабря 1991 года не имел другой стороны.

Я обещала во введении употреблять слово «капитуляция» только там, где установлены объект обязанности, реальная возможность выбора, конкретное действие и предсказуемость последствий. Объект обязанности — государство, существование которого подтверждено референдумом и присягой каждого из подписантов. Возможность выбора — союзный договор на столе. Действие — подписание и ратификация. Предсказуемость — известна из последующих девяти лет, но была ясна и тогда: разделение армии, валюты, границ, двадцать пять миллионов людей вне своей страны, войны на окраинах.

Слово применимо к решению. К людям, его принявшим, — по каждому отдельно, и об этом следующая глава. Здесь достаточно того, что доказано: государство было ликвидировано не обстоятельствами, а решениями, и решения эти не имели ни мандата, ни компетенции, ни ограничителя.

Пятнадцатое марта 1996 года

Закончить главу нужно документом, который принято не замечать.

Пятнадцатого марта 1996 года Государственная Дума приняла постановление номер 157-II ГД «О юридической силе для Российской Федерации — России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР». Двести пятьдесят голосов за, девяносто восемь против. Постановление констатировало, что результаты референдума сохраняют юридическую силу, поскольку иного референдума не проводилось; что постановление Верховного Совета РСФСР от двенадцатого декабря 1991 года о денонсации Договора 1922 года принято с нарушением Конституции РСФСР и не имело юридической силы, так как решение вопроса относилось к компетенции Съезда; и что Российская Федерация как государство — продолжатель СССР — вправе принимать меры к восстановлению единства.

Постановление не имело правовых последствий и не могло их иметь: Дума не располагала полномочиями отменять акты 1991 года, а Совет Федерации на следующий день выразил ему несогласие. Президент назвал его провокацией. Через три месяца прошли выборы, о которых будет сказано в следующей главе.

Документ важен не как правовой акт, а как свидетельство: через четыре года орган государственной власти России, избранный населением, официально зафиксировал то, что установлено в этой главе, — решения декабря 1991 года приняты без компетенции, вопреки мандату и без процедуры. Зафиксировал — и ничего не мог с этим сделать, потому что к марту 1996 года результат размена был уже не только оформлен, но и защищён.

Кто его получил и как он был защищён — последняя глава.

ГЛАВА 16

Кто получил страну

Пятого ноября 1992 года президент Российской Федерации подписал указ номер 1333 «О преобразовании Государственного газового концерна „Газпром“ в Российское акционерное общество „Газпром“». Концерн, в свою очередь, был образован восьмого августа 1989 года постановлением Совета Министров СССР на базе упразднённого Министерства газовой промышленности; министр Виктор Черномырдин стал председателем правления концерна. Указ 1333 передавал акционерному обществу всю газотранспортную систему страны, месторождения, добывающие и перерабатывающие предприятия; государство сохраняло сорок процентов акций и передавало их в доверительное управление правлению общества; около трети предназначалось к продаже за ваучеры жителям газодобывающих регионов на закрытых аукционах, десять — самому обществу для продажи «по своему усмотрению», пятнадцать — трудовому коллективу. Через пять недель, четырнадцатого декабря, Черномырдин стал председателем правительства Российской Федерации.

Министерство — концерн — акционерное общество. Министр — председатель правления — премьер. Три с половиной года, три документа, ни одного нарушения закона.

На этой траектории видно то, что в масштабе страны разглядеть труднее: административное распоряжение отраслью было переоформлено в корпоративный контроль над ней, и переоформили его те же люди, которые распоряжались. Не украли, не захватили — переоформили, актами органов власти, в состав которых сами входили. Это последнее звено цепи, которую четырнадцатая глава довела до актива: контроль — ответственность — защита результата. Глава о том, как это звено было замкнуто и кто оказался на его конце.

Что нужно доказать и чего нельзя доказывать

Формула «номенклатура приватизировала страну» здесь так же запрещена, как и в четырнадцатой главе, и по той же причине: она подменяет механизм итогом. Последующее богатство не доказывает предварительного умысла. Происхождение владельца из управляющего слоя не доказывает, что владение получено благодаря происхождению. Корреляция между должностью 1985 года и собственностью 1996-го — данность, которую нужно объяснить, а не объяснение.

Доказывать нужно три вещи. Первое: что документы, оформлявшие переход государственных активов в частное владение, содержали положения, дававшие преимущество носителям административного распоряжения, — и в чём именно состояло преимущество. Второе: что состав новых владельцев соответствует этому преимуществу, — по данным, а не по впечатлению. Третье: что результат был защищён — то есть что после оформления владения были приняты решения, делающие его необратимым, и приняты теми, кто в нём был заинтересован.

Мотив отдельных людей за пределами доказуемого остаётся и здесь.

Первый путь: ведомство становится корпорацией

Путь «Газпрома» не был единственным, но был образцовым, и повторялся везде, где отрасль имела единый ведомственный контур.

Двадцать пятого ноября 1991 года — за две недели до Вискулей — постановлением Совета Министров СССР номер 18 образован нефтяной концерн «ЛангепасУрайКогалымнефть» на базе трёх производственных объединений Западной Сибири. Инициатором и первым президентом стал Вагит Алекперов, первый заместитель министра нефтяной и газовой промышленности СССР. Семнадцатого ноября 1992 года указом президента России номер 1403 концерн преобразован в акционерное общество «ЛУКОЙЛ» с включением в его состав перерабатывающих заводов и сбытовых организаций; тем же указом образованы «ЮКОС» и «Сургутнефтегаз». Заместитель министра, отве-

чавший в министерстве за эти объединения, стал президентом компании, в которую они были собраны.

Механизм здесь один и тот же, и его надо назвать точно. Указ о преобразовании отрасли в акционерное общество не передавал акции руководству. Он передавал руководству нечто более ценное: право определять, что войдёт в общество, как будут оценены активы, кому и по какой цене будут проданы пакеты, предназначенные к реализации «по усмотрению общества». Распоряжение, которое до 1992 года было административным и в любой момент могло быть отозвано, стало корпоративным — то есть принадлежащим органу управления общества, который формировали сами распорядители. Это и есть переход от распоряжения к контролю: не владение ещё, но уже не должность.

Владение оформлялось следующим шагом. В «Газпроме» — через размещение акций за ваучеры на закрытых чековых аукционах в регионах присутствия по ценам, которые общество определяло само, при запрете продажи акций без согласия правления; через доверительное управление государственным пакетом, которое по договору 1993 года осуществлял лично председатель правления. В нефтяных компаниях — через закреплённые за государством контрольные пакеты, переданные на три года в управление самим компаниям, и затем — через залоговые аукционы, о которых ниже.

Ни один из этих актов не был незаконным. Все они принимались правительством, в котором бывший министр газовой промышленности был председателем, а бывшие руководители отраслей — членами. Это не заговор — это состав правительства.

Второй путь: директор становится владельцем

Первого июля 1992 года указ номер 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» предписал акционировать все государственные предприятия с числом занятых свыше тысячи человек до первого ноября того же года. Одиннадцатого июня Верховный Совет утвердил Государственную программу приватизации, а четырнадцатого августа указ номер 914 ввёл приватизационные чеки — сто сорок восемь миллионов чеков номиналом десять тысяч рублей, по одному на каждого гражданина.

О ваучерах написано всё. Существенно для механизма одно положение Государственной программы: три варианта льгот трудовому коллективу. По первому коллектив получал двадцать пять процентов привилегированных акций бесплатно и мог купить ещё десять обыкновенных со скидкой; администрация — пять процентов. По второму коллектив покупал пятьдесят один процент обыкновенных акций по закрытой подписке, по цене, в 1,7 раза превышающей номинал — номинал же исчислялся по балансовой стоимости на первое января 1992 года, до либерализации цен, то есть был занижен в десятки раз против любой рыночной оценки. По третьему — группа работников брала на себя обязательство не допустить банкротства и получала право выкупить двадцать процентов по номиналу.

Второй вариант выбрали, по данным Госкомимущества, около трёх четвертей акционированных предприятий. Он давал контрольный пакет коллективу — на бумаге. Фактически «коллектив» на закрытой подписке представляла администрация: она организовывала подписку, определяла, кто и сколько купит, и располагала — единственная на предприятии — средствами для покупки, которые к тому моменту были ею накоплены через кооперативы, НТТМ и внешнеторговые операции по четырнадцатой главе. Рабочие, купившие акции по подписке, в течение 1993–1995 годов продавали их — за наличные, за товары, за обещание сохранить рабочее место — тем же руководителям и связанным с ними структурам.

Здесь механизм замыкается на предыдущую главу: доход, полученный через шлюзы 1987–1990 годов, стал средством выкупа актива, с которого этот доход был снят. Директор, распоряжавшийся заводом, через кооператив при заводе получил деньги, на которые через закрытую подписку купил завод. Это не гипотеза о мотиве. Это описание последовательности документов, каждый из которых открывал следующий шаг тому, кто сделал предыдущий.

Третий путь: залог

Тридцать первого августа 1995 года указ номер 889 «О порядке передачи в 1995 году в залог акций, находящихся в федеральной собственности» установил порядок, при котором правительство получало кредиты от коммерческих банков под залог государственных пакетов акций крупнейших компаний; в случае невозврата кредита к сентябрю 1996 года залогодержатель получал право продать пакет и удержать комиссию. Предложение исходило от консорциума банков во главе с «Онэксимбанком» Владимира Потанина и было оформлено на заседании правительства тридцатого марта 1995 года.

С четвёртого ноября по двадцать восьмое декабря 1995 года прошло двенадцать аукционов. Тридцать восемь процентов «Норильского никеля» — за сто семьдесят миллионов долларов, «Онэксимбанк». Сорок пять процентов «ЮКОСа» — за сто пятьдесят девять миллионов, структуры «Менатеп». Пятьдесят один процент «Сибнефти» — за сто миллионов триста тысяч, компаниям, за которыми, как установлено в 2012 году решением Высокого суда Лондона по делу Березовский против Абрамовича, стояли эти двое. Пятьдесят один процент «Сиданко» — за сто тридцать миллионов, снова «Онэксим». Сорок процентов «Сургутнефтегаза» — за восемьдесят восемь миллионов, пенсионному фонду самого «Сургутнефтегаза». Пять процентов «ЛУКОЙЛа» — за тридцать пять миллионов, структурам «ЛУКОЙЛа». Всего — менее миллиарда долларов за пакеты компаний, рыночная капитализация которых через два года составляла десятки миллиардов.

О залоговых аукционах известно, что они были неконкурентными: в большинстве случаев заявки конкурентов отклонялись по формальным основаниям, а победитель совпадал с банком-организатором. Оценка принадлежит не автору, а государственному органу: в докладе Счётной палаты Российской Федерации «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы» (2004) сделки залоговых аукционов названы «притворными», прикрывавшими продажу, и указано, что банки-кредиторы предоставляли правительству средства, которые Министерство финансов разместило на их же счетах. Это выводы контрольного органа, опубликованные и не оспоренные; здесь они цитируются, а не устанавливаются заново.

Предмет — кто стал владельцем и откуда. «Онэксимбанк» вырос из «Международного банка экономического сотрудничества» — банка СЭВ, где Потанин и Прохоров работали в системе Минвнешторга. «Менатеп» — из центра НТТМ при Фрунзенском райкоме комсомола. Структуры Березовского — из дилерских отношений с руководством «АвтоВАЗа». Пенсионный фонд «Сургутнефтегаза» и структуры «ЛУКОЙЛа» — сами компании, выкупившие себя у государства за счёт собственных средств, то есть тех же государственных активов. Каждый из победителей вошёл в аукцион через один из четырёх шлюзов четырнадцатой главы. Ни один не пришёл со стороны.

И — существенно, по тому же докладу Счётной палаты, — кредиты выдавались из средств, которые Министерство финансов держало на счетах тех же банков как уполномоченных. Государство заложило свои активы под кредит из своих же денег и не вернуло его. Тот, кто распоряжался государственными счетами, выбрал, где их держать; тот, у кого они лежали, ссудил их государству под залог того, чем оно владело. Распоряжение — контроль — собственность, в чистом виде.

Данные

Теперь то, что отличает утверждение от впечатления.

В 1995 году сектор изучения элиты Института социологии РАН под руководством Ольги Крыштановской провёл исследо-

вание состава новой российской элиты по биографическим данным. Результаты опубликованы в 1995–1996 годах и с тех пор не оспорены по методике. Доля выходцев из советской номенклатуры — лиц, занимавших должности из перечней ЦК, — составила: в окружении президента — семьдесят пять целых пять десятых процента; в правительстве — семьдесят четыре и три десятых; среди руководителей регионов — восемьдесят два и три десятых; среди лидеров партий — пятьдесят семь и одна десятая; в бизнес-элите — шестьдесят один процент. Из бизнес-элиты, в свою очередь, наибольшую долю составляли выходцы из комсомольской и хозяйственной номенклатуры — тех её частей, которые в 1987–1990 годах стояли у шлюзов.

Одна оговорка к методике обязательна. Крыштановская относилась к номенклатуре всех, кто занимал должности из партийных перечней, — включая директоров предприятий, начальников главков, комсомольских секретарей районного уровня. При таком определении доля неизбежно высока: почти любой руководитель в советской стране входил в какой-нибудь перечень. Возражение верно и не отменяет результата: именно перечни, а не должности как таковые, определяли доступ к активу, и именно это книга доказывает. Узкое определение — только высшая номенклатура ЦК — дало бы меньшую долю в бизнес-элите и не изменило бы долей в правительстве и регионах.

Эти цифры нужно прочитать правильно, потому что их читают неправильно в обе стороны.

Они не доказывают, что «всё осталось у прежних». Тридцать девять процентов бизнес-элиты и четверть правительства — люди без номенклатурного прошлого, и это много для страны, где вход в управляющий слой в течение семидесяти лет контролировался одним реестром.

Они не доказывают и того, что «пришли новые люди». Семьдесят пять процентов окружения президента и восемьдесят два процента региональных руководителей — это воспроизводство слоя, а не его смена. При революции правящий класс сменяется. Здесь он остался тот же и сменил форму, в которой держал

свое: кресло на акции, распределитель на счёт, служебную дачу на собственную.

Что цифры доказывают в точности: состав новой элиты соответствует структуре доступа, а не структуре заслуг, компетенции или предпринимательской инициативы. Там, где актив передавался актами власти — отрасли, регионы, аппарат, — доля прежнего слоя выше восьмидесяти процентов. Там, где требовалось пройти через шлюз, но не обязательно быть его хозяином, — банки, посредничество, — она ниже, и именно там появляются люди со стороны. Данные ложатся на модель, а не на её альтернативы.

Альтернативы, которые нужно назвать

Первая: элита воспроизводится везде и всегда; в Польше, Венгрии, Чехии доля бывшей номенклатуры в новой элите тоже высока. Это правда, и это подтверждает модель, а не опровергает её: воспроизводство слоя при смене строя — общий механизм, и русский случай — его частный, крайне выраженный вариант. Различие в том, что в Центральной Европе смена строя произошла под давлением извне слоя — движений, выборов, внешних условий вступления в европейские структуры, — тогда как в СССР она была произведена самим слоем, при сохранении им контроля над процессом. Доля семьдесят пять и восемьдесят два процента в высших эшелонах — результат того, что процесс контролировал тот, кто в нём выигрывал.

Вторая: приватизация была необходима экономически, а её форма определялась спешкой и отсутствием капитала, а не интересом слоя. Спешка была. Но спешка не объясняет, почему из трёх вариантов льгот три четверти предприятий выбрали тот, который отдавал контроль администрации; почему закреплённые за государством пакеты передавались в управление самим компаниям; почему залоговые аукционы были устроены так, что победить в них мог только организатор. Каждый из этих выборов был выбором между вариантом, дающим преимущество носителю распоряжения, и вариантом, не дающим его, — и каждый раз выбран был первый. Спешка объяс-

няет ошибки. Она не объясняет систематическое направление ошибок.

Третья: новые владельцы — предприниматели, создавшие стоимость, а не присвоившие её. Для части из них это верно: «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз» под руководством людей, вышедших из отрасли, стали работающими компаниями с многолетними инвестиционными программами; в этом смысле траектории Алекперова и Богданова отличаются от траекторий тех владельцев, для которых актив был предметом перепродажи. Модель этого не отрицает. Она утверждает другое: доступ к активу определялся должностью, а не способностью создать стоимость; способность проявлялась потом, и у одних она была, у других нет. Кто из получивших оказался хорошим хозяином — вопрос о людях. Кто получил — вопрос об устройстве.

Защита результата

Оформленное владение уязвимо ровно настолько, насколько уязвимо состояние дворянства между 1762 и 1785 годами: оно держится на том, что власть его не оспаривает. Слой, получивший активы, нуждался в том, чтобы оспорить их стало невозможно. Это и есть последнее звено — защита результата, — и оно замыкалось четырьмя решениями.

Двенадцатого декабря 1993 года принята Конституция Российской Федерации. Статья тридцать пятая: право частной собственности охраняется законом; никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда; принудительное отчуждение — только при условии предварительного и равноценного возмещения. Норма правильная и необходимая для любого правопорядка. Но применённая к владению, оформленному указами 1992 года и аукционами 1995-го, она означала, что пересмотр приватизации возможен только через суд по каждому объекту и с возмещением — то есть невозможен.

Двадцать третьего февраля 1994 года Государственная Дума объявила амнистию участникам событий августа 1991 года и октября 1993-го. Прямого отношения к собственности акт не имел; косвенное — имел: он закрыл возможность судебной

оценки действий 1991 года, а значит, и решений, из которых выросли активы.

Тридцать первого августа 1995 года — указ 889, разобранный выше. Его функция была не только в передаче активов, но и в другом: он связал крупнейших владельцев с исходом президентских выборов 1996 года. Право продать заложенные пакеты наступало в сентябре 1996-го — после выборов. Поражение действующего президента означало пересмотр аукционов; победа — их завершение. Владельцы получили не актив, а актив под условием, и условие называлось «июнь 1996».

Двадцать седьмого апреля 1996 года тринадцать руководителей крупнейших банков и компаний — Березовский, Гусинский, Потанин, Ходорковский*, Фридман, Смоленский и другие — опубликовали обращение «Выйти из тупика!», призвав к «компромиссу» между властью и оппозицией во избежание «гражданской войны». Через два месяца они финансировали и организовывали кампанию действующего президента. Третьего июля он был переизбран во втором туре. Осенью залоговые пакеты перешли в собственность залогодержателей.

Последовательность стоит увидеть целиком: активы переданы под условием переизбрания; получатели обеспечили переизбрание; переизбранный передал активы. Это не обвинение в сговоре — это описание опубликованных документов и публичных действий. Владение, полученное в 1995 году, было защищено в 1996-м тем самым слоем, который его получил, и защищено не законом, а результатом выборов, которые слой оплатил.

Через восемь лет, в 2004 году, Счётная палата под руководством Сергея Степашина представила доклад «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годов». Доклад констатировал нарушения законодательства на всех этапах, притворный характер залоговых аукционов, занижение стоимости активов на порядки — и рекомендовал не пересматривать итоги, поскольку пересмотр «привёл бы к дестабилизации». Инстанция, установившая нарушение, сама признала, что не в состоянии его устранить. Это и есть защищённый результат.

Люди

Групповое поведение слоя не переносится на каждого в нём, и глава о том, кто получил страну, была бы нечестной без тех, кто не получил ничего.

Двадцать второго августа 1991 года застрелился министр внутренних дел СССР Борис Пуго. Двадцать четвёртого августа в служебном кабинете в Кремле покончил с собой маршал Сергей Ахромеев, советник президента СССР, бывший начальник Генерального штаба. Записка Ахромеева опубликована: «Не могу жить, когда гибнет моё Отечество и уничтожается всё, что я считал смыслом моей жизни».

Оба поддержали ГКЧП — то есть действие, не имевшее ни правового основания, ни мандата, и разобранное выше как срыв единственной работавшей процедуры. Я не делаю из них образцов: их выбор был выбором внутри слоя, за одну из его фракций, и по устройству не отличался от выбора их противников. Но он отличался по цене. Ахромеев и Пуго заплатили собой за то, что считали обязанностью; ни один из тех, кто подписывал в Вискулях, ратифицировал в Верховном Совете или получал пакеты в 1995 году, не заплатил ничем. Они — единственные из высшего управляющего слоя, для кого власть в 1991 году всё ещё была риском, а не средой обитания. Их смерть — не аргумент за ГКЧП. Она — измерение того, что стало с ответственностью за тридцать четыре года после июня 1957-го: из всего слоя её сохранили двое, и оба — по собственному решению, а не по институциональной норме.

Есть и другой ряд, менее заметный. Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Фёдоров — люди, писавшие указы 1992 года, — не стали владельцами того, что распределяли. Николай Рыжков, Валентин Павлов, Анатолий Лукьянов — высший состав союзного центра — не получили активов. Тысячи первых секретарей райкомов, директоров совхозов, начальников цехов, командиров полков — не получили ничего и потеряли всё, включая право на пенсию, которое им было обещано. Слой, взятый в целом, выиграл. Но внутри слоя выиграла те, кто стоял у шлюза, а не те, кто занимал должность, — и это подтверждает модель точнее, чем любой список олигархов: должность давала

доступ, а не собственность; собственность давало решение открыть доступ себе, и не каждый носитель должности его принял.

Модель, следовательно, не детерминирует человека. Она определяет условия, при которых один выбор становится дешевле другого, и то, что при таких условиях большинство выбирает дешёвое. Меньшинство выбирает иначе, и о том, что это меньшинство было и раньше — в 1918 году, в 1941-м, — вторая часть книги. Здесь достаточно: кто получил страну, определялось не тем, кто был лучше, а тем, кто стоял ближе к точке, где распоряжение можно было переоформить во владение, и не был удержан ничем, кроме собственного решения.

Что доказано

Цепь, поставленная в задачу двумя главами раньше, замкнута.

Должность давала распоряжение активом. Решения 1986–1990 годов открыли доступ к потоку с актива. Решения 1990–1991 годов перевели актив под юрисдикцию, которую контролировал тот же слой, и сняли с актива государство-собственника. Решения 1992 года переоформили распоряжение в корпоративный контроль. Решения 1992–1995 годов переоформили контроль в собственность — через закрытую подписку, трастовые договоры и залог. Решения 1993–1996 годов защитили собственность конституционной нормой, амнистией и результатом выборов, оплаченных владельцами.

Каждое звено — документ. Ни в одном звене нет необходимости в заговоре, потому что каждое решение принималось людьми, для которых оно было выгодным, в органах, в которые эти люди входили, при отсутствии инстанции, способной его отклонить. Такая инстанция была ликвидирована в 1953–1957 годах, и с тех пор слой не встречал ограничителя ни разу — вплоть до момента, когда выбор встал между сохранением государства и переоформлением того, чем слой в нём распоряжался.

Он выбрал. Не как заговорщик — как сословие.

Остаётся вопрос, который книга ставила с первой страницы и на который история дала два ответа: что удерживает управ-

ляющий слой в служилом состоянии, и может ли ограничитель быть устроен так, чтобы его нельзя было ни снять кадровым приказом, ни присвоить через доступ, ни объявить произволом задним числом. Об этом — эпилог.

* М. Б. Ходорковский внесён Минюстом России в реестр иностранных агентов; связанные с ним организации признаны нежелательными на территории Российской Федерации.

ЭПИЛОГ

Плотину разбирают руками

Две плотины, о которых шла речь в этой книге, были разобраны одинаково: не взрывом и не наводнением, а руками — по одному камню, каждый раз с разумным обоснованием, каждый раз без того, чтобы кто-нибудь заметил, что вынут несущий. Манифест 1762 года ничего не менял видимо. Порядок санкции 1954 года не был записан ни в одном законе. Отмена норм обновления в 1966 году называлась стабильностью. Постановление о центрах творчества молодёжи называлось поддержкой творчества молодёжи. И в обоих случаях вода пришла через десятилетия — сто пятьдесят пять лет в первом, тридцать четыре во втором, — когда тех, кто вынимал камни, давно не было, а те, кто стоял у плотины, не знали, что её нет.

Книга дошла до конца того, что можно было доказать. Здесь — то, что из доказанного следует, и в первую очередь то, что из него не следует.

Чего доказанное не означает

Оно не означает, что русская или советская конструкция были порочны от рождения. Обе работали: петровская создала управляющий слой, который построил империю, советская — слой, который построил промышленность и выиграл войну. Предмет книги — не порок, а изменение: в обоих случаях работающая конструкция была разобрана изнутри, по частям, людьми, которые в момент разборки полагали, что улучшают её.

Оно не означает, что виноват «народ», «общество» или Историческая Россия. Ни одно из решений, разобранных в этой книге, не было принято населением. Единственный раз, когда население спросили, оно ответило противоположно тому, что было сделано. Ответственность за размен лежит на слое, и переносить её на тех, кем слой управлял, — значит повторять

приём 1956 года: назначать виновным того, кто не может возразить.

Оно не означает, что все в слое были одинаковы. Модель объясняет, почему при снятых ограничителях большинство выбирает дешёвое; она не отменяет того, что меньшинство выбрало иначе — в 1918 году, в 1941-м, в августе 1991-го, — и заплатило за это собой. Структурный механизм задаёт цену выбора. Выбор остаётся за человеком.

Оно не означает внешнего управления. Противник был, цели его записаны, давление документировано. Но главная причинная линия книги держится без него: трещина, в которую он давил, была на тридцать лет старше давления и создана руками тех, кто должен был её заделывать.

И оно не означает, что нужно вернуть какую-либо из прежних форм. Ни одна из двух конструкций не удержала свой управляющий слой в служилом состоянии дольше, чем жил человек, стоявший над ним. Возвращаться некуда.

Что доказано

Слой, положение которого обусловлено функцией, результатом и внешней проверкой, остаётся служилым — при любых привилегиях. Это установлено на дворянстве до 1762 года и на советском управляющем слое до 1953-го.

Снятие обязанности при сохранении права делает право основным, и слой начинает искать основание в самом себе. Это установлено на Манифесте 1762 года и Грамоте 1785-го.

Контроль, переданный контролируемым, перестаёт быть контролем и становится воспроизводством. Это установлено на уездной администрации 1775 года и на порядке санкции 1954-го.

Ограничитель, не имеющий процедуры замещения, снимается вместе с носителем. Это установлено сравнением Акта 1797 года с пятым марта 1953-го.

Слой, воспроизводящий сам себя без внешней проверки, отбирает тип, неспособный к решению против интереса слоя. Это установлено на кадровой стабильности 1966–1985 годов.

Слой, распоряжающийся ресурсами, но не владеющий ими, при открывшейся возможности переоформляет распоряжение во владение — и снимает с ресурсов государство, которому они принадлежат, если государство мешает. Это установлено на документах 1986–1996 годов.

И, наконец: реформа против интереса сословия возможна только силой инстанции, которая стоит вне его, не зависит от его согласия и переживает своего носителя. Это установлено на 1861 годе — и на его отсутствии в 1991-м.

Семь положений. Каждое доказано на двух дугах или на одной с контролем от другой. Вместе они составляют то, что во введении было названо гипотезой и что теперь можно назвать моделью: функция — обязанность — право — контроль — воспроизводство — решение — выгода — результат. Слабейшее звено модели — переход от интереса слоя к решению конкретных людей в 1991 году — доказано на уровне слоя и функции, не на уровне умысла, и вывод сужен соответственно. Всё остальное держится на документах.

Вопрос

Из доказанного следует вопрос, и он не исторический.

Как создать сильный профессиональный управляющий слой — с полномочиями, с привилегиями, с возможностью принимать решения, — и не позволить ему превратиться в сословие, контролирующее собственную ответственность?

Обе русские конструкции ответили на первую половину вопроса и провалили вторую. Обе создали слой, способный строить, и обе удержали его в служилом состоянии только персональной волей, стоящей над ним. Когда воля кончалась, кончалось и удержание, и слой, оставшись один, каждый раз делал одно и то же — не потому, что был плох, а потому, что был устроен так, как устроен всякий слой без ограничителя.

У истории нет готового ответа на вторую половину. Но у неё есть материал, из которого ответ можно собирать, и материал этот сводится к категориям ограничителей, которые в разобранных случаях работали — или отсутствовали именно там, где были нужны.

Категории

Связь полномочия с обязанностью. Всякое право управляющего слоя должно иметь основание вне себя — функцию, которую оно обслуживает, — и терять силу вместе с функцией. Право, которое сохраняется после снятия обязанности, — это Манифест 1762 года; его судьба известна. Практически это означает: положение в слое должно быть срочным, обусловленным и отзываемым, и условие отзыва должно быть записано до того, как понадобится.

Измеримость результата. Обязанность без измеримого результата — декларация. Петровская конструкция измеряла службу смотрами и выслугой; советская до 1953 года — планом и независимым каналом; после 1953-го измерение исчезло, и на его месте возник критерий «отсутствие происшествий», отбиравший бездействие. Слой, результат которого не измерен извне, отбирает сам себя по лояльности.

Контроль, не принадлежащий контролируемым. Это центральная категория, и на ней провалились обе конструкции. Уездная полиция из дворян, санкция парторгана на разработку номенклатуры, Счётная палата, констатирующая нарушение и рекомендующая не устранять, — три формы одного: проверяющий и проверяемый суть одно лицо. Проверка должна исходить от инстанции, чей состав слой не определяет, чей доступ к материалу слой не санкционирует и чьи выводы слой не может отменить. Такой инстанции в русской истории не было ни разу, кроме персоны, — а персона не институт.

Процедура преемственности. Ограничитель, чьё воспроизводство не описано, умирает с носителем. Акт 1797 года показал, что описание порядка — не преемника, а порядка — снимает угрозу второго центра и делает инстанцию институтом. Любая конструкция, в которой замещение верхней функции зависит от соотношения сил в день смерти предыдущего носителя, обречена на пятое марта.

Ротация. Единственный ограничитель, который в советской конструкции был записан — параграф двадцать пятый Устава 1961 года, — просуществовал четыре с половиной года и был отменён теми, кого ограничивал. Это не довод против ротации.

Это довод за то, чтобы ротация не могла быть отменена теми, к кому применяется: норма, изменяемая слоем, — не норма.

Конфликт интересов. Цепь «должность — решение — доступ — актив» замыкается там, где носитель должности принимает решение, открывающее доступ ему самому или связанным с ним. Ни один из актов 1986–1995 годов не был бы возможен при действующем запрете на участие в решении для лица, имеющего в нём интерес, — и ни в одной из русских конструкций такого запрета не было.

Невозможность приватизации публичной функции. Распоряжение публичным ресурсом — газом, недрами, деньгами казны — не может быть переоформлено во владение распоряжающимся. Это не вопрос экономической целесообразности приватизации, а вопрос о том, кто не может быть её выгодоприобретателем. Указы 1992 года, передавшие отрасли их министрам, и аукционы 1995-го, передавшие активы держателям государственных счетов, — прямое нарушение принципа, который не был записан.

Обязательность процедуры для решений о судьбе государства. Государство, существование которого подтверждено референдумом, было ликвидировано людьми без компетенции, в обход закона о выходе, при полном молчании всех институтов. Ни один из них не имел функции защищать государство от его собственного слоя. Такая функция должна существовать, быть записана и принадлежать инстанции, которую слой не контролирует, — иначе всякое решение о государстве принимается теми, кому оно выгодно.

Сохранение личной субъектности внутри институционального давления. Последняя категория — не институт, а человек. В 1918 году семьдесят пять тысяч офицеров пошли служить стране, потерявшей государство, зная цену. В 1991 году двое из высшего слоя заплатили собой за то, что считали обязанностью, — и больше никто. Институты создают условия, при которых выбор дешевле или дороже. Но выбор совершает человек, и никакой ограничитель не заменит того, кто, стоя у плотины, отказывается вынуть камень. Это не утешение. Это часть механизма: конструкция, рассчитанная только на институты, про-

валится в первый день, когда институт окажется в руках слоя; конструкция, рассчитанная только на людей, провалится в первый день, когда людей не хватит. Обе русские конструкции рассчитывали на человека наверху и не имели института. Следующая — если она будет — должна иметь и то и другое.

Историческая Россия

Государство, распущенное в декабре 1991 года, не было Россией. Оно было конструкцией, в которой Россия существовала семьдесят лет, — как до того существовала в другой, а ещё раньше в третьей. Ни одна из них не была вечной, и ни одна не была Россией.

Россия — это то, что переживает конструкции. Слой, разобравший плотину в 1762 году, не уничтожил её: она пережила 1917 год и собрала себя заново из офицеров, инженеров и учителей, служивших тому, что осталось. Слой, разобравший плотину в 1953–1991 годах, тоже не уничтожил её: она пережила и это, ценой десятилетия и миллионов сломанных жизней людей, которые ни за что не голосовали.

Но она не обязана переживать бесконечно. Историческая Россия — не закон природы, а результат того, что в каждом поколении находились люди, служившие ей, а не тому, что от неё осталось на распределение. Пока они есть, она есть. Их не создаёт институт. Но институт может сделать так, чтобы их выбор не был самым дорогим из возможных, — а это единственное, что от института зависит.

Плотину разбирают руками. Руками же её и строят.

Примечания и источники

Уровни источников, принятые в книге: И1 — нормативный акт, протокол, стенограмма, архивный документ; И2 — официальная статистика, судебный и ведомственный материал; И3 — академическая историография и критические публикации документов; И4 — мемуары и свидетельства; И5 — публицистика и материалы заинтересованных сторон. Уровень указан в скобках. Утверждения, для которых первичный источник не установлен и которые опираются на вторичные данные, помечены отдельно.

Пролог

Соглашение о создании СНГ, 8 декабря 1991 г., преамбула и ст. 1 (И1). Постановление Верховного Совета СССР от 21 марта 1991 г. «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года» — численность внесённых в списки, участвовавших и проголосовавших «за» (И1). Kotz D., Weir F. *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System*. London; New York: Routledge, 1997 — данные опроса Дж. Куллберг, июнь 1991 г., 116 респондентов (И3); Kullberg J. *The Ideological Roots of Elite Political Conflict in Post-Soviet Russia* // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46, № 6 (И3). Times Mirror Center for the People and the Press, опрос 1991 г. по СССР — доля сторонников свободного рынка (И2, через Kotz & Weir).

Глава 1

Указ о единонаследии 23 марта 1714 г. — ПСЗ-I, т. V, № 2789 (И1). Соборное уложение 1649 г., гл. XVI, ст. 13 (И1). Указ о нетчиках 1711 г.; указ об обучении дворянских детей 1714 г. — ПСЗ-I, т. V (И1). Табель о рангах 24 января 1722 г. — ПСЗ-I, т. VI, № 3890, пп. 8, 15 (И1). Указ об учреждении Герольд-мейстерской конторы 1722 г. (И1). Указ 17 марта 1731 г. об отмене единонаследия — ПСЗ-I, т. VIII, № 5717 (И1). Указ 29 июля 1731 г. о Шляхетском кадетском корпусе (И1). Манифест 31 декабря 1736 г. о сроке службы — ПСЗ-I, т. IX, № 7142 (И1). Общая характеристика: Романович-Славатинский А. *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права*. СПб., 1870 (И3); Фаизова И. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999 (И3).

Глава 2

Манифест о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. — ПСЗ-I, т. XV, № 11444 (И1). Штелин Я. Записки о Петре III (И4). Киселёв М. А. Формы и содержание Манифеста о вольности дворянства 1762 г.: история текста // Исторический вестник. 2013 (ИЗ). Учреждение для управления губерний 7 ноября 1775 г. — ПСЗ-I, т. XX, № 14392 (И1). Жалованная грамота дворянству 21 апреля 1785 г. — ПСЗ-I, т. XXII, № 16187 (И1). О комиссии 1763 г.: Фазизова И., указ. соч. (ИЗ).

Глава 3

Речь Александра II московскому дворянству 30 марта 1856 г. — по записи; Рескрипт Назимову 20 ноября 1857 г.; Положения 19 февраля 1861 г. — ПСЗ-II, т. XXXVI, № 36650–36675 (И1). Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984 (ИЗ). Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968 (ИЗ). Манифест 3 ноября 1905 г. об отмене выкупных платежей (И1). По Ялу: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955 (ИЗ); Лукьянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008 (ИЗ); Витте С. Ю. Воспоминания (И4); Ананьич Б. В., Ганелин Р. III. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Л., 1963 (ИЗ). Указы об учреждении наместничества (30 июля 1903 г.) и Особого комитета (30 сентября 1903 г.) — ПСЗ-III (И1).

Глава 4

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988 — численность бывших офицеров в РККА и белых армиях, состав командования фронтов и армий (ИЗ). Декрет СНК 29 июля 1918 г. о призыве бывших офицеров (И1). Приказ Председателя РВСР № 30 от 30 сентября 1918 г. о семьях военспецов (И1). Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957 (И4). Воззвание «Ко всем бывшим офицерам» — Правда, 30 мая 1920 г. (И1/И5). Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931. М., 2000 — операция «Весна» (ИЗ). Слащёв Я. А. Крым в 1920 г. (И4); о курсах «Выстрел» — ведомственная историография (ИЗ).

Глава 5

Постановление ГКО № 801сс от 15 октября 1941 г. — РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 12 (И1). Декрет СНК о размерах вознаграждения народных комиссаров, ноябрь 1917 г. (И1). Постановление о партмаксимуме 1921 г. — по своду партийных решений (И1). Постановление Политбюро 8 февраля 1932 г., протокол № 87, п. 9 — РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 871 (И1). Постановление о категориях оплаты ответственных работников 1933 г. (И1; точный шифр не установлен). Варга Е. С. Вскрыть через 25 лет (И4). Дела Ванникова и Устинова — по биографическим справочникам (И3). О трофейном деле: материалы следствия и допросы, опубл. в: Военные архивы России. 1993. Вып. 1 (И1/И2). Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР 28 марта 1947 г. о судах чести (И1). Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010 (И3). Данные о закрытом письме ЦК 1952 г. о снижении довольствия — по вторичным публикациям; первичный документ автором не установлен.

Глава 6

Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) 12 октября 1923 г. о порядке назначений — РГАСПИ, ф. 17, оп. 112 (И1). Постановления ЦК о проверке (1935) и обмене (1936) партийных документов (И1). Об Особом секторе ЦК и Поскрёбышеве: Хлевнюк О. В., указ. соч.; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002 (И1/И3). Дело Ежова — Петров Н. В., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008 (И3). Дело Берии: Политбюро и дело Берия: сборник документов / под ред. О. Б. Мозохина. М., 2012 (И1). Статья И. С. Конева — Правда, 3 ноября 1957 г. (И5). Дело Кабакова — по материалам Свердловского обкома, опубл. в региональной историографии (И3). Численность номенклатуры — Восленский М. Номенклатура. М., 1991 (И3, с оговоркой о происхождении данных).

Глава 7

Постановление Политбюро 15 февраля 1949 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.» (И1). Указ Президиума Верховного Совета СССР 12 января 1950 г. о восстановлении смертной казни (И1). Определение Военной коллегии Верховного суда СССР 30 апреля 1954 г. (И2). Записка М. И. Родионова в ЦК, сентябрь 1947 г. — РГАСПИ (И1). Демидов В. И., Кутузов В. А. «Ленинградское дело». Л., 1990 (И3). Микоян А. И. Так было. М., 1999 (И4). Постановление XX съезда об образовании Бюро ЦК по РСФСР (1956) и решение XXIII съезда о его упразднении (1966) (И1). Материалы учредительного съезда КП РСФСР, июнь 1990 г. (И1/И5).

Глава 8

Акт о престолонаследии 5 апреля 1797 г. — ПСЗ-I, т. XXIV, № 17910 (И1). Основные государственные законы 23 апреля 1906 г., гл. II (И1). Ленин В. И. Письмо к съезду // ПСС, т. 45 (И1). Материалы XIX съезда и пленума ЦК 16 октября 1952 г. — по: Симонов К. Глазами человека моего поколения (И4); Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011 (И3). Протокол совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР 5 марта 1953 г. — Источник. 1994. № 1. С. 107–111 (И1).

Глава 9

Указ Президиума Верховного Совета СССР 1 сентября 1953 г. об упразднении Особого совещания (И1). Указ 13 марта 1954 г. об образовании КГБ при Совете Министров СССР (И1). Положение о прокурорском надзоре 24 мая 1955 г. (И1). Положение о КГБ при Совете Министров СССР, утв. 9 января 1959 г. (И1). Справка И. А. Серова к Пленуму ЦК, июнь 1957 г. — по: Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ, 1917–1991: справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003 (И2/И3). О порядке санкции партийного органа на оперативную разработку номенклатурных работников — свидетельства бывших сотрудников (И4); нормативный текст закрытых инструкций автором не установлен, что оговорено в главе. Об уничтожении оперативных материалов 1954–1955 гг. — Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005 (И3).

Глава 10

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1871 от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (И1). Записка комиссии П. Н. Поспелова 9 февраля 1956 г. — Реабилитация: как это было. Т. 1. М., 2000 (И1). Доклад Н. С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» 25 февраля 1956 г.; постановление ЦК 30 июня 1956 г. (И1). Сталинские расстрельные списки — публикация по фондам Архива Президента РФ (АП РФ, ф. 3, оп. 24) (И1). Дела Г. И. Мартиросова и И. И. Матевосова — послужные списки, постановление СНК о присвоении генеральских званий, июль 1945 г., решение КПК при ЦК КПСС, май 1955 г., ответ Центрального архива ФСБ (И2); подробнее — материалы серии «Историческая Россия», сезон 1.

Глава 11

Постановление Пленума ЦК КПСС 29 июня 1957 г. «Об антипартийной группе» (И1). Стенограмма июньского пленума — Молотов, Маленков, Каганович. 1957: стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1998 (И1). Закон 10 мая 1957 г. о совнархозах (И1). Устав КПСС, принятый XXII съездом, § 25 (И1). Устав КПСС в редакции XXIII съезда (И1). Постановление Пленума ЦК 14 октября 1964 г. (И1). Таубман У. Хрущёв. М., 2005 (И3).

Глава 12

Составы ЦК по съездам и доли переизбранных — Mawdsley E., White S. *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev*. Oxford, 2000 (И3); Rigby T. H. *Political Elites in the USSR*. Aldershot, 1990 (И3). Возрастные данные Политбюро — по биографическим справочникам (И2/И3). Хлопковое дело — материалы следственной группы Прокуратуры СССР, опубл. частично (И2); Гдлян Т., Иванов Н. Кремлёвское дело. Ростов н/Д, 1994 (И4/И5, с оговоркой). Дело Щёлокова, дело Медунова — постановления ЦК и Президиума Верховного Совета СССР (И1).

Глава 13

NSC 20/1 «U.S. Objectives with Respect to Russia», 18 August 1948 — *Foreign Relations of the United States*, 1948, vol. I (И1). NSC 68, 14 April 1950 — *FRUS*, 1950, vol. I (И1). NSDD-75 «U.S. Relations with the USSR», 17 January 1983 — Reagan Library, рассекречено 1994 (И1). Оценки ЦРУ о валютных потерях СССР 1986 г. — CIA, Directorate of Intelligence, «USSR: Facing the Dilemma of Hard Currency Shortages», 1986 (И2). Гайдар Е. Т. *Гибель империи: уроки для современной России*. М., 2006 — динамика бюджетного дефицита и валютной выручки по документам Минфина и Госбанка (И3). Schweizer P. *Victory*. New York, 1994 (И4/И5). Крючков В. А. *Личное дело*. М., 1996 (И4).

Глава 14

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 991 от 19 августа 1986 г. (И1). Постановление Совета Министров СССР № 1405 от 2 декабря 1988 г. (И1). Постановление Совета Министров СССР № 49 от 13 января 1987 г. о совместных предприятиях (И1). Постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ № 321 от 13 марта 1987 г. «Об образовании Всесоюзного координационного совета научно-технического творчества молодёжи» (И1). Закон СССР о государственном предприятии (объединении) 30 июня 1987 г. (И1). Закон СССР о кооперации в СССР № 8998-XI от 26 мая 1988 г. (И1). Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 821 от 17 июля 1987 г. о банках (И1). Основы законодательства об аренде 23 ноября 1989 г.; Закон о собственности в СССР 6 марта 1990 г. (И1). Постановление Секретариата ЦК КПСС 23 августа 1990 г. «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии» — опубл. по материалам Комиссии по расследованию, 1991–1992 (И1). Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М., 2005 — данные о центрах НТТМ и молодёжных кооперативах (И3). Данные Госкомстата о кооперативах 1990 г.; данные Госбанка об эмиссии наличных 1985–1990 гг. (И2). Приговоры Военной коллегии по делам Мартынова и Моторина — по открытым публикациям (И2/И3).

Глава 15

Закон СССР № 1409-I от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» (И1). Закон СССР 27 декабря 1990 г. «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» (И1). Постановление Верховного Совета СССР 21 марта 1991 г. об итогах референдума (И1). Декларация о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г. (И1). Законы РСФСР 24 октября 1990 г. и 31 октября 1990 г. (И1). Указ Президента РСФСР № 59 от 19 августа 1991 г. (И1). Закон СССР № 2392-I от 5 сентября 1991 г. (И1). Соглашение о создании СНГ 8 декабря 1991 г.; постановления Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1991 г. № 2014-I и № 2015-I (И1). Алма-Атинская декларация 21 декабря 1991 г.; декларация Совета Республик 26 декабря 1991 г. (И1). Постановление Государственной Думы № 157-II ГД от 15 марта 1996 г. (И1). Дело Илюхина — постановление о возбуждении уголовного дела 4 ноября 1991 г. и последующие акты Прокуратуры СССР (И2). Бакатин В. В. Избавление от КГБ. М., 1992 (И4).

Глава 16

Указ Президента РФ № 1333 от 5 ноября 1992 г. (И1). Постановление Совета Министров СССР о концерне «Газпром» 8 августа 1989 г. (И1). Постановление Совета Министров СССР № 18 от 25 ноября 1991 г. (И1). Указ Президента РФ № 1403 от 17 ноября 1992 г. (И1). Указ Президента РФ № 721 от 1 июля 1992 г. (И1). Государственная программа приватизации, утв. постановлением Верховного Совета РФ № 2980-1 от 11 июня 1992 г. (И1). Указ Президента РФ № 914 от 14 августа 1992 г. (И1). Указ Президента РФ № 889 от 31 августа 1995 г.; итоги залоговых аукционов — по данным РФФИ и Счётной палаты (И1/И2). Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу *Berezovsky v Abramovich*, 31 августа 2012 г. (И2). Счётная палата РФ. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы. М., 2004 (И2). Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1; Она же. *Анатомия российской элиты*. М., 2005 (И3). Обращение «Выйти из тупика!» — *Коммерсантъ*, Независимая газета, 27 апреля 1996 г. (И5). Предсмертная записка С. Ф. Ахромеева — опубл. в материалах следствия (И2/И4).

Библиография (основные позиции)

Нормативные акты и документы: Полное собрание законов Российской империи, собрания I–III. Свод законов Российской империи, т. I, изд. 1906 г. Сборники постановлений ЦК ВКП(б)/КПСС и Совета Министров СССР. Ведомости Верховного Совета СССР и РСФСР, 1990–1991. Собрание актов Президента и Правительства РФ, 1992–1996. *Foreign Relations of the United States, 1948–1950*. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1–3. М., 2000–2004. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. М., 2002. Молотов, Маленков, Каганович. 1957: стенограмма июньского пленума. М., 1998. Лубянка: справочник. М., 2003.

Историография: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.; Восленский М. С.; Гайдар Е. Т.; Демидов В. И., Кутузов В. А.; Захарова Л. Г.; Зайончковский П. А.; Кавтарадзе А. Г.; Киселёв М. А.; Крыштановская О. В.; Лукоянов И. В.; Петров Н. В.; Петров Н. В., Янсен М.; Романов Б. А.; Романович-Славатинский А. В.; Таубман У.; Тинченко Я. Ю.; Фаизова И. В.; Хлевнюк О. В.; Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.; Kotz D., Weir F.; Kullberg J.; Mawdsley E., White S.; Rigby T. H.

Мемуары и свидетельства (уровень И4, используются с оговорками): Бакатин В. В.; Бонч-Бруевич М. Д.; Витте С. Ю.; Крючков В. А.; Микоян А. И.; Симонов К. М.; Слащёв Я. А.; Штелин Я.; Schweizer P.

Исходные данные доказательных визуалов

В.1. Две дуги: 1714 1762 1785 1861 1903 1917 и 1923 1932 1953–57 1966 1987 1991 1996; события — по главам 1–3, 5–6, 9–11, 14–16.

В.2. Четыре свойства служилого состояния и их снятие: дворянство (1731, 1736, 1762, 1775, 1785) / номенклатура (1932, 1953, 1954, 1957, 1966) — гл. 1, 2, 5, 9, 11.

В.3. Два досье: органы (подозрение оперативное действие) и ОРПО (назначаемость допуск к должности) — гл. 6.

В.4. Пять механизмов и порядок их снятия 1953–1966 — гл. 6, 9, 11.

В.5. Шлюзы 1986–1990: акты, даты, что открывал каждый — гл. 14; данные Госбанка об эмиссии 1985–1990.

В.6. Правовая последовательность 1990–1991 с указанием компетентного органа и фактически принявшего — гл. 15.

В.7. Цепь должность решение доступ актив контроль собственность защита на примере «Газпром» (1989–1996) — гл. 16.

В.8. Состав элиты 1995 г. по Крыштановской: доли выходцев из номенклатуры по сегментам — гл. 16.

В.9. Контрпримеры личного выбора: 1918 (военспецы), 1941 (Ванников/Устинов), 1983 (Андропов), 1991 (Ахромеев, Пуго, Илюхин) — гл. 4, 5, 12, 15, 16.

В.10. Категории ограничителей и их наличие в двух конструкциях — эпилог.

Оговорка о характеристиках лиц

Все характеристики упомянутых в книге лиц являются оценочными суждениями автора, основанными на указанных в примечаниях документах и публикациях. Описанные действия квалифицируются институционально — по их месту в разбираемом механизме, — а не юридически; никакое утверждение книги не является утверждением о совершении кем-либо преступления, если такое не установлено вступившим в силу приговором суда, на который в тексте дана ссылка. Лица, внесённые в реестр иностранных агентов, отмечены при упоминании.